

СЕМИНАР
"СРЕДА ОБИТАНИЯ: ГОРОД"

1-2 декабря 2012

Музыкальное сопровождение:
Гектор Берлиоз
Родин Щедрин

ВОРОНЕЖ
2012-2013 учебный год

«Для того, чтобы изменить жизнь, мы должны изменить пространство»

Анри Лефевр

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Борис Миронов</i>	Город из деревни: четыреста лет российской урбанизации	5
<i>Лилия Карачурина</i>	Тенденции последних 20 лет. Урбанизация по-российски	20
<i>Елена Трубина</i>	Город сквозь призму теории	32
<i>Наталья Зубаревич</i>	Пусто, и густо	38
<i>Наталья Зубаревич</i>	Городские бюджеты останутся дефицитным	43
<i>Ольга Андреева</i>	Город в 2050 году	45
<i>Илья Лежава</i>	Линейные города	51
<i>Денис Визгалов</i>	Десять стадий «взроslения» территориального брендинга	59
<i>Ольга Вендина</i>	Мигранты в российских городах	68
	Музыкальное сопровождение семинара	79

Город из деревни: четыреста лет российской урбанизации

Борис Миронов

доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, главный научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН

«Бог да город, черт да деревня. Город — царство, а деревня — рай.»

Русские пословицы

Поселения, именуемые «городами», существуют в России более тысячи лет, но те из них, которые можно считать городами в современном смысле — то есть центрами культуры, промышленности, торговли, услуг, финансов и информации, появились сравнительно недавно — около трехсот лет назад. Вместе с забытой ныне деревенской прозой 1960—1980-х годов из массового сознания россиян ушла антитеза: город — как противное природе, искусственное образование, где живут люди, разъединенные деньгами и эгоизмом, и деревня — как вместилище правды и справедливости, покоя и гармонии, пристанище наивных добрых людей, объединенных общими и высокими ценностями. Сегодня город для россиян — это высшее проявление цивилизации, место утонченности, активности, свободы, изменений и богатства, инструмент решения всех социальных проблем, а с деревней, в свою очередь, ассоциируются примитивность и отсталость, пьянство и бедность, скука и идиотизм жизни. Попробуем разобраться, насколько эти образы и представления соответствуют историческим реалиям.

Что такое город и что такое российский город

Среди исследователей нет единой точки зрения относительно определения понятия «город» и его отличия от сельского поселения. Большинство ученых склоняются к мнению, что в каждую эпоху и в каждой стране понятия города и деревни наполнены собственным экономическим, социальным и политическим содержанием, и невозможно дать общее определение, применимое ко всем временам, не только в мировом масштабе, но даже в пределах одной страны. На мой взгляд, городами являются те поселения, которые считали таковыми современники и сами их жители. Такой подход позволяет подойти к проблеме исторично и объективно оценить, что собой представляли города в каждый момент своей истории, как, почему и в каком направлении они эволюционировали.

На протяжении российской истории городами называли различные типы поселений. Само это слово произошло от «ограды», «забора», и во времена Киевской Руси, в X — первой трети XIII века, город представлял собой крепость, где укрывались и оборонялись от неприятеля. Это был военно-административный и религиозный центр соседних земель, в котором находились княжеский двор, церковь и вечевая площадь. Тогда же от глаголов «посадить», «садить» произошло и слово «посад», обозначавшее часть города вне крепости, в которой, собственно, и проживало население, занятое торговлей, ремеслом и другими промыслами.

В московский период — XIV—XVII века — город по-прежнему играл роль военно-административного и религиозного центра. Новое же состояло в том, что посады стали сливаться с крепостью в единое целое, которое и именовалось отныне городом, а сама крепость, прежде носившая это название, — кремлем. Расширилось и понятие «посад», которое стало обозначать не только предместье города, но и населенный пункт или торгово-ремесленный центр без крепости, а также и население, жившее на посаде. Как в киевский, так и в московский периоды четкого отделения города от деревни в территориальном, административном, финансовом и других отношениях не существовало. Не отличались они и профессиональной структурой населения, поскольку горожане имели право заниматься сельским хозяйством, а крестьяне — торговлей и ремеслом.

С начала XVIII века и вплоть до настоящего времени городом называется населенный пункт, официально признанный в качестве такового государством. Жалованная грамота городам 1785 года четко сформулировала юридические права «городских обывателей» и определила формальные критерии города — получение от императора собственной жалованной грамоты, в соответствии с которой создавалось самоуправляющееся городское общество с правами юридического лица, а также утвержденные монархом герб

и план города. Официальные города имели разные ранги — столичный, губернский, уездный и безуездный, или заштатный. До 1860-х годов к городским или административно-промышленным поселениям (но не к городам!) относились и другие виды неземледельческих поселений:

- местечко — торгово-промышленный центр без крепости, заселенный преимущественно евреями, на территории, присоединенной в результате разделов Польши;
- посад;
- отдельно стоящее промышленное заведение;
- духовное, или религиозное, поселение;
- военное поселение.

Городских поселений было в несколько раз больше, чем городов: в 1857 году, к примеру, в 4,3 раза — 2876^[1]. Значительную их часть составляли местечки и города, утратившие свое бывшее значение, не получившие жалованной грамоты, не имевшие герба и плана, но формально еще не разжалованные в деревни. Некоторые из них со временем все же постигла эта участь, но большинство продолжали де-факто пользоваться некоторыми привилегиями городского поселения. Все это создает большие трудности при подсчете общего числа городов и городских поселений до середины XIX века. После реформ 1860-х годов помимо самих городов городскими поселениями продолжали считаться только посады и местечки, причем для получения соответствующего статуса их должны были населять мещане, образующие мещанское общество.

В научной литературе с конца XVIII века, а в массовом сознании со второй половины XIX века под «городом» стали понимать крупное поселение преимущественно торгово-промышленной ориентации. Между тем формальные критерии для получения статуса города оставались прежними: официальное постановление, а также наличие специфических городских учреждений — думы и др. Юридические права жителей по-прежнему в значительной мере зависели от того, считалось ли данное поселение городом официально. Официальные города имели преимущества в учреждении ярмарок, базаров и особенно пунктов стационарной торговли, запрещенной в деревнях.

До начала XIX века число официальных городов изменялось после каждой административной реформы. В 1678 году их насчитывалось 200, в 1708 году — 339, в 1719 году — 280, в 1727 году — 342, в 1738 году — 269, в 1760-е годы — 337. В ходе реформы местного управления 1775—1796 годов 271 сельское поселение было преобразовано в город, и общее их число достигло 673. Павел I упразднил 171 город,

Видъ Твери 300 лѣтъ тому назадъ. (Гравюра XVII вѣка).

Александр I частично их восстановил, и к 1811 году число городов в Европейской России и Сибири составило 567. Помимо частых административных реформ к изменению численности городов приводила подвижность границ, а также смена военных потребностей государства. При этом большинство прежних крупных экономических центров, даже в случае длительной стагнации (как в Новгороде, Пскове, Сольвычегодске, Ростове Великом), оставались губернскими или уездными городами. Их древность помогала сохранить если не экономическое, то административное и культурное значение.

К середине XIX века число городов наконец более или менее стабилизировалось. Продолжало изменяться только количество безуездных городов — в силу того, что, с

одной стороны, правительство иногда жаловало соответствующий статус развитым торгово-промышленным селам, а с другой — неудачливые заштатные города естественным образом превращались в сельские поселения.

В 1857 году в России насчитывалось 519 уездных и губернских городов, 122 безуездных и 50 посадов, в 1914 году — 541 губернский и уездный, 137 безуездных и 51 посад. С учетом размеров страны городская сеть была чрезвычайно редкой по сравнению с другими европейскими государствами. В 1857 году среднее расстояние между ближайшими городами и посадами в Европейской России составляло около 87 км, в Сибири — 516 км, а в 1914 году — 83 и 495 км соответственно. Ближе всего друг к другу располагались города Прибалтики — около 50 км, дальше всего — Якутской губернии — 887 км, а в Европейской России — города Архангельской губернии — 300 км. К 1987 году среднее расстояние между городами европейской части СССР стало менее 30 км[2].

Между тем европейский континент, за исключением его восточной части, уже в XV веке был покрыт густой сетью небольших городских поселений, находившихся друг от друга на расстоянии в среднем 20—30 км. В конце XVIII века среднее расстояние между городами в Австро-Венгрии, Великобритании, Германии, Италии, Испании и Франции составляло от 12 до 30 км, в середине XIX века — от 10 до 28 км, в начале XX века — от 8 до 15 км[3]. Любое же сельское поселение находилось от ближайшего города примерно в 10—15 км. То есть за один день европейский крестьянин мог добраться до города и вернуться домой даже пешком, а горожанин — достичь соседнего города. В России же, по крайней мере до создания в конце XIX века достаточно густой сети железных дорог, поездка на лошади из большинства сельских поселений в ближайший город, а тем более из города в город, учитывая плохое состояние дорог, требовала нескольких дней, что, естественно, чрезвычайно затрудняло сношения между поселениями.

Большой интерес представляет распределение городских поселений по числу жителей, так как от этого во многом зависело административное, экономическое и культурное значение города, характер общественного и частного быта его жителей (табл. 1).

Таблица 1 *Распределение городов России по числу жителей с конца XVII по XX век (без Кавказа, Польши, Финляндии и Средней Азии)*

Население, тыс.	1678	1722	1782	1856	1897	1910	1987***	2009***
Менее 1	71	60	70	41	18	15	71*	18
1—1,9	52	29	112	92	49	45		
2—4,9	63	54	209	231	154	151	53**	
5—9,9	9	36	111	188	185	173	244	98
10—19,9	4	8	33	77	129	148	593	309
20—49,9	—	3	4	32	75	15	662	354
50—99,9	—	1	1	7	31	43	262	156
100—499,9	1	—	2	3	12	19	236	129
500—999,9	—	—	—	—	—	2	32	24
1000+	—	—	—	—	2	2	23	11
Итого	200	191	542	672	655	700	2176***	1099

* До 3 тыс.

** 3—4,9 тыс.

*** Без поселков городского типа. В 1987 г. — СССР, в 2009 г. — Российская Федерация. Источник: Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб., 2000. Т. 1. С. 287; Народное хозяйство СССР за 70 лет. С. 376.

Наиболее распространенной классификацией по числу жителей является следующая: (1) малые города — до 20 тыс., (2) средние — от 20 до 100 тыс., (3) большие города — свыше 100 тыс. жителей. Во всех классификациях в качестве порога, как правило, фигурируют 20—25 тыс. жителей. Это не случайно, поскольку именно в городах с такой численностью населения образ жизни начинает меняться по сравнению с деревней. На рубеже XVII—XVIII веков в России существовал только один большой город — Москва, все остальные относились к категории малых — с населением менее 15 тыс. человек. К 1722 году три города стали средними, к 1782 году их было уже пять, а Петербург стал вторым большим городом России; к 1856 году средними стали 39 городов, а Одесса — третьим большим. К 1910 году в стране было 58 средних и 23 больших города, а население Петербурга и Москвы превысило 1 млн. Тем не менее вплоть до 1917 года в стране преобладали малые города, которых накануне революции было около 75 %. Однако доля населения там постоянно сокращалась: с 1722 года по 1910 год она снизилась с 98 до 23 %, в то время как в больших городах она возросла с 0 до 40 %, а в средних — с 2 до 37 %. Эта тенденция сохранилась и в советское время: в 1987 году в больших городах проживало 69 %, в средних — 28 %, в малых — 3 % населения. Среднее число жителей на один российский город (людность) непрерывно возрастало: с 1646 по 1910 год в 9,4 раза, с 1910 по 1987 год — еще в 3 раза, в постсоветское время — в 1,2 раза[4]:

	1646	1722	1782	1825	1870	1897	1910	1987	2009
Средняя людность города, тыс.	2,7	4,6	4,7	5,6	11,1	21,2	24,9	74,5	87,0

Рост средних и больших городов имел важные социальные последствия. Чем крупнее город и выше в нем плотность населения, тем больше имеется возможностей для трансформации социальных отношений, тем ярственнее проявляются там черты городского образа жизни. Деятельность людей становится профессионально разнообразной, увеличивается и степень социальной дифференциации. При этом традиции перестают играть роль базиса социальной солидарности, и социальный контроль над поведением личности ослабляется, вследствие чего она становится автономной и ее поведение индивидуализируется. Падает также социальное значение семьи, семейные, родственные и соседские связи ослабляются, межличностные отношения за пределами семьи становятся более сложными и вместе с тем приобретают поверхностный и анонимный характер.

Какова она — российская деревня

Сельские поселения делились на две большие группы:

- сплошные и крупные с числом жителей более 10 человек;
- одиночные и мелкие с числом жителей менее 10 человек.

В императорский период повсеместно, исключая Курляндскую, Лифляндскую и Харьковскую губернии, преобладали сплошные и крупные поселения. При этом число сельских поселений, в отличие от Западной Европы и начиная с XIX века от США и Канады, постоянно возрастало. В 1857 году в Европейской России насчитывалось 245 тыс. сплошных и 87 тыс. одиночных поселений, в 1897 году — 405 тыс. и 187 тыс. соответственно. Рост числа сельских поселений в пореформенное время, происходивший главным образом за счет разукрупнения крупных селений, доказывает, что крепостное право сдерживало естественный процесс расселения крестьян, так как помещикам и коронной администрации было легче управлять крестьянами, компактно проживавшими в крупных поселениях. В результате столыпинской реформы 1907—1915 годов возникло около 200 тыс. хуторов, в которых поселились крестьяне, вышедшие из сельских общин, благодаря чему к 1917 году число сельских поселений достигло 800 тыс. При этом в Сибири число поселений росло очень медленно: в 1856 году там насчитывалось 11 тыс., а в 1914 году — 12,6 тыс. К 1959 году число сельских поселений практически не изменилось, а за 1959—1989 годы и вовсе уменьшилось в 1,8 раза[5].

До 1860-х годов людность сельских поселений возрастала, а затем стала уменьшаться: в период между 1859 и 1897 годами в Европейской России — со 162 до 137 человек, а к 1989 году — менее чем до 100 человек[6]. Уменьшение людности сел и деревень в советское время объяснялось миграцией крестьян в города, а с 1960-х годов еще и принудительным их укрупнением.

В отличие от городских густота сельских поселений была достаточно высокой: в Европейской России среднее расстояние между ближайшими селениями в 1857 году составляло 3,8 км, в 1917 году — 2,5 км (примерно столько же, сколько в США и Канаде, но больше, чем в Западной Европе); в Сибири — соответственно 33 и 31 км. С 1897 по 1959 год густота сельских поселений не изменилась (на 100 кв. км приходилось 6 поселений), но к 1989 году, вследствие проводившегося укрупнения сел и деревень, она уменьшилась до 3,3[7].

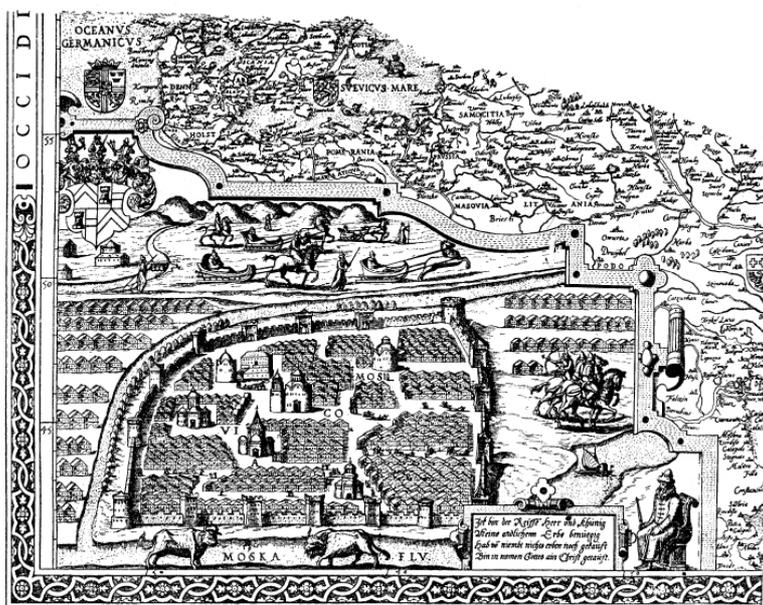
В XVII—XVIII веках большая часть крестьян проживала в мелких и средних селениях с населением менее 300 жителей, в XIX — первой половине XX века — в селениях, имевших более 500 жителей, а к 1980 году в крупных поселениях с числом жителей более 1000 человек проживала почти половина крестьянства[8]. Концентрация населения именно в крупных поселениях имела серьезные социально-экономические последствия. Там активнее развивались рыночные отношения, кустарная и фабричная промышленность, торговля и неземледельческие промыслы, включая отходничество; в них жило много мещан и купцов, занимавшихся предпринимательством; эти селения находились в тесной связи с городами и испытывали их влияние. Все это создавало предпосылки для трансформации крупных сел в городские поселения, если не формально, то фактически.

К тому же в России существовало значительное число деревень с населением свыше 2 тыс., которые во многих европейских странах были бы отнесены к городским поселениям. Это лишний раз доказывает, что четкой грани между городом и деревней не существовало, и деревни при благоприятном стечении обстоятельств превращались в города, которые, в свою очередь, при неудачном ходе дел, наоборот, становились деревнями.

Город и деревня: от слитности к диверсификации

Административное разделение города и округа постепенно подготавливалось социальным, профессиональным и юридическим размежеванием городского и сельского населения, которое началось еще со второй половины XV века, когда податное население городов получило специальное наименование посадских людей. В ходе посадской реформы 1649 года:

- посадские люди, наподобие крестьян, прикреплены к своим городам и к своей посадской общине;
- границы городов раздвинуты на две версты (2,2 км) по периметру, чтобы жители имели больше земли для занятия сельским хозяйством, и четко определены, дабы сельские поселения не смешивались с городами, а крестьяне — с посадскими людьми;
- приписка к месту жительства — посадской или сельской общине, а также род и величина повинностей стали критериями принадлежности к посадским или крестьянам;

Часть плана Москвы времени Юлиана Грознаго. (Немецкая гравюра XVII века).

- торгово-промышленная деятельность в черте города закреплялась за посадскими, хотя государственным и дворцовым крестьянам ею заниматься не воспрещалось;

- выход из городов запрещался, за исключением случаев, санкционированных коронной администрацией, а все, кто без разрешения покинул город, принудительно возвращались в посадские общины.

Следующий важный шаг в размежевании посадских и крестьян, города и деревни был сделан в ходе магистратской реформы 1721—1724 годов. Она подтвердила привилегии горожан на занятие торгово-промышленной деятельностью и впервые законодательно определила признаки принадлежности к городскому сословию (профессиональные занятия, жительство в городе, принадлежность к городской общине и право самоуправления).

В 1775 году правительство учреждает должность городничего как единственного своего представителя в городе и уездного воеводы — в сельской округе. Таким образом город выделился в самостоятельную административную единицу со специфическими государственными органами управления.

Жалованная грамота городам 1785 года завершила процесс размежевания города и деревни, горожан и крестьян, городских и сельских общин в юридическом отношении. Она впервые определила городское общество как совокупность всех жителей данного города, обладающих правами самоуправления. В городах была введена городская обывательская книга для обязательной регистрации всех горожан. «Городовой обыватель» получил право на жительство в городе и на пользование преимуществами городской жизни: лечебными, учебными, благотворительными и другими учреждениями, стационарной городской торговлей, общегородскими земельными угодьями, городским комфортом, обеспечением которого стала заниматься коронная администрация.

Однако формально-юридическое размежевание отнюдь не привело к тому, что крестьяне стали жить исключительно в деревнях, а горожане — в городах. Вплоть до начала XX века в городах проживало свыше 50 % лиц, не принадлежавших к городскому сословию, а в деревне — до 10 % лиц, не относившихся к крестьянству, в частности, 30 % всех мещан и купцов. Экономическое отделение города от деревни также сильно запаздывало за административным.

Зачем нужны города: функции городов

В таблице 2 приведены результаты классификации городов по преобладающему виду деятельности их жителей, или по функциям.

*Таблица 2 Экономическая структура городов Европейской России без Польши и Финляндии в XVIII—XIX веках, % **

Тип городов	1760-е гг.	1790-е гг.	1850-е гг.	1897 г.	1959 г.	1996 г.
Административно-военные	4,6	3,9	5,0	0,3	-	-
Аграрные	58,9	54,4	22,0	8,5	-	-
Смешанного типа	30,6	36,6	20,0	88,7	96,6	89,0
Торговые	2,3	3,9	10,0	-	-	-
Промышленные	3,6	1,2	43,0	2,0	-	-
Постиндустриальные (сервисные)	-	-	-	0,5	3,4	11,0
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

* Источники: Миронов Б. Н. *Русский город в 1740—1860-е годы*. Л., 1990. С. 201; Он же. *Социальная история России периода империи*. Т. 1. С. 297; *Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.* СПб., 1899—1905. Т. 1—50, 85, 86; *Город и деревня в Европейской России*. С. 121.

Под функциональной понимается только та деятельность городских жителей, которая связана с производством продукции или услуг на вывоз, то есть обеспечивает взаимодействие города с внешним миром. В качестве количественного критерия оценки значения той или иной функции обычно принимается число жителей, реально эту функцию выполняющих. В городе смешанного типа население более или менее равномерно распределяется между различными сферами материального производства и непромышленных отраслей.

Согласно полученным данным, преобладающим типом городского поселения к 1760-м годам оставался аграрный город, который отличался от деревни тем, что выполнял по крайней мере одну типично городскую функцию — административную, поскольку все города являлись уездными или губернскими административными центрами. Большинство же городов выполняло по две и более типично городских функций: до 77 % аграрных городов — торговую, будучи центрами ярмарочной, базарной или стационарной торговли, а около 29 % городов помимо административной и торговой — еще и промышленную; треть аграрных городов являлись культурными центрами, так как в них находилось какое-либо учебное заведение. Даже сельскохозяйственная деятельность горожан отличалась от деревенской, так как они занимались преимущественно огородничеством, садоводством, выращиванием технических культур и были тесно связаны с рынком. 37 % городов являлись по преимуществу торговыми, промышленными или городами смешанного типа. Причем в экономике городов смешанного типа земледелие играло также важную роль; и лишь в торговых и промышленных городах оно обслуживало только собственные потребности жителей. Еще около 5 % городов выполняли преимущественно административно-военную функцию.

К началу XIX века функциональная структура городов не претерпела радикальной трансформации, и, следовательно, полного отделения города от деревни с экономической точки зрения еще не произошло. Стагнация функциональной структуры городов во второй половине XVIII века была обусловлена реформой местного управления 1775 года, которая существенно увеличила сеть городов. В течение 1775—1796 годов правительство в приказном порядке преобразовало в города 271 сельское поселение, руководствуясь главным образом административными соображениями, а также преследуя цель количественно усилить городское сословие. Причем большинство преобразованных сел не являлись торгово-промышленными центрами, а их население не проявляло особого желания переходить в городское сословие. Об этом свидетельствуют ответы местной администрации в 1797 году на запрос правительства о состоянии городов, образованных по реформе 1775 года: 63 % новых городов оказались «недействительными», поскольку их жители занимались исключительно сельскохозяйственной деятельностью.

Функциональная структура городов радикально изменилась только к середине XIX века, когда ведущее положение заняли промышленные города (43 %), до 10 % увеличилась доля торговых городов; а города смешанного типа и особенно аграрные, наоборот, резко сдали свои позиции, составив только 20 и 22 % всех городов. Одновременно с этим земледелие везде потеряло свое прежнее значение: в 19 % городов Европейской России оно вообще перестало фигурировать в качестве функционального вида деятельности, в 44 % играло второстепенную роль, в 15 % — важную и лишь в 22 % городов — главную. Городов же, где сельское хозяйство являлось единственным источником средств существования, не осталось. Интересно отметить, что деградация аграрной функции города в целом сопровождалась известным прогрессом городского земледелия в тех местах, где оно сохранилось: экстенсивное хлебопашество было заменено там интенсивным огородничеством и садоводством.

По большинству социально-экономических показателей промышленные города в середине XIX века превосходили все остальные. За ними следовали торговые, третье место удерживали города смешанного типа, а наименее развитыми были аграрные и административно-военные. Например, среднее число жителей в промышленных городах составляло 14,4 тыс. человек, в торговых — 10,5 тыс., в городах смешанного типа — 5,9 тыс., в аграрных — 3,8 тыс., в административно-военных — 3 тыс. Валовой продукт городской экономики достиг в промышленных городах 954 тыс. рублей, в торговых — 213 тыс., в городах смешанного типа — 108 тыс., в аграрных — 51 тыс., в административно-военных — 40 тыс.; оборот торговли — соответственно 3074 тыс. рублей, 861 тыс., 250 тыс., 107 тыс. и 156 тыс.; доходная часть городского бюджета — 39,5 тыс. рублей; 7,1 тыс.; 5,5 тыс.; 2,4 тыс. и 2,9 тыс.

По уровню экономического развития, оцененному исходя из 22 пунктов (важнейшими среди них являлись величина промышленного производства и годовой оборот торговли), 74 % всех городов в 1850-х годах относились к слаборазвитым, 8 % — к среднеразвитым и 18 % — к высокоразвитым. Очевидно, что специализация города оказывала влияние на общий уровень его развития: 95 % аграрных и 92 % административно-военных городов являлись слаборазвитыми, в то время как среди торговых таковых насчитывалось уже 63 %, а среди промышленных — всего лишь 19 %. Ни одного высокоразвитого не было в

числе аграрных городов, среди административно-военных их доля составляла всего 8 %, а из торговых и промышленных высокоразвитыми являлись 30 %.

Подобное ранжирование представляется вполне закономерным, ибо в нем отражается динамика исторического развития русских городов. Административная и военная функции поселений служили толчком к образованию и развитию города, а аграрная функция на первых порах давала ему материальные и людские ресурсы, чтобы стать важным экономическим центром. Однако поступательное развитие города было возможно только благодаря усилению значимости промышленной и торговой функций. В противном случае он либо переживал застой, либо вообще утрачивал городской статус, как это случилось с 29 % из 316 административно-военных поселений в Европейской России, имевших статус города в 1745 году и потерявших его к 1860 году.

С началом промышленной революции в пореформенное время резко уменьшилось число аграрных и административно-военных городов, узкая специализация сменялась многофункциональностью, почти во всех городах возникли культурный сектор и сфера обслуживания. В 1850-е годы доля чисто административно-военных, аграрных и т. д. городов достигала 80 %, а к концу века составляла всего 10,8 % (66 из 612). Одновременно число городов смешанного типа возросло с 20 до 89 %. В 546 из них существовала ведущая отрасль занятости, определявшая экономическую физиономию города. Промышленность и строительство являлись ведущими отраслями в 37,6 % городов смешанного типа, сельское хозяйство — в 30,0 %, сервис — в 17,4 %, административно-военная сфера — в 9,7 %, торговля, транспорт и финансы — в 0,7 %, прочие отрасли — в 4,6 %. Характерно, что земледелие все еще оставалось важной отраслью городской экономики.

Еще один вариант классификации городов — доиндустриальные, индустриальные и постиндустриальные. Доиндустриальный город выполняет главным образом административную, военную и аграрную функции, индустриальный город — промышленную, торговую и транспортную, а в постиндустриальном ведущее место принадлежит сервисной функции, в которую включается и культурная деятельность. В соответствии с этими критериями в 1897 году из 612 российских городов 219, или 35,8 %, относились к доиндустриальному типу, 390, или 63,7 % всех городов, относились к индустриальным, так как ведущими отраслями городской экономики являлись промышленность, торговля, транспорт и финансы. И только в трех, или 0,5 % от всех городов (Петербурге, Одессе и Киеве), ведущим стал так называемый третичный, сервисный, вид деятельности[9].

Таким образом, в конце XIX века одновременно сосуществовали умирающие доиндустриальные, бурно развивающиеся индустриальные и зарождающиеся постиндустриальные города. Сильные позиции доиндустриальных городов говорят о том, что сельское хозяйство, в частности огородничество, в конце XIX века по-прежнему оставалось важной отраслью городской экономики. Даже в Петербурге в 1830-е годы под огороды было отдано 14 % всей территории города, и к 1860-м годам их площадь только выросла до 19 % — благодаря расширению столицы за счет пригородных сел и деревень. В 1897 году огородничеством занимались 17,7 тыс., или 2 %, жителей Петербурга и 15,4 тыс., то есть тоже 2 %, москвичей. Петербуржцы содержали около 8 тыс. коров, а москвичи — еще больше. Живучесть традиционного уклада следует признать вполне естественной, поскольку промышленная революция пришла в Россию относительно поздно — только после реформ и эмансипации, и даже те изменения, которые она успела принести менее чем за три десятилетия, следует признать существенным прогрессом.

Уровень урбанизации России

Как ни парадоксально, принципиально важный процесс урбанизации в течение второй половины XVIII — первой половины XIX века шел на фоне уменьшения доли городского населения: с 1742 по 1856 год она снизилась с 13 до 9 %, хотя абсолютная численность горожан и увеличилась (табл. 3).

Таблица 3 Численность городского и сельского населения в России и СССР в XVIII—XX веках*

Год	Городское	Сельское	Итого	% горожан
-----	-----------	----------	-------	-----------

1742	2,3	15,4	17,4	13,0
1783	3,2	24,5	27,6	11,6
1825	4,2	42,0	46,2	9,1
1856	5,2	52,4	57,6	9,0
1869	6,2	59,5	65,7	9,5
1897	12,1	81,4	93,4	12,9
1914	19,5	108,2	127,7	15,3
1939	60,4	130,3	190,7	31,7
1940	63,1	131,0	194,1	32,5
1960	103,6	108,8	212,4	48,8
1961	107,9	108,4	216,3	49,9
1962	111,2	108,8	220,0	50,5
1990	190,6	98,0	288,6	66,0
1990**	109,2	38,8	148,0	73,8
2009**	103,7	38,2	141,9	73,1

* В XVIII — начале XX века Европейская Россия без Польши и Финляндии, в 1939-1990 гг. — СССР.

** Российская Федерация.

Источники: Кабузан В. М. *Народонаселение России в XVIII — первой половине XIX в.* М., 1963. С. 164—165; Миронов Б. Н. *Русский город...* С. 241—249; *Статистические таблицы Российской империи за 1856 год.* С. 204—207; *Статистический временник Российской империи.* Сер. 2. Вып. 10. СПб., 1875. Отд. 1. С. 18, 87—104; *Общий свод данных переписи 1897 г.* Т. 1. С. 1, 12—13; *Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.* Вып. 5. *Окончательно установленное при разработке переписи наличное население городов.* СПб., 1905. С. 5—24; *Города России в 1910 году.* СПб., 1914; *Ежегодник России 1910 г.* СПб., 1911. С. 49; *Статистический ежегодник России 1914 г.* Пг., 1916. С. 46—47. Эберхард П. *География населения России.* СПб., 2003. С. 15—35; *Население России 2008.* С. 26—33.

«Деурбанизация» была повсеместной, различались только темпы. В чем же причины этого явления? Одна из них состояла в том, что городская смертность превосходила сельскую. Скученность населения вела к распространению инфекционных заболеваний, санитарно-гигиенические условия были хуже, чем в деревне, условия труда тяжелее, а многие городские профессии вредны для здоровья, в городах концентрировалось большое число военных, особенно отставных, нищих, люмпен-пролетариев, среди которых наблюдалась повышенная смертность, более распространены были пауперизм, преступность, алкоголизм и проституция.

Второй причиной снижения доли городского населения была слабая миграция крестьянства, которая до эмансипации ограничивалась рядом факторов. В XVIII — первой четверти XIX века в связи с российской революцией цен в стране сохранялась благоприятная аграрная конъюнктура, благодаря которой ведение сельского хозяйства было выгоднее торгово-промышленных занятий. Цены на сельскохозяйственную продукцию росли быстрее, чем на промышленную, доходы горожан не успевали за ростом цен, вследствие чего приток крестьян в город замедлялся, а в ряде регионов наблюдался даже отток в сельскую местность. Сдерживала переселение в города также и интенсивная колонизация Новороссии, Северного Кавказа, Нижнего Поволжья, Южного Приуралья,

принявшая громадные размеры с выходом России к Черному морю и укреплением границ на Каспийском побережье в конце XVIII века. За 1782— 1858 годы в эти регионы мигрировало около 3,6 млн человек[10]. Поток колонистов забирал из центральных районов потенциальных мигрантов в города и замедлял урбанизацию. Пример России в этом отношении не был уникальным: например, в североамериканских колониях Англии (будущих США) под влиянием сельскохозяйственного освоения территории доля городского населения снизилась с 9—10 % в 1709 году до 4—5 % в 1790 году[11].

До отмены крепостного права во владении крестьян находился значительный фонд земли. Это препятствовало процессу раскрестьянивания, который обычно предшествует или сопутствует переселению крестьян в города. Там, где возникал недостаток земли, он компенсировался неземледельческими занятиями, в особенности временным уходом с мест постоянного проживания на заработки в районы развитой промышленности и торговли. Но отходничество (в 1860-е годы им занимались 1,3 млн крестьян) не приводило к стабильному росту городского населения. Если хотя бы десятая часть отходников осела в городах, то доля горожан сразу бы поднялась на 2 %. Стоит, впрочем, отметить, что само по себе наличие у крестьян значительного земельного фонда не могло бы остановить раскрестьянивания и, соответственно, миграцию в города, если бы не сельская передельная община, гарантировавшая каждому новому работнику участок земли.

Кроме того, в Россию с большим опозданием по сравнению с западноевропейскими странами — только после эмансипации — пришла промышленная революция, а доиндустриальный город не мог предоставить работу значительному числу переселенцев из-за слабого развития промышленности и торговли, которые, к тому же, далеко не всегда концентрировались в городах.

Наконец, рост городов до середины XIX века сдерживался правительственной политикой. Во-первых, закон допускал торгово-промышленную деятельность крестьян не только в сельской местности, но и в городе, и до 1812 года она даже не облагалась промысловым налогом. Вследствие этого крестьянам, занимавшимся торговлей и промышленностью, было незачем переходить в городское сословие. С 1812 по 1824 год промысловый налог для крестьян был меньше, чем для купечества и мещанства, а с 1827 года стал равным ему. И только с этого времени миграция крестьян в города усилилась, а падение процента городского населения замедлилось.

Важнейшим фактором, сдерживавшим переезд крестьянства в города, являлось крепостное право, но даже после Великих реформ урбанизация проходила все равно вяло: с 1856 года и до начала Первой мировой войны доля городского населения увеличилась с 9 до 15,3 %. За время войны, к лету 1916 года, в результате массовых переселений в города крестьян, призванных в армию, она выросла еще на 2,1 %, составив 17,4 %[12]. И это при том, что в пореформенной России проходила индустриализация, в деревне росло малоземелье и крестьянство испытывало большие экономические трудности.

Чем же можно объяснить медленные темпы урбанизации в пореформенное время? По моему мнению, и в новых условиях действовали в основном те же факторы, что вызвали падение доли городского населения в XVIII — первой половине XIX века. Во-первых, после эмансипации земельный фонд, принадлежавший крестьянам, лишь немного уменьшился. Надельная земля постепенно выкупалась, и, естественно, крестьяне, вкладывавшие в нее большие средства, всеми силами стремились сохранить ее за собой, в чем, как и прежде, сильно помогала передельная сельская община. Даже те крестьяне, которые постоянно жили в городе, не теряли связь с деревней, оставляя там свои семьи. Неженатые и незамужние временные жители городов не торопились вступать там в брак. В 1897 году в городах только 60 % мужчин бракоспособного возраста состояли в браке, в деревне же — 76 %, среди женщин этот показатель составлял соответственно 53 и 69 %[13]. Таким образом, мигранты не закреплялись в городе на постоянной основе, а рассматривали свое пребывание там как временное. Если бы все разделенные семьи воссоединились в городе, доля городского наличного населения сразу поднялась бы на 4 %. Например, среди жителей Петербурга в 1900 году коренных был всего 31 %. Большинство пришлых были крестьянами — 861 тыс., или 72 % общей численности некоренного населения, среди них, в свою очередь, преобладали женатые мужчины, оставившие свои семьи в деревне. Пришлые женщины в массе своей были не замужем, но

в город они перебирались только затем, чтобы собрать приданое и вернуться обратно в деревню. Подобная ситуация наблюдалась во всех крупных городских центрах.

Второй фактор, замедлявший рост городского населения, состоял в том, что российская индустриализация имела «рассеянный» характер, в равной степени охватывая город и сельскую местность, вследствие чего «рассеянной» была и урбанизация. По данным В. Семенова-Тян-Шанского, в 1910 году в Европейской России насчитывалось 600 сельских поселений, превосходивших по своему промышленно-торговому значению многие города. В них проживало более 4 млн человек. Если бы на это число увеличилось городское население, то оно превысило бы 20 млн, а его доля достигла 17 %^[14]. В 1916 году в сельских поселениях городского типа проживало 3 % населения страны, вместе с ним доля горожан превышала 20 %.

Наконец, третий фактор, тормозивший урбанизацию, состоял в том, что, как уже говорилось выше, статус города приобретался поселением не автоматически, по достижении определенной людности или уровня промышленного и торгового развития, а по правительственному указу. Если бы в России, как в некоторых западноевропейских странах, например во Франции, при наличии 2 тыс. жителей сельские поселения автоматически переходили в категорию городских, то число городов уже в 1857 году достигло бы 4000, численность городского населения — 14,3 млн, а его доля — 24 %. А в 1897 году городов было бы уже 5600, численность горожан — 30,2 млн, а их доля — 32,3 %. И тогда Россия не выглядела бы почти сплошь деревенской.

Горожане и крестьяне: от общности к дифференциации

На протяжении XVIII — начала XX века произошла радикальная трансформация в занятиях горожан и, соответственно, в функциях городов. Земледелие вытеснялось за пределы городских стен вследствие сокращения земельных и водных ресурсов города на душу населения: за 1722—1910 годы численность населения, проживавшего в городах, границы которых практически не расширялись с середины XVII века, возросла в 5,4 раза. В условиях растущей земельной тесноты горожане по необходимости переключались на промышленность, торговлю и сферу услуг. Структурные изменения городской экономики повлекли за собой радикальные перемены в характере труда, в образе жизни городского населения, в значении городов для жизни страны. Изменился даже облик городов: они перестали быть одноэтажными, улицы и переулки — путаными, застройка стала более плотной.

Вот несколько цифр, дающих представление о внешнем виде и уровне комфорта русских городов в 1825 и 1910 годах. В первой четверти XIX века большая часть улиц и площадей оставалась немощеной, по вечерам они не освещались, общественная уборка улиц не производилась; водопровод, канализация, телефон и телеграф отсутствовали. Театры, музеи и общественные библиотеки являлись большой редкостью даже в губернских городах. В 1825 году в среднестатистическом российском городе было 5 тыс. жителей, проживавших в 583 домах по 8—9 человек в каждом; из них 91 % были деревянными и 9 % — каменными. На один город приходилось 5—6 церквей, одно-два учебных и два благотворительных заведения, три трактира, одна общественная баня, 14—15 питейных домов и 51 маленький магазинчик. В 1910 году число жителей в среднестатистическом городе увеличилось до 25 тыс.; они проживали в 2310 домах по 9—10 человек в каждом; из них 80 % являлись деревянными и 20 % — каменными. На один город приходилось 12 церквей, 13 учебных и 1 благотворительное заведение, 35—36 трактиров и 18—19 «пивных лавок и винниц». Вечернее освещение улиц имелось в 87 % городов, водопровод — в 20 % и канализация — в 5 %. Практически в каждом городе имелись больница и аптека. Каждый третий город располагал театром, каждый второй — клубом или народным домом, каждый десятый — музеем. 60 % городов имели типографии, 49 % — библиотеки или читальные залы. В 4,5 % городов ходили трамваи, в 2,6 % работал телеграф и в 26,7 % — телефон. Правда, всеми этими достижениями пользовалась незначительная часть состоятельных горожан, проживавшая в центре городов с чистыми и мощеными улицами, в благоустроенных домах с водопроводом и канализацией. Для основной же массы городского люда уровень комфорта оставался таким же, как и в начале XIX века.

Торжокъ въ XVIII вѣкѣ. (Гравюра того времени).

Если в материальной сфере города в XVIII—XIX веках стали довольно заметно отличаться от деревень, то общей народной культурой были объединены и крестьяне, и городские низы, составлявшие около 90 % всех горожан. Что вполне естественно, учитывая факт постоянного проживания крестьян в черте города, часто в рамках крестьянской общины, и, наоборот, мещан и купцов — в деревне. Известный в

пореформенной России социолог и экономист Н. Флеровский убедительно показал сходство материального положения, домашнего и семейного быта, мировоззрения и менталитета крестьян, мещан, ремесленников, кустарей и рабочих. «Во всех частях России, — резюмировал он свои наблюдения, — работник, несмотря на несомненные природные способности, в главных и общих проявлениях своей жизни всего более руководствуется стремлением к минутному удовлетворению своих потребностей без всякой мысли о будущем или предрассудками, которые он никогда не пытался анализировать или разоблачать. Можно сказать, что рационально он поступает только в необыкновенных случаях своей жизни, когда у него нет рутинного правила, которое закачивает до дремоты его ум и его сердце. <...> В промышленных губерниях он как будто пробуждается к жизни. Он впервые покидает это пассивное существование, в котором человек живет, как живется, без страстных стремлений, без борьбы с жизнью, богатеет, если богатство легло случайно на его пути, беднеет точно так же. Он впервые выходит из той жалкой сферы, в которой каждый думает о своих потребностях только тогда, когда они явились, и удовлетворяет их первым попавшимся способом»^[15].

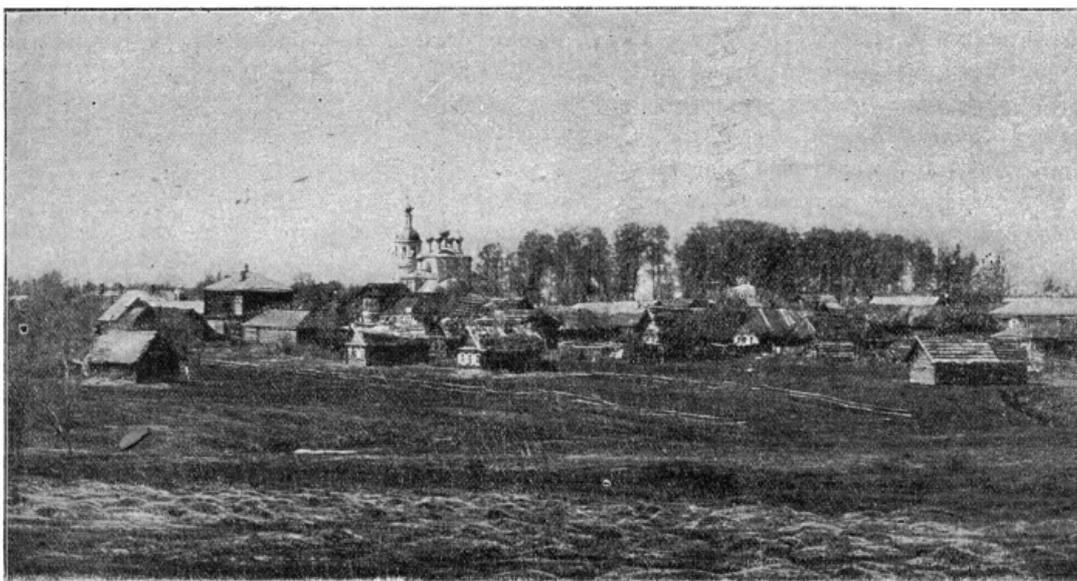
Между тем городское сословие в сравнении с крестьянством находилось в привилегированном положении: имело право на частную собственность, было защищено законом, имело сословный суд, самоуправление, индивидуально вело свое хозяйство, купечество даже освобождалось от круговой ответственности. И тем не менее обладало общим с крестьянством менталитетом. Причин этой парадоксальной, на первый взгляд, ситуации несколько. Мещане, ремесленники и крестьяне-горожане не являлись предпринимателями в истинном смысле этого слова. Как и для крестьян-земледельцев, целью их хозяйства являлось получение только пропитания, а общей жизненной целью — не богатство и власть, а спасение души. Буржуазная трудовая мораль была им чужда. По наблюдениям Флеровского, «солидный первостепенный работник всегда возбуждает зависть или даже ненависть; про работника же тщеславного и мота, готового легкомысленно пропустить честно и с трудом заработанные деньги сквозь пальцы, лишь бы пустить пыль в глаза, люди отзываются очень хорошо: "Это добрая душа и золотые руки — через него еще ни один человек не сделался несчастным. Много он заработает в месяц или в два, закутит, всех угостит, все раздаст, ничего себе не оставит"»^[16].

В пореформенное время духовное единство крестьян и городских низов сохранилось также благодаря росту миграции в город крестьян, которые со своими традиционными моделями поведения и мышления оказывали мощное влияние на культуру и менталитет горожан, прежде всего рабочего класса. В этом смысле крестьянская миграция тормозила формирование буржуазного менталитета среди широких масс городского населения. Нужно отдать должное проницательности большевиков, провозгласивших и попытавшихся на деле реализовать союз рабочих и крестьян, понимая, что те и другие имели в принципе единый менталитет и поэтому были в равной степени подвержены влиянию социалистических идей.

Урбанизация по-советски: сразу и все

После революции 1917 года урбанизация продолжилась и вела примерно к тем же результатам: дальнейшей интеграции города и деревни, сглаживанию между ними различий в социальном, экономическом и культурном отношениях. Но вследствие высоких темпов урбанизации указанные процессы происходили намного интенсивнее. Если за 1901—1915 годы образовалось только 7 новых городов — по полгорода в год, то за 1917—1991 годы — по 6—7 в год, а в 1992—2000 годах — по 3 города ежегодно[17]. Доля городского населения повысилась с 15 % в 1914 году до 33 % в 1940-м. В 1962 году в целом по СССР она превысила 50 %, а в Российской Федерации это произошло на три года раньше. В 1991 году доля городского населения достигла 66 % в СССР и 74 % в России. В постсоветское время процент горожан оставался практически неизменным (табл. 3). Главным мотором урбанизации в последние три столетия служила промышленность.

Современная Россия по уровню урбанизированности приблизилась к развитым странам мира, где он составляет от 73 % во Франции до 94 % — в Германии (в 1920 г. он равнялся там 47 и 63 % соответственно). Прирост доли городского населения за 1917—1990 годы на 57 % (с 17 до 74 %) — сдвиг колоссальный, и его последствия не могли не быть соответствующими. Города не успевали переваривать миллионы переселенцев и оказались в плену вчерашних крестьян. В 1990 году среди 60-летних граждан насчитывалось лишь 15—17 % коренных горожан, среди 40-летних — 40 % и только среди 22-летних и более молодых — свыше 50 %. В целом доля коренных горожан в населении страны составляла всего около трети (37 %). Следовательно, к моменту распада СССР большинство его граждан (63 %) являлись еще по происхождению крестьянами и лишь по месту жительства — горожанами[18].

Видь села Намайлонъ въ настоящее время.
(Съ фотографіи).

Тем не менее к началу 1990-х годов в общих чертах урбанизация свершилась: около 60 % городского населения и 40 % всего населения страны проживали в больших городах с населением более 100 тыс. человек. Однако ее последствия во всей силе проявиться еще не успели. О многих городах лишь с натяжкой можно сказать, что они стали центрами высокой городской культуры в материальном и духовном смысле. Большие города обросли унылыми и убогими полу-городскими-полусельскими окраинами и пригородами, которые в самой малой степени отвечали высоким городским стандартам. Комфорт квартир, качество, разнообразие и накал общественной и культурной жизни многих городов оставляют желать лучшего, хотя, конечно, существенно отличаются от того, что происходит в деревне. Более того, по-прежнему существует дефицит городов, в особенности больших, являющихся локомотивами отраслевого и регионального развития.

Тем не менее то, что уже произошло (модернизация, создание сильного среднего класса, реформы 1990-х годов и огромный рост отклоняющегося поведения), обещает грандиозные последствия после того, как люди полностью освоят все возможности, полученные ими в результате переселения из деревни в большой город, став истинными

горожанами. Вспомним крылатую фразу тысячелетней давности: городской воздух делает человека свободным. И действительно, город освобождает человека от пут традиций и обычаев, опеки семьи и общины, мнения соседей и родственников, превращает в индивидуалиста, делает грамотным, рациональным и активным. Но свободный, инициативный и образованный человек способен на все — на низкое и высокое, на мелкое и великое, на глубокие падения и грандиозные свершения. Все это нас и ожидает, когда последствия урбанизации проявятся в полной мере и у нас будет построено общество свободных предпринимателей. Думаю, красноречиво свидетельствуют об этом события конца 2011 — начала 2012 года.

Итоги

Итак, в течение четырех столетий, XVII—XX веков, российский город претерпел разительные перемены. До XVIII века он сливался с деревней в единое социальное, экономическое и культурное пространство. Это не означало, что города ничем не отличались от деревень — и по размерам, и по общественным функциям, и по занятиям жителей, и по социальной структуре различия существовали, но не были принципиальными.

Под влиянием петровских реформ началась модернизация российского общества. Она затронула все стороны жизни, но более всего — именно городскую материальную культуру, а также государственные институты и учреждения. Реформы подтолкнули естественный процесс дифференциации города и деревни, который пошел быстрее. Тем не менее потребовалось еще полстолетия, прежде чем в 1775—1785 годах произошло окончательное размежевание города и деревни в административном отношении, и еще полстолетия — для разделения экономического. Только к середине XIX века дифференциация между городом и деревней достигла своего апогея.

Но благодаря Великим реформам 1860-х годов параллельно расширились и контакты между городом и деревней, которые с ростом экономической специализации стали более зависимыми друг от друга. В то же время ушедшая вперед городская материальная и отчасти духовная культура стала служить для сельского населения образцом для подражания. Таким образом были созданы предпосылки для постепенного объединения города и деревни в единое экономическое и культурное пространство, основанное теперь не на сходстве, как это было до XVIII века, а на интеграции экономически специализированных и взаимно нуждающихся друг в друге городских и сельских жителей. В советское время этот процесс продолжился, но не завершился.

Таким образом, деревня не была противоположностью городу, просто она отставала от него в развитии, порой, правда, очень сильно — на два-три и более поколений. Город же, будучи лидером, все равно зависел от деревни и был вынужден оглядываться на нее в поисках людских и материальных ресурсов. Долгое время город нещадно эксплуатировал, истощал и наконец опустошил деревню. В результате сегодня деревня вряд ли способна воскреснуть без помощи горожан, но от ее возрождения во многом зависит прогресс всего общества, в том числе городского. Пора возвращать долги, и кажется, начало этому положено. Наметилось движение горожан в сельскую местность не только в качестве дачников, огородников, садоводов и просто любителей природы, а как фермеров, предпринимателей, деловых людей, желающих изменить деревню. Власти на всех уровнях должны активно поддерживать этот процесс, ведь без процветающей деревни не расцветет и город и, наоборот, без цветущего города не зацветет и деревня.

* * *

[1] Статистические таблицы Российской империи / А. Бушен (ред.). СПб, 1863. Вып. 2. С. 90—91. Аналогами имперских городских поселений в советское время стали поселки городского типа, учрежденные в ходе административно-территориальной реформы 1923—1929 гг. В 1926 г. их насчитывалось 1216, в 1956 г. — 2422, в 1987 г. — 3992. Народное хозяйство СССР за 70 лет: Юбилейный статистический ежегодник. М., 1987. С. 376; Город и деревня в Европейской России: 100 лет перемен / Т. Нефедова, П. Полян, А. Трейвиш (ред.). М., 2001. С. 125.

[2] Подсчитано по: Гольц Г. А. Динамические закономерности развития системы городских и сельских поселений // Лаппо Г. М. и др. (ред.). Урбанизация мира. М., 1974. С. 58—61; КольбГ. Ф. Руководство к сравнительной статистике. СПб., 1862. Т. 1. С. 1, 4, 51, 60, 104, 110, 134, 139; Народное хозяйство СССР за 70 лет. С. 376.

- [3] Муравьев А. В., Самаркин В. В. Историческая география эпохи феодализма: (Западная Европа и Россия в V—XVII вв.). М., 1973. С. 26—27.
- [4] Население России 2008: Шестнадцатый ежегодный демографический доклад / А. Г. Вишневский (ред.). М., 2010. С. 29—30; Народное хозяйство СССР за 70 лет. С. 376.
- [5] Город и деревня в Европейской России. С. 226.
- [6] Там же. С. 241.
- [7] Там же. С. 225.
- [8] Там же. С. 242.
- [9] В 1897 г. в Гатчине, Кронштадте, Павловске, Петергофе, Царском Селе, Ямбурге (С.-Петербургская губ.) и Пятигорске (Терская губ.) благодаря большой доле военнослужащих сфера услуг была также ведущим сектором, но отнести эти города к постиндустриальным весьма проблематично.
- [10] Брук С. И., Кабузан В. М. Миграция населения в России в XVIII — начале XX века // ИСССР. 1984. № 4. С. 41—59.
- [11] Харитонов В. М. Урбанизация в США. М., 1983. С. 8.
- [12] Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 года. Вып. 1. Европейская Россия. Пг., 1916. С. 624—625.
- [13] Статистические таблицы Российской империи за 1856 год. СПб., 1858. С. 206; Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г.: В 2 т. СПб., 1905. Т. 1. С. 62—64, 82—83.
- [14] Подсчитано мною по данным: Семенов-Тянь-Шанский В. Город и деревня в Европейской России: Очерк по экономической географии. СПб., 1910. С. 76—77, 79—187.
- [15] Флеровский Н. Положение рабочего класса в России. М., 1938. С. 413 (1-е изд. — 1869 г.). С. 413.
- [16] Там же. С. 414—415.
- [17] Город и деревня. С. 128.
- [18] Вишневский А. Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М., 1998. С. 92.

Урбанизация по-российски Тенденции последних 20 лет

Лилия Карачурина

*кандидат географических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой демографии
НИУ ВШЭ*

За последние годы российские города сильно изменились: иными стали структура производства и потребления, социальная организация, жилая среда. И все же — очень многое в развитии городов и урбанизации было заложено гораздо раньше. Тысячу лет назад Русь называли Гардарикой — царством городов на пути «из варяг в греки». А как известно, слово «город» происходит от слова «огораживать», то есть «укреплять стеной». До сих пор и то и другое в определенной мере близко российской урбанистической системе: с одной стороны, городских поселений (городов и поселков городского типа (пгт)) в России много — она по-прежнему остается «царством городов». С другой стороны, есть ощущение, что каждый из них идет своим «огороженным» путем: одни пытаются любой ценой получить или удержать заветный статус «город», в то время как другие, схожего размера и значимости, довольствуются разрядом «пгт». Одни всеми силами борются во время переписей^[1] за учет каждого, хотя бы и фантомного жителя или идут по пути присоединения пары-тройки сел или пгт, дабы удержаться в желанном списке городов-«миллионеров» или «пятисоттысячников», другие отрешенно воспринимают восхождение вверх и спуск вниз по ранговой лестнице.

Вверх и вниз по лестнице

Жизненный цикл у городов значительно более длинный, чем у людей. Города долго «вызревают», в некоторых случаях благодаря действиям государства. Вспомним многочисленные примеры «насаживания» городов во времена административно-территориальной реформы Екатерины II. Тогда множество из них возникло, по выражению В. О. Ключевского, «...не вследствие экономических потребностей страны, но вследствие государственных соображений, по распоряжению Правительства»^[2]. В других случаях государство притормаживает развитие тех или иных городов или способствует смене их статуса. Например, отсутствие в течение некоторого времени железнодорожного переезда через Волгу около Казани в конце XIX века вызвало ощутимую заминку в ее торгово-промышленном развитии, особенно по сравнению с Самарой, около которой был Сызранский мост. Однако главные «кузнецы» городов — все-таки не правительства, а люди. Они могут быть более ориентированы на традиционные, нередко «сельские» ценности или менее склонны к ним. Им в большей или меньшей степени свойственен общинный или индивидуальный тип поведения. У них может быть разная шкала ценностей. Диапазон здесь от «сарая рядом с домом» до системы клубов и торговых молотов, или, как по А. И. Трейвишу и Т. Г. Нефедовой (2002), «тут жизнь зависит от курса доллара, там — от погоды и урожая картошки»^[3].

Еще один важнейший «игрок» — местоположение города, точнее его потенциал. По словам Ж. А. Зайончковской, «если у города есть потенциал, то он все равно будет расти, как ты его ни закрывай, а если нет, то не будет, как ни приманивай»^[4]. Поэтому Москва, минуя все административные запреты, каждые десять лет добавляла к своему населению по миллиону человек. Рост населения за счет миграции продолжается и сейчас, несмотря на явную перегрузку городской инфраструктуры.

Пространство России огромно и само по себе играет ключевую роль в формировании системы расселения. Колонизация пространства длительное время в буквальном смысле отнимала ресурсы у урбанизации. «Общество формировалось как бродячее на безграничных просторах... процесс колонизации, игравший столь важную роль в истории страны, по сути своей был одновременно колонизацией-миграцией»^[5]. Но эта миграция шла «вширь» и трансформировала территорию таким образом, что затрудняла движение в города. Долгое время урбанизация держалась на стремлении государства иметь систему поселений, наделенных административными функциями. К 1800 году в российских городах проживало не более 8 % населения, почти век спустя, в 1897 году, — 13 %. Цифры изменились незначительно, но качественные изменения были налицо. «Земледельческие переселения привлекали, в первую очередь, крестьян, не хотевших

отказываться от привычного экономического и жизненного уклада и не готовых к этому. В деревне, однако, было немало и тех, кто так или иначе вышел за пределы традиционного земледельческого труда, соприкоснулся с миром денег, разбогател или, напротив, разорился. ... Все или почти все они были связаны с городскими занятиями, с городскими способами зарабатывания денег. Во второй половине XIX века движение в города значило в переселениях крестьян в России намного больше, чем их миграции, связанные с земледельческой колонизацией»[6]. Тем не менее по доле горожан Россия очень заметно отставала от европейских стран: тот уровень урбанизации, которого Россия достигла незадолго до начала Первой мировой войны (14 %), Германия или Франция имели в 1850 году (15 и 19 % соответственно)[7]. Но и сами горожане были отнюдь не горожанами в истинном значении этого слова. В 1940—50-х годах «советские города были захвачены вчерашними крестьянами»[8], «страна урбанизовалась, но сами города рурализировались», «одеревенщивались, в этом заключалась одна из характерных черт дивергентного с Западом, городского развития»[9], пишет А. Г. Вишневский. Деревенскость российских городов и поныне часто определяет их лицо.

В советский период в России число городов и численность горожан быстро росли, менялось соотношение сельского и городского населения, развернулась «догоняющая» урбанизация. Но, как и раньше, развитие городов ограничивалось недостаточностью населения для столь обширной территории и возможностями административного принуждения и экономического обеспечения при «насаживании» новых городов. По основному количественному параметру — доле городского населения (73 %) — Россия сравнивалась с развитыми странами мира, но по качеству урбанизации еще сильно отличалась от них. Природно-климатические условия; индустриализация, определявшая темпы урбанизации в XX веке; демографические и этнические различия — все это предопределяло качественные и количественные региональные различия в урбанизации. Одни регионы достигли 50 % доли городского населения еще в 1930-х годах (согласно Всесоюзной переписи населения 1926 г. такое явление отмечалось в Ленинградской губернии и в Свердловском округе Уральской обл.), другие (Республики Алтай, Тыва, Карачаево-Черкесия) не достигли этих цифр и поныне. Тем не менее поступательный тренд запаздывающей советской урбанизации был характерен для всех частей страны.

В 1990-е годы ситуация перестала быть однонаправленной. Совершенно иной, чем прежде, стала динамика численности населения страны: произошла смена характера и вектора соотношения естественного (разница между рождаемостью и смертностью) и механического движения населения как факторов развития расселения. Если в период между 1959 и 1989 годами и вплоть до 1991 года[10], несмотря на все колебания, тренд динамики населения был ясен и стабилен: сельское население сокращалось, а городское (и за его счет общее) население росло, то с середины 1990-х годов ситуация изменилась. Пик городского населения России был достигнут в 1990 году: он составил 109,4 млн человек, или 73,8 % от общего числа населения. Начиная с 1991 года городское население стало сокращаться.

Сокращение городского населения поначалу сопровождалось ростом численности сельского населения, в 1994 году почти вернувшегося на уровень показателя 1984—1985 годов — 40,1 млн человек. Увеличение сельского населения обеспечивалось миграционным притоком из бывших республик СССР. Начиная с 1995 года прирост сельского населения опять стал отрицательным, и падение общей численности населения страны в результате сокращения притока мигрантов и углубления процессов депопуляции ускорились.

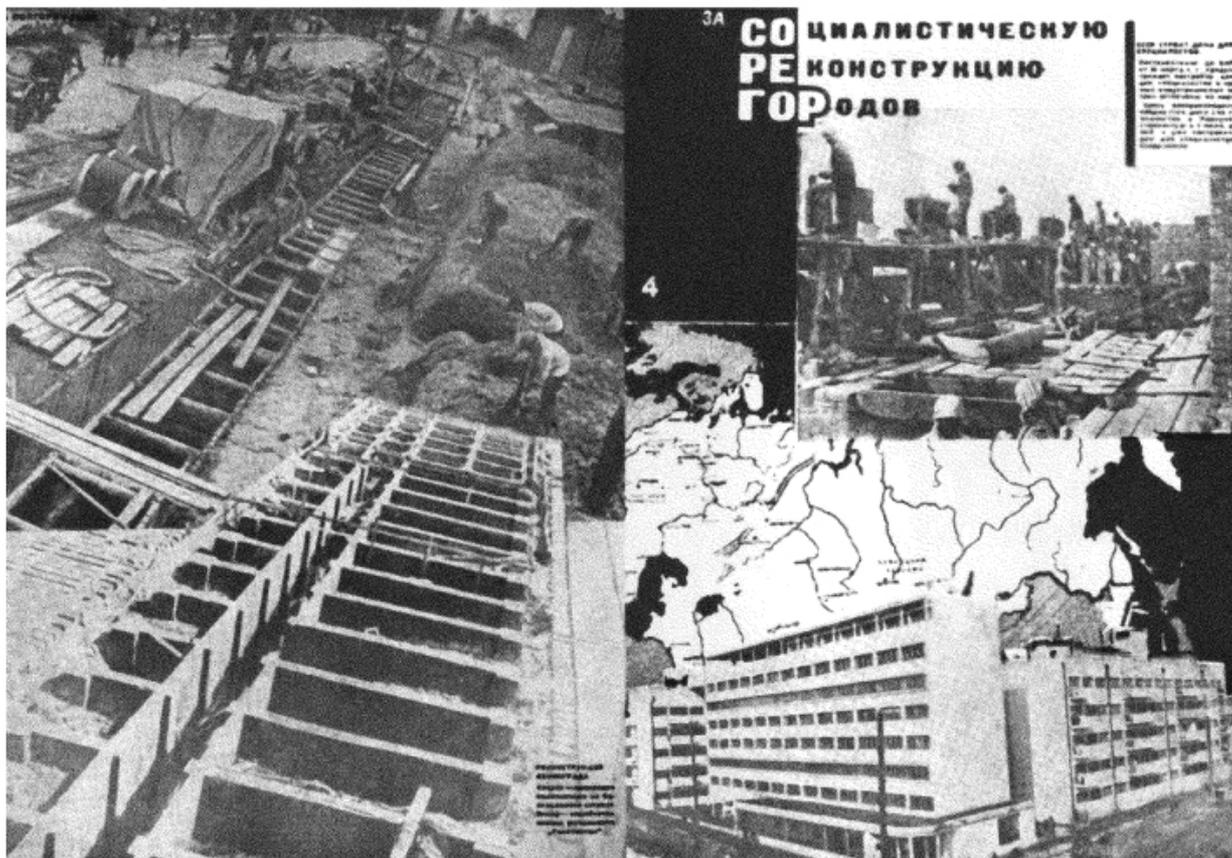
Существенный момент в этой динамике: само соотношение городского и сельского населения в постсоветской России до известной степени является не итогом взаимоувязанного развития урбанистической и аграрной сфер расселения, а результатом стихийной и идущей снизу реформы административно-территориального статуса малых городских поселений, осуществлявшейся в России на стыке 1980-х и 1990-х годов.

В советский период вектор таких преобразований был в основном проурбанистическим: сельские поселения стремились стать городскими, и становились ими, что способствовало росту количества городских населенных пунктов и общей численности городского населения. В 1990-е же годы имел место прямо противоположный процесс, названный впоследствии «административной рурализацией»[11].

Процесс активного перевода городских поселений — а в России это, напомним, — города и поселки городского типа (пгт) — в категорию сельских начался в 1991 году. За счет

этого городское население в целом по России поначалу сократилось совсем ненамного (за 1991 г. на 47,4 тыс. чел.), но за два последующих года — еще на 1052,9 тыс. человек, что составило 23 % общего сокращения числа горожан за 1989—2002 годы. Общая же убыль горожан (2002 г. по отношению к 1989 г.) за этот период достигла почти 4,7 млн человек.

Логика преобразований городских поселений в сельские в кризисные годы могла быть только экономической. Если в советский период для маленького поселка было выгодно и престижно побыстрее перейти в разряд городского, то в сложные 1990-е годы целесообразным стало прямо противоположное. Выгода от владения более крупными земельными участками, льготы в налогообложении, разница в стоимости услуг ЖКХ предопределили массовость этих переходов.

Впоследствии — в 2004—2008 годах — сельское население России благодаря административным преобразованиям вновь выросло еще на 1 млн человек. В этот период сокращение сети пгт в пользу статуса «сельских населенных пунктов» было связано с реализацией реформы местного самоуправления и формированием муниципальных образований на территории всех субъектов РФ. По не вполне понятной логике согласно Федеральному закону № 131 пгт не может входить вторым городским населенным пунктом в городской округ и, значит, вынужден тем или иным способом «мимикрировать»^[12]. Не единичны примеры, когда поселения меняли статус неоднократно.

Другим фактором, способствовавшим в 1990-е годы снижению численности горожан, стала миграция из города в село. Несмотря на раздававшийся со всех сторон голос о том, что это есть не что иное, как начало дезурбанизации, абсолютные размеры перетока горожан в село были незначительными — около 120 тыс. человек за 1991—1992 годы. И уж точно не такими, как это было в 1920-е годы. Тогда за четыре года — с 1917 по 1921-й — население Москвы и Петрограда сократилось почти в два раза. Это был действительно масштабный «разворотный» процесс в пользу села^[13], подкрепленный малым по времени опытом городской жизни у многих горожан.

В 1990-е годы горожанам довольно быстро стало понятно, что выжить легче, комбинируя возможности города (числясь на заводах, вовлекаясь в челночный бизнес или мелкую торговлю) и «картофельно-овощной» дачи (деревни). Начался феномен «дачеизации», блестяще описанный в работах Т. Г. Нефедовой^[14]. Миграционный поток из села в город быстро восстановился.

В целом за период между переписями 1989 и 2002 годов общее число городских поселений впервые сократилось: с 3230 до 2940[15], прежде всего за счет преобразования пгт в сельские населенные пункты, их объединения или включения в черту ближайших городов.

За последний межпереписной период 2003—2010 годов число городских поселений вновь сократилось и составило 2386, включая 1100 городов и 1286 пгт. По предварительным данным, в составе городов изменения были незначительными, но число пгт сократилось на 556 (30,2 %). Всю палитру административных преобразований за этот период еще только предстоит осмыслить, так как в окончательном виде итоги этих преобразований пока нигде не опубликованы.

Тайны закрытых городов

Почти треть появившихся в 1990—2010 годах российских городов молоды только статистически, так как это ранее «приоткрытые» для глаз статистиков и аналитиков, но не для посетителей, закрытые административно-территориальные образования (ЗАТО). Подавляющее большинство из них были легализованы в 1994—1995 годах, но этим дело не ограничилось. ЗАТО продолжали «проявляться» и в конце 1990-х, и в середине 2000-х годов.

Предыстория вопроса такова. В 1992 году в России был принят закон о закрытых административно-территориальных образованиях, под действие которого попали 47 поселений общей численностью около 1,5 млн человек. 10 из них находились в ведении Минатома и 37 — в ведении Минобороны РФ[16]. По распоряжению правительства от 4 января 1994 года, официальные географические названия получили 19 городов и 18 поселков. Данным распоряжением открывались не только их имена, но и данные о численности населения, которые ранее просто «размазывались» по территории России.

Так в 13 регионах России появилось по одному новому городу, а в некоторых регионах (Красноярском крае, Мурманской, Московской, Свердловской обл., Приморском крае, Камчатской и Тверской обл.) число городов за счет ЗАТО возросло на 2—5[17]. Большинство новооткрытых поселений оказались расположенными в спутниковых зонах городских агломераций — Московской, Екатеринбургской, Челябинской, Красноярской, Томской, Владивостокской, Мурманской, Пензенской. Другие, как, например, федеральный ядерный центр Саров (административно принадлежит к Нижегородской обл., при этом фактически находится на территории Мордовии) или Знаменск (Астраханская обл.), находятся на значительном удалении от сколько-нибудь крупных городов и тем более агломераций.

Закрытость подобных городов никогда не была метафорой. Физическая реальность их существования связана с наличием пропускного режима, контрольной зоны и прочими атрибутами запретной и даже «зонной» жизни, к которой, впрочем, сами жители относятся весьма благосклонно. Привилегии в снабжении; минимальная преступность; жизнь в городе, как в селе, где все друг друга знают; низкая безработица; особый статус[18] — все это сейчас, а в особенности в советские годы, виделось большим плюсом и порой перекрывало минусы повышенной опасности (например, радиационной), изоляционизма и своеобразной элитарной, но техноцентрической замкнутости — основу ЗАТО составляют НИИ и КБ, опытные заводы и испытательные полигоны.

С урбанистической точки зрения структура ЗАТО представлена в основном городами с численностью населения от 25 до 50 тыс. К числу больших городов относится только Северск (Томск-7), близко к порогу «больших городов» (100 тыс. чел.) подошли Железногорск (бывший Красноярск-26), Новоуральск (Свердловск-44), Озерск (Челябинск-65) и Саров (Арзамас-16).

Итак, бывшие «номерные» города с поэтическими природными названиями (Кедровый, Островной, Скалистый, Солнечный, Вулканный, Светлый и др.) столкнулись с необходимостью позиционировать себя самостоятельными, искать иные кроме градообразующего виды экономической деятельности и встраиваться в новое экономическое, социальное и урбанистическое пространство России. Если раньше интересы закрытых городов были полностью подчинены интересам их градообразующих предприятий, то теперь сами города во многом приобрели самостоятельное значение. Тем не менее эти города остались малыми моноспециализированными поселениями со всеми вытекающими отсюда последствиями. Главные из них — зависимость от межбюджетных трансфертов, составляющих до 70 % доходной части их бюджетов, и узость рынка труда.

До начала 1990-х годов кадры для закрытых городов набирались (точнее, отбирались) со всей страны, ныне же они частично подпитываются персоналом из близлежащих территорий, став неформальными региональными центрами^[19]. Никогда дотоле они ими не являлись, так как формировались не исторически — эволюционным путем, а создавались искусственно на основе административных решений, обоснованием которых были принципы секретности, военной и технологической безопасности. Но то, что уместно для военных объектов, мало пригодно для городов. В этом смысле их нынешняя фаза развития вполне соответствует урбанистической «новизне» и делает их внезапное появление на карте российских городов фактом, а не «артефактом», как могло бы показаться. Но люди, десятилетиями отбравшиеся для работы в закрытых городах, — конечно, несомненные горожане, причем гораздо в большей степени, чем это свойственно населению других городов размером до 100 тыс. человек.

Несмотря на депопуляцию и системный социально-экономический кризис, и в 1989—2002, и в 2003—2010 годах появлялись и новые города, а не только «открывались» ранее закрытые. Две трети вновь образованных за новое российское время городов прошли обычным советским путем — из поселков городского типа (а до этого, как правило, из сел) до городов. Особой пространственной логики в таких преобразованиях не было. По нескольким таким переходам отмечено в Ленинградской, Московской, Калужской областях, Ямало-Ненецком АО, Башкортостане, но в основном это единичные случаи в разных регионах страны. Впрочем, не вполне прослеживается не только географическая, но и хотя бы формально критериальная логика.

Пожалуй, только оформление в города ряда пгт Московской области — Го-лицыно, Кубинки, Старой Купавны, Котельников, в 2004 году перешедших в это качество из рабочих поселков, — выявляет много сходств — как в плане географии (нахождение в зоне 20—50-километровой доступности от Москвы) и численности (все они в момент получения нового статуса располагали 16—22 тыс. чел. и, как большинство близко расположенных к столице населенных пунктов, росли), так и в плане происхождения. Все, кроме Котельников, в советское время были связаны с выполнением оборонных функций и де-факто являлись полузакрытыми.

Следует подчеркнуть, что эти изменения произошли на фоне общероссийской стагнации, снижения численности населения, и обратных переходов — из пгт в сельские населенные пункты — в это время произошло многократно больше. Тем временем переходы из пгт в города для самих населенных пунктов особой роли, кроме как моральной, не играют — и те и другие по российской классификации отнесены к «городским населенным пунктам».

Около десятка населенных пунктов сразу шагнули из категории сельских в городские. И все — своим путем.

Возьмем Магас — политический проект придания административного веса одной из республик (Ингушетия) в условиях разделения некогда единой Чечено-Ингушетии на Чеченскую и Ингушскую республики и отсечения бывшей столицы (Грозный). Проект фактически остался проектом: с момента основания города (1995) и до объявления его новой столицей (2000), несмотря на общую положительную динамику всей Ингушетии, и в частности Назрани, численность жителей Магаса почти не изменилась, а его влияние на жизнь республики осталось весьма незначительным.

В 1990 году городами стали чеченские Урус-Мартан и Шали. Первый из них в 1970—1980-е годы считался едва ли не самым большим селом России (с. Красноармейское), так что формальный критерий людности здесь был соблюден. На момент обозначения Урус-Мартана и Шали городами в каждом из них проживало более 30 тыс. жителей. С тех пор они еще более выросли численно. В 1999 году по этому пути прошло село Шпаковское, ставшее городом Михайловском (Ставропольский край).

Иная судьба у Муравленко (Ямало-Ненецкий АО) и Польшаево (Кемеровская обл.). Основанный в 1984 году как поселок нефтяников и даже названный в честь инженера-нефтяника В. И. Муравленко, первый был преобразован в 1990 году в город и ничем не отличается ныне от прочих северных нефтедобывающих городов. Судьба Польшаево почти аналогична.

Наконец, три новых города в центре страны — Юбилейный, Пересвет (оба — в Московской обл.) и Радужный (Владимирская обл.) — связаны с функционированием ВПК и, хотя не имеют статуса ЗАТО, фактически являются ими.

Последним преобразованным из села поселением стал расположенный всего в 8 км от МКАД и потому бурно застраиваемый город Московский. Это со всех точек зрения новое поселение: даже поселком он был по исторически меркам совсем недолго — около 40 лет. Инфраструктурная насыщенность его пока явно недостаточна для того, чтобы считаться полноценным городом, но, вероятно, все к тому идет, и новые жители — в основном горожане из Москвы и других российских регионов — активно скупают жилье в приоритетном коридоре развития Большой Москвы.

Разумеется, были и плавно-закономерные переходы из пгт в города. Г. М. Лаппо назвал этот процесс «вызреванием» городов. Из пристанционных и промышленных поселков (пгт) городами стали Курлово (Владимирская обл.) и Сертолово (Ленинградская обл.). Происходила и «реабилитация» некогда лишенных своего статуса городов (Мышкин в Ярославской обл. или Княгинино — в Нижегородской)[20]. В подавляющем большинстве случаев получение нового статуса совершалось на фоне падения и без того невысокой людности и было скорее признанием былых заслуг, чем процессом придания поселению нового импульса.

За 22 года общее количество преобразований в города, исключая ЗАТО, составило 62. Это совсем немного по сравнению с предыдущими периодами. Напомним, что во времена бурной советской урбанизации редкий год не был отмечен рождением нескольких новых городов. Только в европейской части России за 1946—1958 годы было образовано 115 новых городов (около 9 городов в год), за 1959—1991 годы — 135 (4 города в год)[21]. Долгое время главным фактором появления новых городов выступало развитие промышленности. Ее кризис в 1990-х годах свел практически на нет индустриальную природу появления новых городов, при этом другого столь же мощного градообразующего фактора не появилось. Развитие третичного сектора способствует скорее дезурбанизации. Сюда добавилась депопуляция: собственных миграционных резервов для роста новых точек оставалось все меньше. А ведь именно миграционный прирост еще со времен Е. Равенштейна[22] описывался как ключевой для появления и роста городов. Если бы не миграционный приток из стран СНГ, появления новых городов, вероятно, и вовсе бы не происходило.

Как менялись людность и значимость

Ни в 1990-х, ни в 2000-х годах не были отменены действовавшие в СССР формальные критерии города: людность не менее 12 тыс. человек плюс не менее 85 % работающего населения и членов их семей, занятых вне сельского хозяйства[23]. Проверить второе из предъявляемых к городам требований не представляется возможным: данные о структуре занятости населения существуют только для городов с численностью населения свыше 100 тыс. человек. Однако население таких городов в действительности занято в основном вне сельского хозяйства. Что же касается критерия людности, то в 1989 году ему не соответствовало 168 городов, в 2002-м — 197, в 2010-м — 226 городов. По отношению к общей массе городов это составляет 16,1 % в 1989 году, 17,9 % в 2002-м и 20,6 % — в 2010-м. Получается, что фактически каждый пятый российский город уже по простейшему формальному критерию людности вовсе не является им. В этих «городах» проживает 1,8 млн человек (1,8 % российских горожан). Здесь уместно вспомнить, что больше 100 лет назад известный российский географ и статистик В. П. Семенов-Тянь-Шанский в работе «Города России в 1904 г.» (1906), перебрав разные варианты, предложил два своих критерия «истинного города»: людность не менее 1 тыс. жителей и торгово-промышленный оборот в размере не менее 100 тыс. рублей. Исходя из этого он выделил 1771 «истинный город»[24]. 227 «официальных» городов России из 761 (30 %) его критериям не удовлетворяли, и, наоборот, были такие негородские поселения (аж 1237!), которые полностью им соответствовали. Среди последних, ставших в дальнейшем городами, — Орехово-Зуево (Московская обл.), Нижний Тагил (Свердловская обл.), Бутурлиновка (Воронежская обл.). Было и много таких, которые, получив в XX веке статус города, так и не достигли полагающейся советскому (а теперь и российскому) городу численности населения (12 тыс. чел.): Любань (Ленинградская обл.), Злынка (Брянская обл.), Спас-Деменск (Калужская обл.) и другие[25].

В 1990—2000-е годы, отмеченные депопуляцией, постепенно возрастало не только количество городов, не вполне соответствовавших формальным критериям, но и число городов-карликов (с численностью населения до 5 тыс. чел.). В 1989 году их было 24, в 2002-м — уже 32, наконец, в 2010 году их стало 41.

В это время встречаются совершенно уникальные случаи: в старинном портовом Высоцке (бывший Тронгзунд) близ Выборга в Ленинградской области в 1989 году значилось ... 975 человек. Но в 2010 году он, хотя и оставался крошечным, вырос до 1244 человек и уступил бремя антилидерства Чекалину (бывший Лихвин Тульской обл., 1151 чел.). Большой частью города-карлики — это старинные города, ставшие городами (в основном уездными) во время Екатерининской административной реформы или даже раньше: Горбатов, Плес, Мезень, Кологрив, Малоархан-гельск, Новосиль, Холм и другие.

За 1989—2010 годы выросло не только число городов, не удовлетворяющих порогу людности в 12 тыс. человек, но и вообще число малых городов с населением до 20 тыс. человек. В 1989 году их было 376, в 2002-м — 410, в 2010-м — 418. Эта группа пополнилась как рассекреченными ЗАТО, так и быстро пустеющими городами, перешедшими в этот разряд из следующего (с населением от 20 до 49,9 тыс. чел.). Среди тех, кто двигался «вниз», много городов добывающего профиля и индустрии. Переходы вниз — вверх случались и между другими группами. За 2002—2010 годы Пермь выбыла из рядов миллионеров и пополнила группу крупнейших. В эту же категорию попали, но уже с другой стороны, Махачкала, выросшая аж в полтора раза, Томск, Кемерово, Тула. Впрочем, тут есть один нюанс: чаще всего речь идет не о естественном и/или миграционном приросте, а об административно-территориальных преобразованиях (присоединении близрасположенных пгт, сел, малых городов).

Группу крупных городов (250—499,9 тыс. чел.) покинули Орск и Братск, но пополнили Сыктывкар, Нижневартовск, Якутск, Грозный, Новороссийск.

В целом случаев заметного и истинного [26] рангового «восхождения» немного. На него были способны только самые привлекательные центры (или расположенные вблизи них, например, города Подмосковья) и отдельные точки в демографически растущих регионах, которых остается все меньше. Например, в 1990-е годы Липецк и Тюмень пополнили ряды городов с численностью населения свыше 500 тыс. человек, а Волгоград примкнул к городам-миллионерам. Перешли в более высокий разряд выгодно расположенные Обнинск (Калужская обл.) и Железнодорожный (Московская обл.), а также Нефтеюганск (ХМАО), само название которого в 1990—2000-х стало синонимом успеха.

Росла и меняла ранговую принадлежность плеяда южных средних и больших городов — Батайск (Ростовская обл.), Элиста, Дербент и Хасавюрт (Дагестан), Нальчик. Не отрицая естественных причин роста кавказских городов, заметим, что к результатам переписей 2002 и 2010 годов по республикам Северного Кавказа надо относиться с большой осторожностью. Например, в 1990-е годы поистине оглушительный рост показала Назрань: по официальным данным, в которые, тем не менее, трудно поверить, за 13 лет город вырос в 6,9 раза — с 18,1 тыс. человек в 1989 году до 125,1 тыс. человек в 2002-м. В ходе последней переписи данные были скорректированы, и теперь население Назрани официально составляет 93,3 тыс. человек. Другой ингушский город — Карабулак — вырос за 1989—2002 годы в 3,4 раза (по результатам последней переписи не изменил своей численности). Такими темпами роста могут похвастаться ныне разве что бурно урбанизирующиеся азиатские и африканские города.

Переход России в стадию депопуляции сделал невозможным дальнейший рост российских городов, за исключением сверхбогатой Москвы, которая притягивает мигрантов из регионов России и стран СНГ. Для других крупнейших городов миграционные источники роста играют куда менее значительную роль. Даже в Санкт-Петербурге миграционный прирост компенсировал не больше четверти естественной убыли населения в 2000-е годы. Интересно, что в 1990-е годы самые разные российские города (приграничные, города центра) получали серьезную подпитку мигрантами из стран СНГ. В 2000-х поток постоянной миграции ослабел, и миграционная прибыль все в большей степени концентрировалась в самых успешных городах России. В них же концентрируются и внутрироссийские мигранты, выезжающие из самых неблагополучных городов и регионов страны. И все же — именно больших и мощных городов России по-прежнему не хватает. В стране отсутствует необходимый пласт городов с численностью 2—5 млн человек (за исключением единственного — Санкт-Петербурга), который должен был бы удерживать урбанистический и экономический каркас страны.

Правило Ауэрбаха — Ципфа («ранг — размер»), проверенное и действующее на крупных развитых странах мира, плохо работает для России. Оно утверждает, что города, распределенные в соответствии с их размерами (людностью) и рангами (порядковыми номерами по величине), формируют определенную закономерность: второй город должен

быть примерно в два раза меньше первого, третий — в три раза и т. д. Соответствующие построения для Франции и США подтверждают это эмпирическое правило[27], аналогичные расчеты для России[28] выявляют ощутимый недостаток крупнейших городов. В упрощенном варианте правило гласит следующее: если в Москве живет 11 514 тыс. человек, то в Санкт-Петербурге должно быть 5757 тыс. (в действительности на 900 тыс. меньше), а гипотетически правильная людность Новосибирска, который является третьим городом страны, — 3838 тыс. человек (в действительности она составляет 1473,7 тыс.). Все российские города вплоть до 11-го оказываются меньше желательной величины. Прослойки же средних и малых городов России, может, и не хватает, но это не очевидно (рис. 1). Здесь опять надо вспомнить про огромное российское пространство, которое сложно равномерно «насытить» населением по всем направлениям. В каком-то смысле стоит констатировать, что насаждавшаяся в СССР модель «рассредоточенной концентрации»[29] (в условиях борьбы с ростом больших городов) оказалась превалирующей. В 2000-е годы, когда идеология «заполнения пространства» и заселения востока осталась только периодически поднимаемым лозунгом, сказалась гиперконцентрация финансовых ресурсов в Москве, в условиях депопуляции отнимающая возможности сосредоточения в других сколько-нибудь крупных центрах. Разумеется, сокращение поселений на самом нижнем этаже урбанистической структуры тоже чревато — например, увеличением и без того низкой связанности пространства.

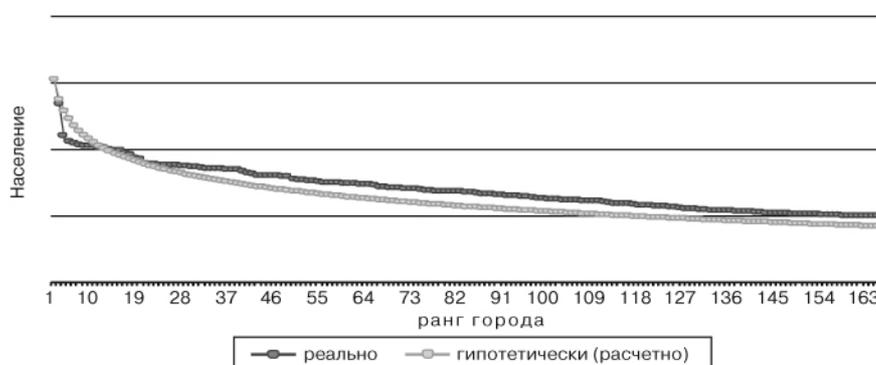

Рисунок 1. Распределение российских городов с населением свыше 100 тыс. человек по их размерам и рангам (порядковым номерам), 2010 год

Источник: Расчеты автора по данным Предварительных итогов ВПН-2010 г. Росстат, 2011.

Расчеты А. И. Трейвиша[30] и Т. Г. Нефедовой[31] показывают, что даже более насыщенной городами и более плотной европейской части страны (без северной зоны) для успешной работы агропредприятий не хватает 64 больших городов с 6—7 миллионами человек. В России середины 2000-х было 167 больших городов (согласно Всероссийской переписи населения 2010 г. их 164), тогда как в США на почти вдвое меньшей территории их 276 (по переписи 2010 г.), в 7 раз меньшей по площади ЕС-12 — 196 (2010 г.).

Две урбанизации: по форме и по факту

Доля городского населения РФ уже давно застыла на уровне, равном 73—74 %. Это близко к аналогичному показателю доли городского населения во многих развитых странах, однако тут остаются нерешенными несколько вопросов.

1. Понятие «город» сильно различается в разных странах с точки зрения людности (в Дании это поселение размером больше 200 чел., в Австралии — свыше 1000 чел., в Греции, Малайзии, Италии, Португалии, Испании и Швейцарии городами считают муниципалитеты, коммуны и агломерации, где численность населения более 10 000 чел., в Японии — свыше 50 тыс. чел.), из этого следует разное понимание странового (регионального) уровня урбанизации. Пересчет на единую границу «города» даст совершенно отличные результаты для разных стран.

2. Тот уровень урбанизации, который считается высоким для южных стран, не является таким для северных. А. И. Трейвиш показал, что Россия уникальна по своей реальной «северности» относительно расселения[32]32, поэтому ее параметры урбанизации, исходя из геопространственного положения, чтобы считаться действительно высокими, должны были бы быть еще выше.

Среднероссийский показатель урбанизации — 73,7 % (проживающих в городах и поселках городского типа), — как и многие другие параметры, сильно дифференцирован по стране. Как и положено, самым высоким уровнем урбанизации (свыше 80 %) отличаются регионы, природно-климатические условия которых не подходят для ведения сельского хозяйства и проживания в сельской местности — Европейский Север и Дальний Восток (Мурманская, Магаданская, Сахалинская, Камчатская обл., ХМАО, ЯНАО). Высокоурбанизированное ядро в центре составляют старопромышленные регионы с густой городской сетью вокруг Москвы, Санкт-Петербурга и соседних областей (Ивановская, Владимирская, Тульская, Ярославская). Третий мощный очаг урбанизированности сложился из индустриальных регионов Урало-Поволжья и юга Сибири (Свердловская, Кемеровская, Челябинская, Самарская обл.). Слабо урбанизированные зоны — вследствие климатических условий, аграрности хозяйственного профиля и общего уклада жизни, — как и в советское время, располагаются в национальных республиках юга Сибири и Кавказа. Слабая урбанизация — на уровне 50 % — является дополнительным препятствием для развития и включенности в российскую и глобальную экономику. Впрочем, до сих пор шесть регионов России не сумели добраться даже до 50-процентной доли горожан: Республика Алтай (27,6 %), Чечня (34,9 %), Ингушетия (38,3 %), Карачаево-Черкесия (43,4 %), Калмыкия (44,1 %), Дагестан (45,2 %). Адыгея и Краснодарский край совсем ненамного превысили этот уровень. При этом Краснодарскому краю или Ростовской области свойственны высокая густота городской сети, значительное число больших городов, невысокий удельный вес столицы в населении региона. А высокоурбанизированным (по формальному критерию доли городского населения во всем населении региона) Магаданской или Мурманской областям сопутствуют низкая насыщенность городами, невысокие параметры доли населения, проживающего в крупных городах, и числа больших городов, а также высокий удельный вес пгт. В 1990—2000-е годы густота городской сети, и без того невысокая, снижалась.

Реальная недоурбанизированность России отчасти следует и из рис. 2.

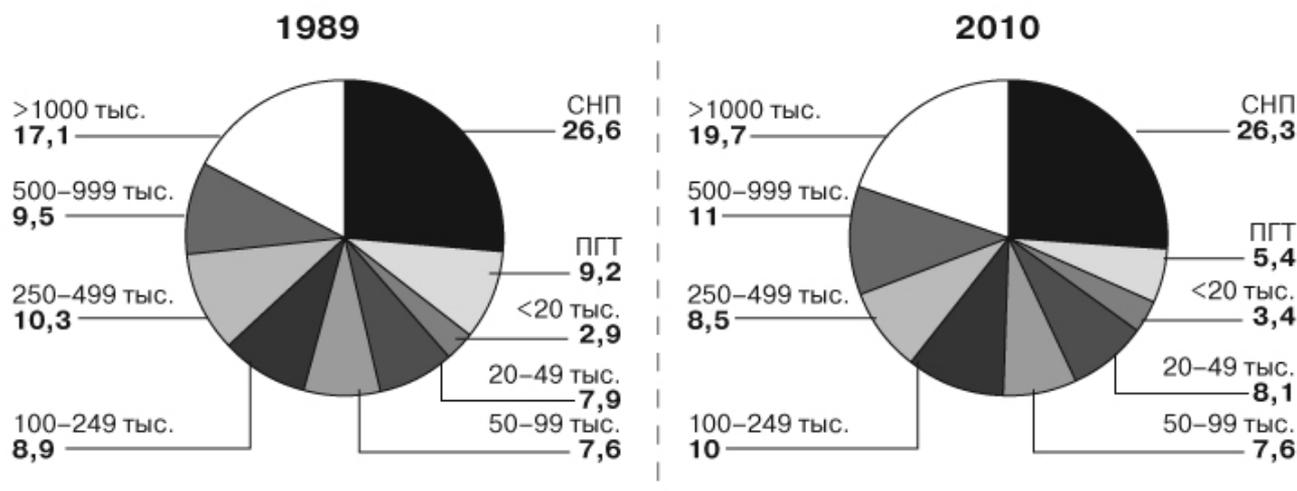

Рисунок 2. Доли населения России, проживающего в городских поселениях разной людности, сельских поселениях, поселках городского типа, %

Источник: Расчеты автора по данным: Предварительные итоги ВПН-2010 г.; Городские поселения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М.: РИИЦ, 1991.

52,5 млн человек в 1989 году и 45,3 млн человек в 2010 году, то есть около одной трети россиян, проживали в основном в сельских условиях [33] или, считаясь горожанами, вели близкий к сельскому образ жизни (пгт). Если к ним прибавить горожан, проживающих в поселениях размером до 50 тыс. человек, то цифра возрастет до 68,5 и 61,8 млн человек соответственно. Тенденция к ее снижению вызвана в том числе депопуляцией. Но последняя сопровождается и старением населения, снижающим потенциальную миграционную мобильность (выезд из неблагоприятных поселений). Одновременно немного выросла доля населения, проживающего в городах, которые российские исследователи (Н. В. Зубаревич [34], Т. Г. Нефедова и А. И. Трейвиш [35]) называют относительно благополучными (свыше 250 тыс. чел.). В них официально проживало 36,9 % россиян в 1989 году и 39,2 % — в 2010 году. Реально — с учетом внутренней трудовой

миграции, в которую вовлечены от 1,7[36] до 4—5 млн человек[37], — еще больше, ибо такая миграция всегда направлена в самые крупные и мощные центры.

Так называемая бытовая урбанизация — связанная с оснащенностью жилья горожан «городскими» коммуникациями — канализацией, водопроводом, горячим водоснабжением, — то есть делающая проживание в городе действительно «городским» хотя бы с позиции бытовых условий жизни, корректирует параметры российской урбанизации в сторону уменьшения. Исследования Т. Г. Нефедовой[38] и А. И. Трейвиша[39], проведенные на детализированных данных «Паспортов городов» середины 1990-х, показали, что уровень «реальной» урбанизации составляет не более 65 % (59 % живут в городах с «городскими» условиями и 6 % — в селах с адекватным благоустройством). Чем меньше размер поселений, тем ниже доступность городских удобств. Для жителей крупнейших городов (от 500 тыс. до 1 млн чел.) доступность канализации в европейской части России составляет 90 %, для городов людностью 20—50 тыс. человек — только 68 %, для городов населенностью 10—20 тыс. человек — и вовсе 56 %. Статистика свидетельствует, что до сих пор только в двух столичных городах почти все параметры благоустройства жилищного фонда находятся на уровне, близком к 95—99 %, во всех остальных регионах, даже возглавляемых городами-миллионерами, не превышают по канализации 85—87 %; по горячему водоснабжению — 78—80 %. Только в Татарстане ситуация несколько более благоприятна и приближается к параметрам Санкт-Петербурга.

Повсеместно ситуация с благоустройством жилья на востоке страны, несмотря на более позднюю и, значит, молодую урбанизацию и неблагоприятные природно-климатические условия, хуже, чем в староосвоенной части России. Но и здесь — в Брянской, Новгородской, Псковской, Ивановской областях — только у 72—74 % горожан есть канализация.

В целом по уровню оснащенности городскими коммуникациями Россия еще сильно отстает от многих европейских стран[40], и эти параметры снижают реальный уровень российской урбанизации не менее чем на 10 %.

В качестве маркера урбанизированности/руральности территорий могли бы, вероятно, выступать доступность и объем потребляемых населением услуг, продолжительность проживания в городских условиях, распространенность занятий сельским хозяйством, внешний облик городов, социокультурные ценности, экологическая обстановка, но такими данными в нужном разрезе мы не располагаем.

Тем не менее именно достижение городского уровня и стандартов жизни, разнообразия мест приложения труда и жизненных стратегий, а не просто рост массы городского населения, уже давно рассматривается в мире как мерило урбанизации. Отсюда следует, что стабилизация уровня урбанизации в России вовсе не означает ее окончания, а должна рассматриваться как завершение стадии количественного роста и начало новой фазы урбанизационного процесса. В течение всего советского периода количественный рост опережал качественное развитие. Примерно две трети ныне существующих городов России образованы в течение XX века, из них около 400 городов имеют городской стаж менее 40 лет. Вследствие непродолжительности существования в качестве городов они не успели стать истинными городами ни по своей экономической базе, ни по качеству городской среды, ни по образу и качеству жизни населения»[41]. В итоге к 1990 году среди шестидесятилетних россиян коренных горожан было не более 15—17 %, среди сорокалетних — около 40 %, и только среди двадцатидвухлетних и более молодых — более 50 %[42].

Что важнее: голова или шея?

В настоящее время население страны делится на три не вполне равные части — городскую (население городов с людностью свыше 250 тыс. чел. — 39,2 % в 2010 г.); городско-сельскую и сельско-городскую (25,7 %); преимущественно сельскую (сельские поселения, пгт и города до 20 тыс. чел. — 35,1 %). За два десятилетия, прошедших между последней советской переписью населения 1989 года и Всероссийской переписью населения 2010 года, произошли значительные изменения в пространственной организации жизни населения. Эти изменения связаны как с новой экономикой, возникшей в России после 1992 года и резко поменявшей само устройство жизни, так и с теми явлениями, которые назревали давно — например, исподволь наступающей депопуляцией. Благодаря соседству с бывшими союзными республиками и активному пополнению России мигрантами оттуда, депопуляция была серьезно компенсирована. Кроме того, она обнажила и без того точечное, негустое созвездие российских городов.

Если полтора века назад урбанизация спорила с колонизацией (а точнее с метрополизацией собственного огромного пространства), то теперь вопрос перешел в иную плоскость. На наш взгляд, он звучит сегодня так: что хуже — отсутствие прослойки мощных городов-центров, способных продуцировать новые стандарты городской жизни и задавать импульсы всей системе, или постепенное исчезновение мелких городов, которые являются тканью системы городских поселений? На повестке и следующая дилемма: чем жертвовать — развитием крупнейших городов или существованием малых? На самом деле это вопрос о том, что важнее — голова или шея. По словам В. Л. Каганского, «большой город — не замена малому, а малый — это не недоросший большой... Все нужны друг другу»^[43]. Наконец, третий вопрос: надо ли вмешиваться в развитие урбанизационной системы, если потенциальные выгоды и издержки не просчитаны и риск ошибочных решений чрезвычайно велик, или положиться на естественное развитие событий? Определенно ясно одно: все эти пространственные процессы сами по себе очень региональны, и сюжеты будут неодинаково развиваться в разных частях и регионах России.

[1] Особенно последних переписей 2002 и 2010 гг., проходивших уже в ситуации общей депопуляции, но и во время проведения «советских» переписей такие случаи были.

[2] Цит. по: Пивоваров Ю. Л. Россия и мировая урбанизация: антропокультурная и пространственная динамика. Нальчик, 2007. С. 158.

[3] Нефедова Т. Г., Тревиш А. И. Между городом и деревней // Мир России. 2002. № 4. С. 63.

[4] См.: Зайончковская Ж. А., Мкртчян Н. В. Москва и миграция // Демоскоп Weekly. 2009. № 389—390. <http://www.demoscope.ru/weekly/2009/0389/tema01.php>

[5] Ахиезер А. С. Динамика урбанизации и миграция: Россия, СССР, Россия // Миграция и урбанизация в СНГ и Балтии в 90-е годы. Под ред. Ж. А. Зайончковской. М., 1999. С. 18.

[6] Вишневский А. Г. Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ, 1998. С. 81-82, 83.

[7] Гайдар Е. Т. О современном экономическом росте и догоняющем развитии. М.: ИЭПП, 2003. <http://www.iep.ru/files/persona/gaidar/26feb2003ru.pdf>

[8] Вишневский А. Г. Указ. соч. С. 98.

[9] Там же. С. 100.

[10] Данные пересчетов численности населения РФ по итогам Всероссийской переписи населения 2002 года показывают, что пик численности городского населения был достигнут в 1991 году, он равнялся 109 405,1 млн человек. Одновременно минимальная численность сельского населения достигла 38 868,6 млн человек. Источник: Российский демографический ежегодник 2005. Росстат, 2005. С. 40.

[11] Алексеев А. И., Зубаревич Н. В. Кризис урбанизации и сельская местность России // Миграция и урбанизация в СНГ и Балтии в 90-е годы. Под ред. Ж. А. Зайончковской. М., 1999. С. 91.

[12] Глезер О. Б., Бородина Т. Л., Артоболевский С. С. Реформа местного самоуправления и административно-территориальное устройство субъектов РФ // Известия РАН. Сер. География. 2008. № 5. С. 58.

[13] Разумеется, существенный вклад в убыль населения Москвы и Петрограда внесла в те годы и эмиграция.

[14] Нефедова Т. Г. Сельская Россия на перепутье: Географические очерки. М.: Новое издательство, 2003. С. 29—39.

[15] Щербакова Е. М. Численность и размещение населения // Население России 2003—2004. Одиннадцатый-двенадцатый ежегодный демографический доклад. Отв. ред. А. Г. Вишневский. М.: Наука, 2006. С. 30.

[16] Сейчас несколько ЗАТО принадлежат также Роскосмосу.

[17] Подробнее об этом см.: Лаппо Г. М., Полян П. М. Закрытые города в приоткрытой России // Проблемы расселения: история и современность. (Серия: Россия 90-х: проблемы регионального развития. Вып. 3). М.: Ваш выбор. ЦИРЗ, 1997. С. 22.

[18] В работе Н. В. Мельниковой «Менталитет населения закрытых городов Урала, вторая половина 1940-х — 1960-е гг.» (дисс. ... к. и. н., 2001) описывается, что идеологически внушенное местной пропагандой постоянное противостояние «обычным» городам, а также распространенное ощущение гордости за оказанное доверие трудиться в закрытых городах нередко становились причиной того, что жители ЗАТО, несмотря на грозившую за это уголовную ответственность, сообщали родственникам, друзьям, попутчикам сведения о том, где они живут и работают.

[19] Файков Д. Ю. Системные трансформации закрытых административно-территориальных образований. Автореф. ... д. э. н., 2011.

[20] Лаппо Г. М. Итоги российской урбанизации к концу XX века // Россия и ее регионы в XX веке: территория — расселение — миграции. Под ред. О. Глезер и П. Поляна. М.: ОГИ, 2005. С. 205.

[21] Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен. М.: ОГИ, 2001. С. 128.

[22] Ravenstein E. The laws of migration. // Journal of the Royal Statistical Society, 48, 1885. P. 228.

[23] Российский энциклопедический словарь. М., 2000. С. 381.

[24] Семенов-Тянь-Шанский В. П. То, что прошло. В двух томах. Том первый, 1870—1917. М.: Новый хронограф, 2009. С. 376—444.

- [25] О соответствии «истинных городов» В. П. Семенова-Тян-Шанского городским реалиям России конца XIX — начала XX в. см. Лаппо Г. М. Истинные города В. П. Семенова-Тян-Шанского сегодня // Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен. М.: ОГИ, 2001. С. 79—94.
- [26] Под «истинным ранговым восхождением» мы понимаем увеличение численности, не связанное с административно-территориальными преобразованиями.
- [27] World Bank. Country Economic Memorandum (CEM) — Russian Federation. 2003.
- [28] Выполнены автором по данным ВПН-2010 год.
- [29] Перцик Е. Н. Районная планировка (географические аспекты). М.: Мысль, 1973. С. 13.
- [30] Трейвиш А. И. Город, район, страна и мир. Развитие России глазами страноведа. М.: Новый хронограф, 2009. С. 277.
- [31] Нефедова Т. Г. Сельская Россия на перепутье: географические очерки. М.: Новое издательство, 2003. С. 299—301.
- [32] Трейвиш А. И. Россия: население и пространство // Демоскоп Weekly. 2003. № 95-96. <http://demoscope.ru/weekly/2003/095/tema01.php>
- [33] Из расчетов Т. Г. Нефедовой следует, что в сельской местности только 6 % населения проживало в конце 1990-х годов в благоустроенных домах. См.: Нефедова Т. Г. Благоустройство городов и сельской местности. Деревня в городе // Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен. М.: ОГИ, 2001. С. 409.
- [34] Зубаревич Н. В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. М.: НИСП, 2010. С. 100.
- [35] Нефедова Т. Г., Трейвиш А. И. Города и веси: поляризованное пространство России // Демоскоп Weekly. 2010. № 437-438. <http://demoscope.ru/weekly/2010/0437/tema03.php>
- [36] Данные Росстата о межрегиональной трудовой миграции в Российской Федерации в 2010 году (в среднем за год) // Труд и занятость в России 2011. Росстат, 2011.
- [37] Данные обследований, проведенных Центром миграционных исследований под рук. Ж. А. Зайончковской в середине 2000-х гг. // Миграция населения. Вып. 2: Трудовая миграция в России. М., 2001. С. 10.
- [38] Нефедова Т. Г. Благоустройство городов и сельской местности. Деревня в городе // Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен. М.: ОГИ, 2001. С. 409.
- [39] Трейвиш А. И. Центр, район и страна. Инерция и новации в развитии российского архипелага // Крупные города и вызовы глобализации. Под ред. В. А. Колосова и Д. Эккерта. Смоленск, 2003. С. 59.
- [40] В Венгрии или Польше уровень оснащенности жилых помещений канализацией достигает 87—88 % для всего, а не для городского населения. В Великобритании или Австрии он составляет 99—100 %. Источник: Жилищное хозяйство и бытовое обслуживание населения в России в 2010 году. М.: Росстат, 2010.
- [41] Лаппо Г. М. Итоги российской урбанизации к концу XX века // Россия и ее регионы в XX веке: территория — расселение — миграции. Под ред. О. Глезер и П. Поляна. М.: ОГИ, 2005. С. 190.
- [42] Вишневицкий А. Г. Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ, 1998. С. 94.
- [43] Каганский В. Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 38.

Город сквозь призму теории

[Елена Трубина](#)

От редакции. Исследования по урбанистике – одна из самых продуктивных тенденций в гуманитарных науках наших дней: социология и эстетика, экология и география, логистика и экономика сходятся в одной точке «современного города».

Социальное планирование осуществляется сначала в большом городе, но как выясняется, в наши дни социальная мобильность сближает нормы жизни в разных городах и регионах. О том, как урбанистика влияет и на практическое планирование общественной жизни, и на общую культурную атмосферу больших городов, «Русский Журнал» беседует с **Еленой Трубиной**, автором книги «Город в теории» (М.: НЛО, 2011), участником многих российских и международных исследовательских и образовательных программ.

* * *

Русский журнал: В книге «Город в теории» Вы пишете о том, сколь трудно разделить в изучении города действительное производство социальных отношений и нашу «систему координат», в которой мы описываем город. Кроме того, судьей результатов урбанистики во многих теориях представляется некий «приезжий», то есть идеальный субъект наблюдения, который при этом исключен из канонических социальных отношений, и порождает их в своем воображении. Но могут ли современные «сетевые» теории социального взаимодействия (Б. Латур) решить эти проблемы? То есть могут ли они представить современного горожанина гражданином, участвующим в создании современной политики городского взаимодействия?

Елена Трубина: «Приезжий», по-моему, – фигура столь же идеальная, сколь и реальная: вспомним, как обостряется наше восприятие мест, лиц, улиц, устройства присутственных мест, публичного пространства, когда мы уезжаем из дому и когда нам нужно, пусть временно, вписаться в иные городские пространства. Всякий наблюдатель городской жизни – с большой вероятностью, горожанин, несущий тот или иной город в себе и сквозь призму не до конца отрефлектированного конкретного городского опыта вглядывающийся в те или иные стороны реальности. Урбанист-профессионал как городской обитатель – не всегда понятно, как именно сосуществуют эти векторы идентичности: будучи включенным во многие городские практики и впитав калейдоскоп впечатлений, навыков, знаний, воспоминаний по мере «просто жизни», современный профессиональный «писатель о городе», по-моему, обостренно переживает, что далеко не всегда может быть положено на бумагу и вылиться в слова и понятия.

С другой стороны, работающие в этом большом и разнообразном поле авторы порой мучительно переживают дискурсивный вес расхожих тропов, метафор и нарративов. И мизантропическое нагнетание негативности и игривое воспевание витальности по отдельности не ухватывают всей сложности городского функционирования.

«Сетевые» теории – разумеется, не панацея, и одни они уж точно никого из нас гражданами не сделают и даже не представят, их преимущество в другом: они серьезно относятся к множественности, в том числе вариантов самоопределения и действия. Латур продолжает традицию осмысления множественности, заданную Ханной Арендт, Эмманюэлем Левинасом, Жаком Деррида, Жаком Лаканом, Мишелем Фуко и Аленом Бадью. Давний уже, хотя, возможно, чересчур эзотеричный разговор о множественности как главном способе *быть*, говорим ли мы о тексте или о субъекте, лишь кристаллизуется

в рассуждениях Латур о действующем, которого заставляет действовать множество других.

Другое дело, что Латур отказывается включаться в популярный сегодня дискурс об анонимных социальных и политических силах, в руках которых люди – бессловесные игрушки, ему важно, что сами люди говорят о том, что и кто их побудил к тому или иному действию. Разбирая в одной книге наши возможные профессиональные реакции на признание паломника, что его в этот монастырь привела Мать Божия, он предлагает задуматься о том, что понятия, к которым мы привычно прибегаем в поисках истинных мотивов и хороших объяснений («глобальные силы», «социальные роли», «страсти») – отнюдь не лучше ссылки верующего на голос, звучащий в его голове.

Я вспомнила об этом, вначале с трудом проложив себе на прошлой неделе путь в университет через обвившую несколько кварталов длинную очередь желающих припасть к греческой святыне («Поясу Пресвятой Богородицы»), а потом услышав сердитые реплики коллег и домашних в адрес «ненормальных» либо «несчастливых». Латур как раз говорит о том, что ученые подменяют иллюзией объективности и научности собственные конформизм и инерцию, пропуская мимо ушей чересчур для них странные объяснения и фиксируя только те, что совпадают с их собственным словарем.

Мне Латур импонирует тем, что призывает всерьез продумать главную идею современного социального знания: инстанции, над которыми у нас нет контроля, побуждают нас к действиям, но делают это не односторонне и не предсказуемо, так как включают нас во множественные миры и снабжают каждого основаниями для складывания специфической персональной метафизики. Сеть действующих и действий, в которую включен Господь Бог, вполне может быть помыслена в соответствии с логикой акторно-сетевой теории. Так что понять любое действие можно, с одной стороны, извне, а с другой стороны, смирившись с принципиальной множественностью его возможных интерпретаций.

Это нечто внешнее по отношению к нам, точнее то, что находится между нами Латур интересно называет «плазмой» – досоциальной и неотформатированной – и поясняет ее масштаб с помощью очень «городского» примера: на условной карте Лондона то, что может быть описано как «социальное», составляет лишь подземку, все остальное – люди и здания, климат и животные – не измеренная, не охваченная, не мобилизованная «плазма», что-то, что – между нами, не будучи при этом, повторю, бессознательными желаниями или социальными силами. Мне интересно в этом, как город, как реальный «агент» и как мысленный объект, может использоваться для оспаривания тотальности социального.

РЖ: *Разговоры о «кризисе мультикультурализма» почему-то идут в обход города, в котором вполне реализуется мультикультурное взаимодействие. Получается, что городской мультикультурализм не выходит на национальный уровень. Что это означает: что национальное государство становится деревней глобального мира, неспособной решить те проблемы, которые решает городская среда? Или город отрывается от национального государства, и становится самостоятельным организмом?*

Е.Т.: Если вы имеете в виду громкие высказывания ряда европейских лидеров, то это, по моему, разговоры о кризисе мультикультурализма как части правительственной риторики и направления государственной политики. Эти высказывания вряд ли обесценивают реальные возможности сосуществования носителей самых разных культур, которые предоставляют города. Почти в каждой стране «мультикультурализм» оказался вплетенным в сложный риторический узел: к примеру, в Англии он был призван символизировать социальное «включение», нейтрализовать остроту классовых делений и стать эмблемой муниципального «анти-расизма». Свободный рынок и социальное включение означали мобилизацию идеологии «разнообразия» для замены классовой политики. При этом культуры, из которых такой «мультикультурализм по приказу», создавался, мыслились эссенциалистски: как монолитные реифицированные замкнутые образования.

Тут особенно важны два обстоятельства: официальный характер мультикультуралистской риторики и то, что во множества объединялись культурные монолиты. Не хватало внимания к конкретным процессам и, если угодно, такта в продвижении такого дискурса, что большие сегменты населения в отношении мультикультурализма настроило крайне

отрицательно (понятно, что этот антагонизм по отношению к официальной политике усилился после террористических актов). Так что если мы, читая результаты недавнего (2010 г.) опроса, видим там, что большая часть британского населения считает мультикультурный эксперимент провалившимся, что 52% британцев считает, что нация глубоко разделена в религиозном отношении, то важно видеть в этих тревожных цифрах прежде всего неудачу политики новых лейбористов. Мультикультурализм как, так сказать, нормативный горизонт – тоже не без проблем, ибо, позиционируя расизм как абсолютное зло и настаивая на триумфе толерантности, он ничем кроме отчуждения со стороны «разнообразно лишенных» людей не оборачивается. Реальная городская «мультикультура», а не мультикультурализм, должна быть в фокусе анализа. В том же Лондоне начали говорить о «сверх-разнообразии» – да и какие еще термины способны описать то, что школьники города говорят на трехстах с лишком языках и то, что четверть всех детей рождается от приехавших в страну матерей...

РЖ: *Время от времени в урбанистике возникали утопии, что город может решить все проблемы, от медицинских до социальных. Вы исследуете «материальность города» и работу «социальной власти» в нем. Насколько эти утопии действительно способствуют развитию городской инфраструктуры, а насколько, напротив, вносят дополнительные конфликты в жизнь современного города?*

Е.Т.: Впечатляющие образцы жанра утопии, действительно, представляют собой достаточно детальные описания именно городского устройства. «Сияющий город» Ле Корбюзье, «Бродакр Сити» Фрэнка Ллойда Райта, «Аркология» Паоло Солери – визуальные дизайнерские фантазии на тему оптимальной городской жизни, возможной, считали эти авторы, с эффективным использованием новых технологий. Ирония в том, что если для Райта воплощением победы техники были автомобили, то Солери, продумывая свои высотные гиперструктуры на солнечных батареях, озабочен уже тем, как людей повыше от выхлопных газов разместить. Мы можем добавить, что увлеченность новейшими гаджетами – политика или подростка – может совмещаться с полной их индифферентностью к истинным политическим задачам. Поэтому технократические урбанистические утопии, конечно, полезны, они будоражат мысль и будят творчество, но сейчас важнее политически информированные утопии. Они создают контекст для разговора об альтернативах, побуждают к экспериментированию и сопротивлению какому-то одному, гегемоническому видению будущего.

Я не уверена, можно ли считать утопией требование «права на город», сформулированное Анри Лефевром, но его мысли кажутся мне самыми важными сегодня. Перспективы выживания и жизнеспособности, о которых я упомянула, тесно связаны с тем, удастся ли обитателям городов отстаивать свои права на них, идет ли речь о решении о строительстве экологически небеспроблемного завода или возведении сто двадцать четвертого торгового центра. Сформулировав понятие «право на город» в конце 1960-х, когда Европу лихорадило (что побуждает к параллелям с сегодняшним днем), французский неомарксист Анри Лефевр думал о том, как возможно осуществление гражданства индивида не только в масштабе государства, но и в масштабе города. Лефевр имел в виду не только право на жилье, работу и образование, но, в более широком смысле, право принадлежать городу, обитать в нем и его изменять.

Протекающий сейчас кризис (который обеспечивает марксистам неизменную популярность) делает острые рассуждения Лефевра очень насущными. Каким образом имеет право на город человек, который давно потерял работу и который, соответственно, вытесняется за городские пределы жесткой экономической логикой городской жизни? Почему городские улицы и площади давно и надежно «зачищены» от бездомных людей и других подозрительных элементов? Почему антиглобалисты и другие сторонники неортодоксальных взглядов часто не получают разрешения на выступления на городских улицах? Понятие Лефевра и то, как его развивают марксистские географы и урбанисты, возвращают к раздумьям над теми же вопросами. Они напоминают, что господствующий в обществе порядок защищает интересы тех, кто владеет частной собственностью и кто боится выплесков общественного недовольства на улицы. Но как можно бросить вызов существующему социальному порядку, если не сделать это публично и в составе той или иной группы?

Так, в США активная и видимая на городских улицах борьба за гражданские права в 1960-е годы привела к изменению федерального законодательства. По словам американского марксистского географа Дона Митчелла, демократия требует публичной видимости, а публичная видимость требует материального публичного места. Так что при всем происходящем сегодня перенесении стержня политических обсуждений в пространство онлайн, классики современной урбанистики напоминают о *значимости материальности для публичного волеизъявления*. Это побуждает нас смотреть на свои города сквозь призму идей, которые возникли давным-давно, задумываясь о том, насколько давно на этой площади давно прошел настоящий митинг или когда мы сами голосовали, надеясь, что наш голос участвует в дебатах об общественном благе.

В названной работе «Право на город» (1968) Лефевр справедливо связывает утопию с экспериментами, говоря, что ее «на местах» надо проверять и быть готовыми к сюрпризам. К примеру, что составляет успешное место? Какие критерии здесь работают? Сам Лефевр оперировал довольно неожиданным критерием: возможностью счастья, которую «успешные» места должны открывать. Мне такая урбанистика дорога тем, что встряхивает восприятие, напоминает о том, что как бы активно не велась сегодня узурпация дискурсивных и материальных ресурсов, нас никто не лишает возможности начать думать по-другому.

РЖ: Долгое время считалось, что город вырабатывает цивилизные нормы, от внешнего вида до образования, потом стало считаться, что город создаёт нормы мобильности, и цивилизные нормы – только средство для усиления мобильности. Что создаёт современный город: нормы, мобильность или синтез того и другого?

Е.Т.: Стоит задуматься, скольких людей город, если позволительно здесь это одушевление, «обтесал» и сделал. Цивильность и мобильность давно увязаны. Но, цивилизуя все новых горожан и обрекая их, через соревнование с себе подобными, на личный рост, город долгое время выполнял очень важную функцию – воспитание гражданской, «цивильной» культуры в своих обитателях. Художники, философы и урбанисты редко бывают единодушны: но сколько усилий потрачено ими всеми на демонстрацию значимости общественных, публичных мест! Такие места – одновременно и собственно место, и зрелище, и место встречи разных людей, вот почему они открывают доступ к душе города. От описанных Хабермасом кофеен до воспетой Джейн Джейкобс Хадсон-стрит, от Невского Гоголя, Достоевского и Маршала Бермана до Александерплац Деблина и Фасбиндера, в них можно было чувствовать одновременно, по словам Шарон Зукин, «цивильность, безопасность, такт и доверие».

Публичные места, в которых у горожанина есть шанс встретиться с незнакомцами, места, которые принадлежат людям вне связи с их классом, полом, этносом, сексуальной ориентацией – потому и полагались самыми значимыми, что снабжали людей повседневной *социальной уверенностью*, проистекавшей от тех индивидов и сообществ, у которых было право на пользование ими. Повседневная городская жизнь, которая, кстати, без рынков и базарчиков, лавочек и кафе не представима – это часть общей (и общественной, то есть публичной) городской культуры. Принципы урбанистического анализа сегодня резонно воплощаются в противопоставлении крупных торговых центров и прочих мест, где уютно только привилегированным людям, обычной городской повседневности (включающей практики выживания, разговоры по пустякам со знакомыми в «своих» местах: все те пустяки, что примиряют тебя с жизнью по месту жительства). Общественные места исчезают – а они исчезают повсеместно под напором джентрификации – а с ними исчезает и *значимая* возможность включиться в общественную жизнь, гражданскую и коммерческую. Цивильность городской жизни сегодня поэтому уходит на второй план, но и мобильность (социальная) заморожена...

РЖ: Город, как Вы показываете, перестаёт быть сердцевинной экономики страны, и начинает вырабатывать собственные потоки циркуляции капитала, уже не оглядываясь на страну. Нет ли в этом возврата к средневековому городу-государству, в котором тоже строго увязано движение финансового, человеческого и культурного капитала вне зависимости от внешних связей? Или это выработка просто новой экономики, и город просто идёт в авангарде глобальных процессов?

Е.Т.: Средневековые города состояли, как мы помним в разнообразных союзах, из которых самым знаменитым был Ганзейский. Так что можно провести, конечно, поверхностную параллель между ранней глобализацией (начало которой некоторые исследователи усматривают, например, в эпохе великих географических открытий) и глобализацией разворачивающейся сегодня: тогда еще не было сложившихся современных национальных государств, а сегодня их роль меняется.

Хотя, после десятилетия разговоров об исчезающем – под напором транснациональных корпораций и сжимания пространства и времени – государстве, последние работы по теме (Нила Бреннера, Джейми Пека и других) рисуют государство как самого активного участника процессов глобализации, не только не оттесненного ею на второй план, но и успешно *переизобретшего* себя. Есть нации-города-государства (Сингапур), но есть и разнообразные примеры сверх-централизации, в ходе которой город свое участие в глобальных процессах обеспечивает крайне несправедливым выкачиванием ресурсов из других городов и территорий, что возможно, понятно, за счет очень сложных для анализа слияний городских и государственных (федеральных) интересов. Мне кажется, самыми значимыми тенденциями сосуществования городов в ходе глобализации является, во-первых, стремительный рост городов в некоторых регионах мира, а во-вторых, нарастание неравномерности их развития, как внутри «своих» стран, так и вне их. Города часто «сдаются» на откуп происходящему своими правительствами – столь велики и масштабны сегодняшние вызовы.

РЖ: *Нормы управления городом, выработанные Джекобс и другими рассматриваемыми Вами в Вашей книге теоретиками, подразумевают поощрение локальной инициативы. Но мы видим, что сейчас во многих странах эта инициатива поощряется не столько на уровне городских властей, сколько на уровне либо отдельных районов, либо отдельных регионов страны. С чем это связано, с тем, что город ещё не дорос до этих идей, или с тем, что политика нынешних государств не считается с городом как организмом?*

Е.Т.: Термин «локальные инициативы» сегодня теряет былую очевидность вместе с утратой «местами» своих отчетливых очертаний. Места к тому же по-новому связаны друг с другом – в регионе, стране, мире. Если какие-то местные инициативы в прошлом были связаны с памятью мест и опирались на долгое время складывающиеся традиции, то сегодня я совсем не уверена, что локальные инициативы обязательно «органически» вырастают, ведь они нередко являются результатом расчета и трезвой оценки ситуации.

К примеру, в пору, когда повсеместно государство «спускает» «вниз» городам те задачи, выполнение которых ему не сулит ни престижа, ни прибыли, разнообразные «игроки» (политические либо культурные) ищут возможность включиться в глобальные процессы, нейтрализуя то часто негативное воздействие, которое оказывают «на местах» центральные интересы и те, кто их представляет. Это очень заметно, например, в организации различных событий – фестивалей, ярмарок, выставок, биеннале. С одной стороны, есть то, что принято называть глобальным трендом – попытки с помощью культурных индустрий сделать города более заметными на глобальной карте.

С другой стороны, есть сложное соотношение сил и политических интересов внутри страны. С третьей же стороны, есть интересы на местах, у которых появляется шанс реализоваться только, если их выразители аккуратно примут в расчет первое и второе; примут в расчет, но не растворятся в глобальных и национальных приоритетах (и не уступят свои интересы в «торге» с теми, кто говорит с ними от имени глобального и национального). Организация Первой Уральской Индустриальной Биеннале в Екатеринбурге в 2010 году под патронажем Екатеринбургского филиала Центра современного искусства, проведение Книжной ярмарки в Перми в 2011 году по инициативе независимого магазина интеллектуальной книги «Пиотровский» (я говорю о событиях, в которых сама приняла участие) показывают, как равно важны и навыки торга и компромисса, и принципиальность.

РЖ: *Рассматривая разные метафоры города в науке о культуре, Вы выбрали для российского города одну из метафор – «базар», наравне с метафорой «джунгли», говорящей о дикости российских городов. Действительно, стихийная торговля и непродуманность инфраструктуры отличает российские города от европейских. А в свете каких метафор Вы бы хотели увидеть будущее наших городов?*

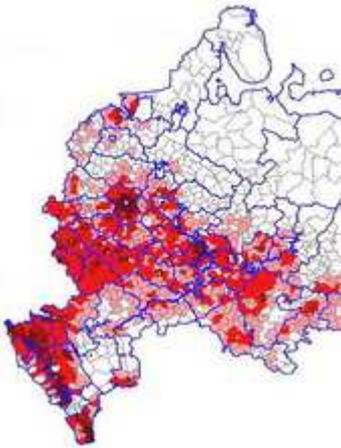
Е.Т.: «Дикость» - это последнее слово, которое мне самой приходит в голову в Красноярске, Иркутске или Екатеринбурге, а стихийная торговля (там, где она еще осталась) многое позволяет понять в происходящем. «Базар» - это старая метафора города, использовавшаяся с разными целями. Я «базар» вместе с «машиной» и «организмом» использовала как призму, позволяющую что-то увидеть в современных российских разговорах о городах. Говоря о написанном мной на этот счет, мне показалось любопытным, что эта метафора используется, с одной стороны, интеллектуалами для обсуждения разных отношений, в которых Россия не дотягивает до стандартов западной цивилизованности. С другой стороны, она используется политиками, которые под предлогом борьбы с базарной городской экономикой, которую для них воплощают ларьки и рынки у метро, уничтожают мелкий бизнес, убирая помехи для бизнеса крупного – бизнеса больших масштабов и торговых площадей. В том и другом случае идет дискурсивная игра с негативными коннотациями восточного, неорганизованного, что слово «базар» включает, но этим отнюдь не исчерпывается.

Что же касается метафор для будущего городов, мне кажется органические метафоры «выживания» и близкие им по смыслу «живучесть» и «жизнеспособность» будут самыми востребованными по мере того, как, с непредсказуемым пока исходом, мировая экономика будет выходить из кризиса.

Беседовал Александр Марков

Очередное заседание научного семинара Евгения Ясина в ВШЭ «Экономическая политика в условиях переходного периода» было посвящено неоднородности территориального развития — «Пятнистая Россия: агломерации и периферия». Докладчиками и дискуссантами выступили **Наталья Зубаревич** (Независимый институт социальной политики), Надежда Косарева (Институт экономики города), Александр Высоковский (Высшая школа урбанистики НИУ ВШЭ), Татьяна Нефедова (Институт географии РАН), Александр Эпштейн (Институт региональных исследований и городского планирования НИУ ВШЭ).

России усиливается неравномерность расселения. На фоне сохраняющейся депопуляции городские агломерации притягивают к себе не только людей и бизнес, но и сельское население заставляют группироваться вокруг своих ареалов. Это объективные процессы — на них можно грамотно влиять, но с ними невозможно бороться, отмечали участники научного семинара в Высшей школе экономики

Выступившая первой **Наталья Зубаревич** констатировала, что неравномерность заселения российской территории усиливается и поставила вопрос: сопротивляться или адаптироваться этой тенденции?

Российская урбанизация проходит при сверхцентрализованной структуре государства, что приводит к «распуханию» столичной агломерации. При этом одновременно идет деградация системы расселения, созданной в индустриальную советскую эпоху, когда треть всех городов создавалась при вновь построенных заводах. Оказывает свое влияние оптимизация издержек сырьевого бизнеса — расширяется применение вахтового метода, закрываются низкоприбыльные добывающие предприятия. При этом территория в целом остается редкозаселенной: в стране 1090 городов, из которых крупных —

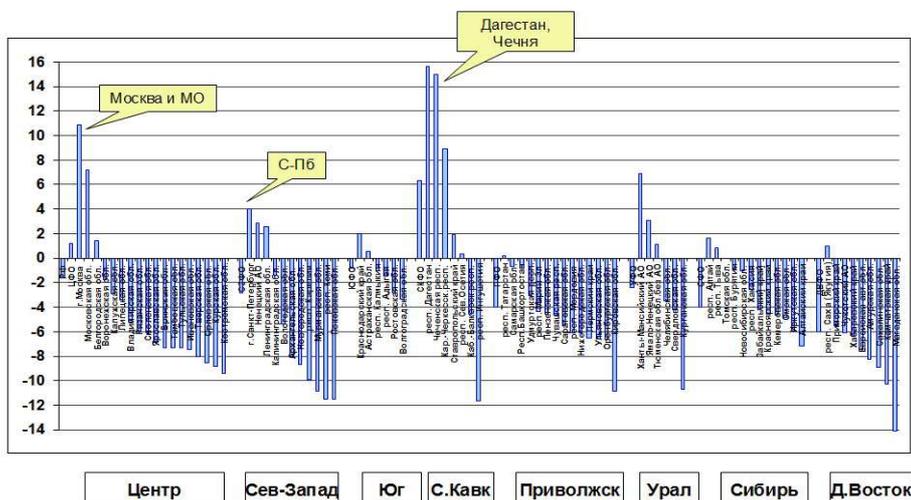
74.

Усиливается концентрация расселения: 27% всего сельского населения живет в Южном и Северокавказском федеральных округах, 28% городского населения — в городах-миллионниках и близких им по численности.

Депопуляция в стране продолжается, чтобы ни говорили об этом политики, подчеркнула Зубаревич. В период с 2002 по 2010 годы численность населения заметно увеличилась только в Москве, Московской области, Санкт-Петербурге, Чечне, Дагестане, Карачаево-Черкессии и некоторых нефтедобывающих регионах Севера. За этот же период выросло число регионов с уменьшающимся населением.

Сдвиг населения в крупнейшие города

Динамика численности населения за период между переписями 2002 и 2010 гг., %

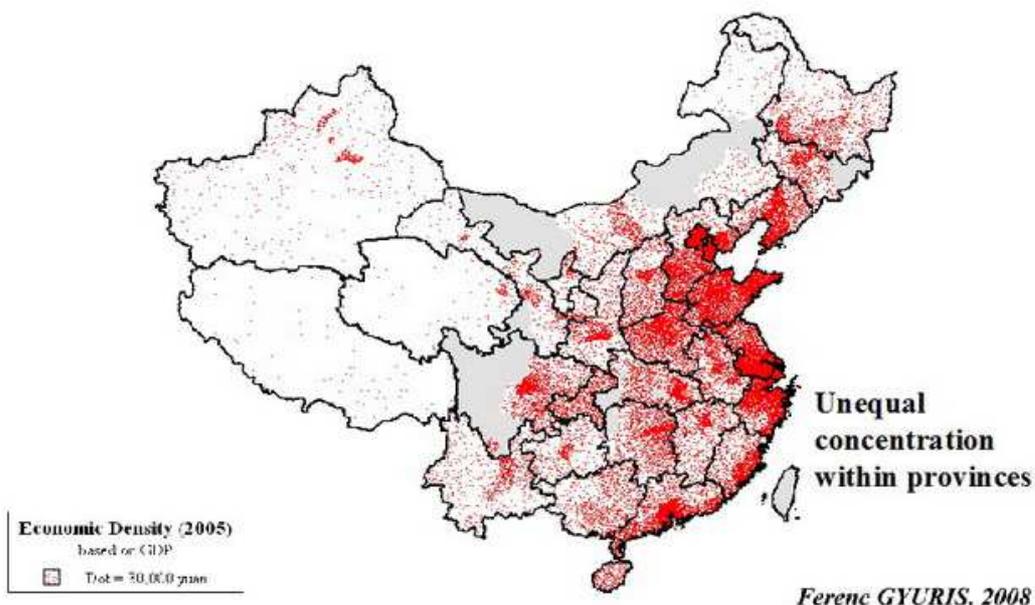

Что касается миграционной составляющей этого роста, то 60% мигрантов получает Московская агломерация, 20% — Санкт-Петербург. Остальное приходится на Белгородскую, Калининградскую области, Краснодарский край. В 1993-2000 годах миграция питала почти все регионы, кроме северных.

Зубаревич обрисовала структуру населения России: 31% живет в городах с населением от полумиллиона и выше; 26% — на селе, 10% — в городах с населением от 100 до 250 тыс. человек, 9% — с населением от 250 до 500 тысяч. Города с населением свыше 250 тысяч человек развиваются гарантированно устойчиво, даже если это моногорода. В сельской местности 13% населенных пунктов не имеют постоянного населения, в 24% живет до 10 человек. В населенных пунктах с населением менее 300 человек население продолжает сокращаться, с населением выше 3000 — растет. Между двумя этими отметками — зона риска.

Выводы из представленной информации докладчик суммировала как следующий тренд: в России идет сжатие обитаемого и экономического пространства на фоне депопуляции.

Тренд связан с объективными факторами, никакая политика переменить этот тренд не может, уверена Зубаревич. Однако политика должна вырабатываться с учетом данного тренда. Одним из приоритетов должна стать поддержка территорий с конкурентными преимуществами. Другим — смягчение в регионах социального неравенства. Зубаревич отметила, что усиление концентрации и неравномерности расселения — случай достаточно типичный, продемонстрировав в качестве иллюстрации карту экономической плотности в Китае: с максимальной концентрацией в восточных прибрежных областях, и практически пустующими западом и севером.

В настоящее время агломерации растут за счет своих региональных ресурсов (кроме Москвы и Петербурга). Но этого мало. Необходимо, чтобы началась конкуренция агломераций между собой. Когда и если такое случится — Москва перестанет быть главным привлекательным местом страны. Среди таких дополнительных ресурсов, которыми могут воспользоваться агломерации в отдельных регионах, Зубаревич назвала близость к ЕС (Калининград, северо-западные области), приморское положение, снижение институциональных барьеров в распоряжении земель, развитие совместных международных проектов, с целью получения современных технологий.

Еще одно направление: интеграция региональной и социальной политики. В то время, как региональная политика должна стимулировать мобильность населения и поддерживать локальные центры развития, социальная должна акцентироваться на воспроизводстве человеческого капитала и адресной социальной поддержке (в противовес социальной поддержке территорий в целом).

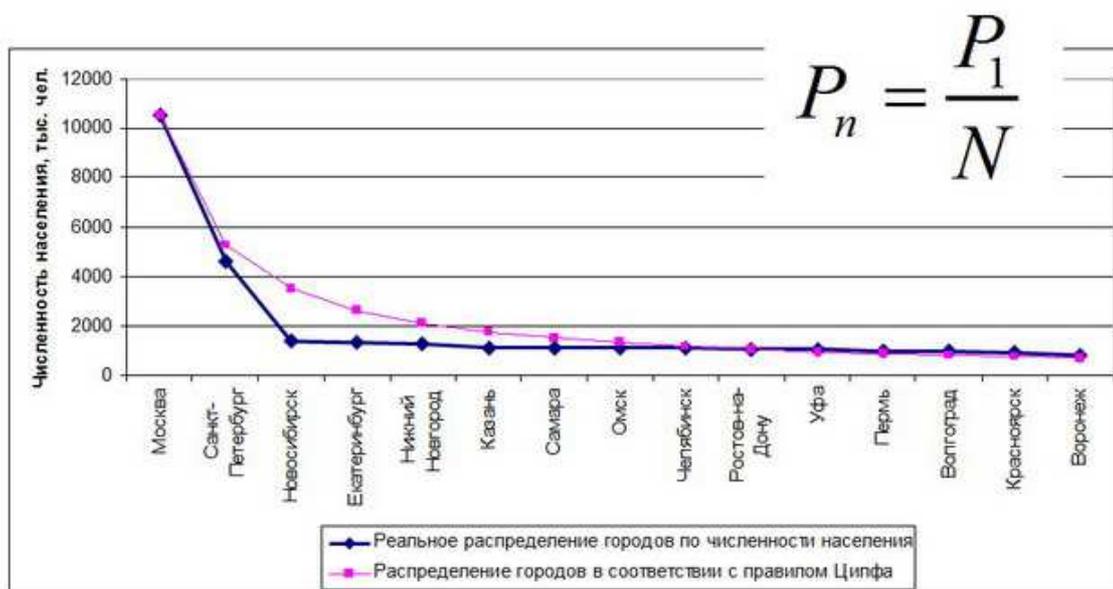
В заключение Наталья Зубаревич сформулировала четыре главных направления действий для современной российской ситуации:

- развитие агломераций
- управляемое сжатие периферии
- содействие росту мобильности населения (в том числе за счет роста доходов)
- налаживание каналов взаимодействия власть-бизнес-население.

Надежда Косарева свой доклад посвятила городским агломерациям. В России насчитывается от 50 до 100 агломераций (по П. Поляну и Т. Вавиловой). 83% из них находятся в Европейской части, в 25 регионах агломераций нет. Большинство российских городов с населением более 300 тыс. человек представляют собой ядра городских агломераций.

Российские агломерации имеют свою специфику. История их появления зачастую связана с эпохой плановой экономики: такие города как Тольятти, Пермь, Брянск — де-факто агломерации, сложившиеся вокруг заводов. Формирование агломераций происходит в условиях депопуляции. Практически четверть городов — моногорода. Процессы субурбанизации и джентрификации идут синхронно. Земля как ресурс вообще не вовлечена в экономические отношения. Наконец, огромное влияние на этот процесс оказывают особенности российской сверхцентрализованной бюджетной системы.

Надежда Косарева привела график, составленный по «правилу Ципфа», трактующему соотношения размеров городов по рангу-размеру. Согласно этому правилу, в России сегодня пустует ниша, в которой должны располагаться примерно пять городов с населением от 2 до 4 млн. человек.

Источник: презентация Н. Косаревой

Экономика городов в настоящее время, по оценке Косаревой, находится в противоречии с «традиционными административными» методами управления. Так, при укрупнении в рамках городских агломераций многие проблемы только усугубятся: вместо трех маленьких монополий — одна большая. Происходит отдаление интересов административной структуры от интересов местных сообществ. Многие интересы и конфликты при укрупнении перестают быть представлены публично.

Н. Косарева выделила основные направления, по которым следует развивать эффективное управление агломерациями: координация стратегических программ городского развития и территориального планирования; расширение договорных и двухуровневых моделей управления агломерациями. Договорная модель, потенциально в России возможная, но не имеющая нормативно-правовой базы, может реализоваться в формах создания межмуниципальных хозяйственных обществ, заключения межмуниципальных соглашений, покупки услуг одними муниципалитетами у других, совместном территориальном планировании. Двухуровневая модель имеет два варианта. Первый — создание надмуниципальных органов — не имеет правовой базы. Второй: государственно-муниципальное управление через создание административных округов —

популярен среди региональных руководителей, но несет в себе опасность фактического государственствования местного самоуправления.

Эти проблемы и варианты управления агломерациями становятся весьма актуальными в связи с появлением «большой Москвы». В результате ее создания, в новых границах будут соседствовать 146 муниципальных округов «старой» Москвы, 2 городских округа — Щербинка и Троицк, 19 сельских и городских поселений, части 3 муниципальных районов — Подольского, Наро-Фоминского, Ленинского. Как будут сосуществовать эти разнородные образования при нынешней административной системе? Звучали обещания, что им оставят их нынешние права. Но это уже приводит к тому, что депутаты московских муниципальных образований вдруг поняли, что у них гораздо меньше прав, чем у подмосковных коллег. «Возможно, процесс создания «большой Москвы» окажется полезным для российских агломераций в целом», - заключила Надежда Козырева.

Взявший затем слово **Александр Эпштейн** напомнил, что современная городская экономика — это экономика постиндустриальная, экономика знаний. Ее развитие характеризуется сокращением ранее широко используемых ресурсов — трудовых, инфраструктурных, земельных. В результате происходит высвобождение трудовых ресурсов и земельных ресурсов в центрах городов. Сегодня крупнейшие города мира стоят перед проблемой возникают проблемы реорганизации пространства городского центра и производственных территорий. В центрах российских городов уже сейчас много неэффективно используемых пространств. Эту проблему необходимо решать осмысленно. В качестве положительного примера А. Эпштейн привел городскую программу Перми.

По мнению **Александра Высоковского** российские агломерации —terra inkognita, они не исследованы: «Мы не знаем настоящих мотивов и целей перемещений, почему возникают те или иные конфигурации потоков. Понимая убожество нашего управления, в том числе пространственного управления, которое совершенно не ориентировано на создание благоприятных для человека условий, а решает свои проблемы с помощью этих процессов, мы поняли, что градостроительная деятельность должна быть трансформирована». Он высказался за создание новой институциональной среды городского планирования, в которой учитывались бы объективные законы развития агломераций.

Татьяна Нефедова отметила, что за пределами крупных агломераций происходит сокращение населения и площадей освоенных территорий. Но это локационное сжатие пространства — не обязательно следствие упадка, это может быть и результатом модернизации.

В городах усиливается корреляция благополучия города от количества населения — с 1990 года соответствующий коэффициент вырос более чем вдвое. Из 471 депрессивного российского города 431 — с населением менее 50 тысяч человек, что более половины в данной категории населения. Среди городов с населением более 500 тыс. человек не только вовсе нет депрессивных городов, но и «средний» - лишь один, остальные — «хорошие» и «лучшие».

Города и горожане накануне кризиса 2008 г.

Число городов с разной оценкой их состояния в баллах, 2007

Города с населением	5	4	3	1-2	Всего городов
	Лучшие	Хорошие	Средние	Депрессивные	
Более 500 тыс. чел.	16	20	1	0	37
100-500 тыс. чел.	20	68	34	10	132
50-100 тыс. чел.	11	42	69	30	152
Менее 50 тыс. чел.	17	78	197	431	723
Всего городов	64	208	301	471	1044

Доля населения в городах с разной оценкой, %

Города	5	4	3	1-2	Населения в городах
	Лучшие	Хорошие	Средние	Депрессивные	
Более 500 тыс. чел.	29	15	1	0	45
100-500 тыс. чел.	5	16	6	2	29
50-100 тыс. чел.	1	3	5	1	10
Менее 50 тыс. чел.	1	2	5	9	16
Всего городов	36	36	17	12	100

Источник: презентация Т. Нефедовой

После кризиса 1998 года резко вырос миграционный приток в Москву, на нее в 2011 году пришлось 55% всего миграционного притока российских городов. В столице происходит гиперцентрализация населения и доходов, которая усилится с расширением Москвы.

В России 153 тысячи сельских населенных пункта, из которых 55 тысяч не населены, либо имеют менее 10 постоянных жителей. От 10 до 100 человек проживают в 47 тысячах населенных пунктов. Костяком структуры сельского расселения Т. Нефедова расценивает пункты с населением более 100 человек — таких в стране 51 тысяча. Это прежде всего южные, пригородные и этнически нерусские районы.

Рост сельского хозяйства в отдельных ареалах при депрессии на остальной территории, говорит о поляризации аграрного пространства России. Здесь Нефедова выделила два объективных процесса. Первый — разделение по принципу «Север-Юг». Это нормальное территориальное разделение труда, неизбежное в больших странах.

Второй — «Пригород-периферия», усиление влияния городов на сельскую местность. При редкой сети больших городов в России происходит усиление очаговости освоения.

При этом, подчеркнула Нефедова, нельзя говорить об упадке сельской местности и сельского хозяйства в России в целом. Сельское хозяйство было слишком затянута в природно-маргинальные районы, теперь же оно развивается там, где есть подходящие природные условия и трудовые ресурсы. На смену землеемкому экстенсивному освоению приходит ареальное, очаговое и даже точечное освоение, к которому власти совершенно не готовы.

Россия давно уже архипелаг больших островов на Юге и малых островов в Нечерноземье и Сибири вокруг городов. Опорный каркас развития территорий, исходя из природных и социально-демографических предпосылок и ограничений составляет:

- в Нечерноземье – 10-20% (наибольшая пятнистость),
- вместе с югом – более трети имеющихся сельскохозяйственных угодий России.

Не стоит бороться с неизбежным, призывает Нефедова. При идущем территориальном разделении труда и модернизации агропроизводства не надо вовлекать все заброшенные колхозные поля снова в оборот. Нужны модели экономики хозяйственного сжатия.

Евгений Ясин, подводя итоги семинара сказал, что, по его мнению, небольшие города заслуживают сохранения, если в них создается свое гражданское общество. В этой связи он вспомнил мэра подмосковного города Дзержинский Виталия Доркина, который «смог своими немалыми усилиями создать общину в этом городе, у которого было будущее». Это будущее, по мнению научного руководителя ВШЭ, было пресечено проведенной реформой муниципального уровня власти: «нынешнее законодательство о самоуправлении — это законодательство об антисамоуправлении». Ясин выразил уверенность, что децентрализация и местное самоуправление — станут одними из основных направлений, по которым будет развиваться укоренение гражданских свобод в России.

«Городские бюджеты останутся дефицитными»

*Побороть «хроническое безденежье местного самоуправления» на заседании правительства предлагалось за счет предоставления муниципалитетам патентов и налога на недвижимость. Значительно увеличить доходы таким образом не удастся, предостерегает **Наталья Зубаревич** директор региональных программ Института социальной политики (НИСП).*

На заседании правительства 1 ноября глава правительства Дмитрий Медведев призвал федеральные и региональные власти ускорить решение проблемы безденежья местного самоуправления. Несмотря на то, что правительство уже давно работает над увеличением доходной базы местных бюджетов, сохраняется «хроническое безденежье местного самоуправления», констатировал премьер.

Решить проблему предлагается двумя способами: увеличением дотаций из федерального бюджета и наращиванием доходов за счет новых налогов. «Один из основных источников - это введение патентной системы налогообложения. Насколько она будет работать эффективно, зависит от скоординированности наших действий и работы на местах, учитывая, что 100% отчислений будет идти в бюджеты муниципалитетов и городских округов», - отметил премьер.

Еще одним существенным резервом для местных бюджетов могут стать земельные участки, которые по кадастру пока не сформированы, это порядка 1/5 всего земельного фонда. «К концу этого года должна быть завершена работа по введению единого налога на недвижимость», - потребовал Медведев. Он не уточнил, насколько дополнительные доходы снизят дефициты местных бюджетов.

Как следует из слов министра финансов Антона Силуанова, дополнительные доходы для муниципальных бюджетов окажутся каплей в море. От патентов планируется выручить «1 млрд. рублей ежегодно», а от земли и недвижимости еще 15 млрд. рублей. Ранее говорилось о необходимости найти 1 трлн. руб. для этих целей.

Объем дотаций из бюджета на выравнивание экономического положения муниципалитетов не был назван. Премьер лишь попросил, чтобы деньги распределялись профессионально и осторожно. «Изыскивая дополнительные средства для муниципалитетов, нужно учитывать уровень развития каждого региона, сбалансировать бюджеты в целом и каждый отдельный бюджет в частности. Действовать нужно профессионально и осторожно», - сказал он.

По оценке Независимого института социальной политики, ситуация с местными бюджетами еще более тяжелая, чем с региональными. В 2011 году дотационность консолидированного бюджета субъектов федерации составляла порядка 25%. Уровень дотационности городских бюджетов - 50%, бюджетов городских округов - 70%.

Как ранее [предупреждали эксперты](#) рейтингового агентства Standard & Poor's, в 2013 году более половины российских регионов ждет дефолт, поскольку они не в состоянии будут исполнить все предвыборные социальные обещания Владимира Путина в объеме 5 трлн. рублей. При этом значительная часть новых социальных расходов должна лечь на плечи муниципалитетов: пенсионные и студенческие надбавки, льготы на проезд и пр.

За бюджетами муниципальных районов и городских округов, начиная с 2008 года, на постоянной основе закреплены доходы от единого налога, взимаемого в связи с применением упрощенной системы налогообложения, единого сельскохозяйственного налога, транспортного налога в полном объеме, а также дополнительно 10 % от налога на доходы физических лиц. Но сделать бюджеты муниципалитетов бездефицитными эти источники доходов не могут. Губернаторы и главы городов уже давно просят децентрализовать налоги, но в таком случае, утверждают чиновники, уменьшится федеральная казна, и не будет денег на дотации для самых слабых, регионов-реципиентов, которых больше половины.

Комментирует директор региональных программ Института социальной политики (НИСП) Наталья Зубаревич:

- Простого решения проблемы нет. Введение патентной системы налогообложения не решит проблему «хронического безденежья местного самоуправления». Патенты - это налог на малый бизнес. А малый бизнес развит и активен далеко не во всех регионах, и

больших денег с него не соберешь. Что же касается налога на недвижимость, то он может пополнить казну лишь крупных городов и городских округов, где недвижимость и земля в цене. И причина не только в том, что в стране много несформированных земельных участков без кадастровой оценки. Проблема в том, что земли в глубинке никому не нужны и ничего не стоят на рынке.

Таким образом, данные налоги не могут стать подспорьем для слабых муниципалитетов. В крупных городах налог на прибыль и доходы физических лиц (которые сегодня по большей части идут в федеральный бюджет) могли бы улучшить финансовую ситуацию, но тогда в федеральном бюджете не хватило бы денег на дотации слабым.

Однако удовлетворить всех сразу не получится. Нужно выбрать одно из двух: либо продолжать уравнивать ситуацию, либо дать возможность сильным развиваться, отдав им часть федеральных налогов.

Когда в час пик мы попадаем в водоворот людей и машин, нас может утешить мысль о том, что наши правнуки этого уже не застанут. Через 100 лет городов в сегодняшнем понимании этого слова больше не будет. Правда, перед этим нам предстоит пережить истерию сверх урбанизации и пройти через многочисленные ужасы мегаполиса

С трудом протолкавшись сквозь поток оборванцев, вы быстро перехватываете кусок уличной шаурмы, зажимая нос от резких запахов несвежей пищи и плохо вымытых человеческих тел. Ничего, через несколько минут вы окажетесь на своем 14-м этаже, где вас ожидают относительный покой и относительная тишина.

Нижняя пешеходная зона — это для бедных. В крошечных клетушках ютится копошащаяся, орущая человеческая масса. Она же заполняет коридоры-улицы, соединяющие основания 60-этажных небоскребов. Передвигаться здесь можно только пешком, в лучшем случае на велосипеде: любой транспорт превратит эту сплошную толпу в кровавое месиво. Конечно, были бы деньги — можно подняться на второй уровень. Там мечта миллионов обитателей пешеходного городского дна — подземка. Вы невольно усмехаетесь? «Подземка» на уровне 40-го этажа? Но так уж повелось — когда-то она действительно была под землей. Если верить рассказам бабушки, конечно.

А уж если совсем размахнуться, можно представить себе и третий уровень — солнечные пентхаусы, парковые зоны, фонтаны, широкие и полупустые автострады для личного транспорта на высоте 50-х этажей. Красота! Даже вообразить трудно. Вы же там никогда не были и вряд ли когда-нибудь будете. То, что называется социальной лестницей, вовсе не метафора: можно всю жизнь медленно подниматься с этажа на этаж, но так никогда и не добраться до вершины...

То, что вы только что прочитали, вовсе не пересказ голливудского фантастического боевика. Это короткая зарисовка из жизни будущего обитателя Beijing Boom Tower — этот проект города будущего был разработан для Пекина голландским архитектором Невиллом Марсом. Авторы проекта называют его «последней попыткой приручить город» — это

их ответ на перенаселение современных мегаполисов.

Самые пессимистические прогнозы демографов на ближайшие 50 лет останавливаются на цифре 12 миллиардов. Таково будет число жителей Земли. При нынешних темпах урбанизации 80% из них будут жить в городах. Население среднего города будет составлять примерно 20 миллионов человек. По мнению Марса, при таком положении дел ни о каком городе-саде говорить не приходится. Boom Tower — «логичный финал текущих желаний рынка». И тут с авторами не поспоришь. Boom Tower вмещает на 200% больше жителей, чем любой другой вид планировки. На площади 0,06 км² в нем расположено 5 тыс. квартир, не считая прочей инфраструктуры. Более вместительным может быть только сплошное здание, вообще лишенное доступа солнечных лучей.

Таким видится город будущего специалистам.

Между проектом и жизнью

Со времен Геродота до нас дошло немыслимое число проектов городов-утопий. Причем и Леонардо да Винчи, и Томаса Мора, и Кампанеллу и Корбюзье интересовало вовсе не скопление красивых домов в одном месте, а совершенное устройство социума. Любая

попытка заглянуть в будущее города — это попытка понять, как будет устроена наша жизнь завтра. Вот тут-то и начинаются проблемы.

«Город слишком сложен, как сама жизнь, — говорит профессор кафедры градостроительства Московского архитектурного института (МАрХИ) Михаил Шубенков. — Его можно описывать разными моделями. Но чтобы им управлять, мы все равно должны придумать модель. До сих пор совершенная модель не создана, теории города до сих пор не существует: никто не смог ее создать». Еще бы — найти пространственную формулу человеческого счастья!

Имеющийся опыт настораживает. История столицы Бразилии стала уже хрестоматийным примером. Если вкратце, то дело было так. Выбрали ровное голое место, позвали лучших архитекторов страны и предложили построить идеальный город. Автор победившего в конкурсе проекта Лусиу Коста в компании с Оскаром Нимейером спроектировали город, напоминающий то ли летящий самолет, то ли бабочку: в его крыльях расположены жилые кварталы, в фюзеляже — федеральные учреждения. Постарались учесть все: компактные офисные центры, близость жилья к рабочим местам, удобные улицы-гипермаркеты, где есть все, кроме очередей. Получилась прекрасная солнечная Бразилиа — город мечты.

Что мечта эта так и не сбылась, стало понятно уже через несколько месяцев. Оставшиеся здесь же строители, не имевшие возможности стать хозяевами того, что сами же построили, образовали по соседству несколько городов-спутников. Там сосредоточено основное население столицы — 2 млн человек. А рассчитанная на 500 тыс. жителей Бразилиа до сих пор наполовину пуста.

Состоятельные граждане, которым предназначались дорогие пентхаусы в центре, предпочли выстроить индивидуальное жилье за городом, наплевав на то, что дорога на работу стала требовать больше времени. А покупатели почему-то невзлюбили гипермаркеты, самостийно понаоткрывали мелкие уютные магазинчики и стали толкаться там в очередях.

В результате город все-таки состоялся, но образ жизни его обитателей невероятно далек от разумной логики, вписанной в проект. Целые его кварталы пустуют, зато в других явное перенаселение. С точки зрения логики и экономии сил людям здесь жить неудобно. Но почему-то им так больше нравится.

Примерно то же самое произошло и с Чандигархом, столицей индийского штата Пенджаб, воплотившей архитектурную мечту Корбюзье. Великий француз-самоучка использовал голое каменистое плато, как будто специально предназначенное для того, чтобы продемонстрировать туземцам европейское представление о счастье. Но проект не учитывал ни традиционную для Индии сегрегацию общества, ни климатические условия, ни бытовые традиции. Как заметил один из коллег Корбюзье, это город для автомобилей, построенный в стране, где далеко не у каждого есть велосипед. К величественным дворцам со стильно вогнутыми крышами ведут длинные и, увы, пустующие аллеи. Эта принципиальная чуждость контексту намертво вписала Чандигарх в этот самый контекст. Дворцы постепенно ветшают, и глинобитные хижины местных нищих, прилепившиеся к их облупленным бокам, делают их естественной частью пейзажа, который могли бы оставить после себя инопланетяне. Разумеется, никто из насильственно поселенных в Чандигархе не стал счастливее.

Так что же, совсем отказаться от проектирования городов? Пусть растут как трава? Увы, это тоже не выход.

Кто-то из архитекторов подсчитал, что в XVIII веке средний город занимал площадь 2000 x 2000 ярдов. Пешеходу требовалось 15 минут, чтобы дойти до его центра. В XIX веке появились железные дороги, и размер города существенно увеличился: теперь уже от центра жителей окраин отделяло 20–25 минут езды по железке. А когда появились автомобили, до центра города мы стали добираться за 50–60 минут.

Пример тому — Москва. Исторически сложившаяся кольцевая структура до сих пор диктует городу собственную логику. Специалисты по транспорту ругают саму идею кольцевых дорог, москвичи — ужасные пробки, но сейчас с этим уже ничего не поделаешь. Ввод в строй новых мегапроектов вроде «Москва-Сити» грозит транспортным

коллапсом. Москва как раз растет «как трава» — на естественном коммерческом интересе и привычных решениях, становясь все более неудобным городом для жизни.

Стены и люди

Так что же «запускает» город как разумное и удобное социальное образование? Один из известных российских социологов архитектуры Георгий Дюментон рассказал мне, как в начале 30-х годов стал свидетелем строительства и обживания на севере Москвы «коммунистического микрорайона», построенного с учетом вполне здравых архитектурных представлений. Район был окружен рядом девятиэтажек, заслоняющих его от северного ветра. Внутри стояли уютные пятиэтажки с детскими площадками, школой и всей необходимой социальной инфраструктурой. Пространство между домами было заботливо посажено яблонями. Получился город-сад.

А потом Дюментон с грустью наблюдал, как коммуна превращается в коммуналку, как ломаются детские игровые домики, качели, яблони. По иронии судьбы сам Дюментон, которому впоследствии удалось принять участие в разработке знаменитого проекта «Новый элемент расселения», о котором речь пойдет ниже, в то время жил в наскоро переделанном под жилье свинарнике без

водопровода и элементарных удобств.

Как объясняет основатель и директор учебного центра «Урбанистика» профессор МАРХИ Алексей Крашенинников, хороший градостроитель должен вписаться не только в ландшафт, но и в сложившуюся здесь и сейчас социальную традицию. Разумеется, если мы не хотим получить на выходе строго иерархизированное столпотворение Boom Tower. В таком городе никогда не «включится» интимно организующая сама себя сфера человеческих взаимоотношений. Для его создателей и правителей он навсегда останется марионеткой.

Новый элемент счастья

В 1960 году несколько выпускников МАРХИ защитило совместный диплом под суховатым названием «Новый элемент расселения» (НЭР). Теоретические идеи, положенные в его основу, стали во многом базой для развития отечественного да и мирового градостроения. Элементы НЭРа можно видеть в планировке пешеходного Старого Арбата, во множестве неосуществленных и осуществленных проектов наших соотечественников и их западных коллег.

Нэровцы планировали создать пешеходный город. Высылая свои чертежи на одну из международных выставок, они попросили своего коллегу лечь на полосы исчерченного ватмана и обвели его силуэт карандашом. Так они попытались выразить главный замысел своей работы: мерилom архитектурной фантазии всегда должен оставаться человек. «Мы долго искали основной принцип, который можно было бы заложить в структуру города, его размер, габариты, и поняли, что это должен быть человек-пешеход, — говорит один из авторов НЭРа, кандидат архитектуры, советник Российской академии архитектуры и строительных наук Зоя Харитонова. — Вот сколько может человек пройти пешком, не очень утомившись, — это и должен быть радиус города. Максимум 5 километров».

Учитывалось и то, что архитекторы назвали «стереотипами пространственного поведения». Речь шла о фиксированной ширине улиц, расстояниях между кварталами, высоте жилого помещения, этажности и прочей геометрии, которая может или убить, или внушить чувство покоя и гармонии. Например, высота потолков должна быть равна 3 метрам. Ширина улицы — 10 саженей, или 22 метра (в Москве такого размера Старый Арбат, Солянка, Пречистенка, Мясницкая), соответственно ширина переулка — 7 саженей. Именно эти величины психологически рождают ощущение комфорта. А высота домов не должна превышать 40 метров: выше в воздухе отсутствуют для организма фитонциды.

Город рассчитывался на 100 тыс. жителей. Все жизненно важные объекты внутри одного жилого комплекса должны находиться в шаговой доступности.

НЭР был задуман именно как элемент городской структуры. Город мог размножаться НЭРами практически до бесконечности, сохраняя комфортность. Впрочем, до сих пор концепция НЭРа выглядит скорее утопией, нежели урбанистической реальностью. Хотя, по мнению авторов, именно такой город мог бы «заработать» как особая саморазвивающаяся социальная среда, что обеспечило бы ему фактическое бессмертие.

Но раз уж мы вспомнили о бессмертии, то большинство архитекторов склоняется к тому, что у города будущего будут весьма напряженные отношения с вечностью. Михаил Шубенков приводит пример — величественный небоскреб, возведенный в Японии известным и модным архитектором Маки: четыре колонны завершаются изящным перекрытием с дырой посередине. Выглядит очень стильно. Но если подойти поближе, это величественное сооружение оказывается всего лишь стилизованной временякой: легкие металлические конструкции, облицованные 5-миллиметровым слоем гранита снаружи и отделанные гипсокартоном внутри, — вот и все. Местные архитекторы пожимают плечами: мы, мол, построили это на 5–7 лет так, чтобы потом разобрать и построить что-то другое, не менее модное — тоже на 5 лет.

Так что ни о какой архитектурной вечности речь не идет. «Мы сегодня строим не то что не на века, но даже срок в 10 лет берем под сомнение», — констатирует Шубенков. Будущее, которое мы сегодня в состоянии себе представить, скоротечно.

Будущее-1. Вертикальный город

Самая популярная сейчас градостроительная идея, проектный мейнстрим, — это идея вертикального города. Множество «небесных» проектов, в сущности, сводятся к одному: полезные городские пространства, до сих пор располагавшиеся горизонтально и оттого бесконтрольно расплывавшиеся вокруг, надо собрать в кучу и поставить друг на друга. Мы получим город-пирог — уровень жилья, над ним уровень транспорта, над ним парковая зона, над ней магазины-рестораны, над ними снова жилье, над ним, допустим, учебный комплекс, над ним... Дальше додумайте сами.

В какую конкретную форму эта идея выльется, не так уж и важно. Подобных проектов сотни, если не тысячи. Пекинский Boon Tower — один из многих. Это могут быть пирамиды или традиционные небоскребы, шары, кубы, параллелепипеды и так далее. Технологии позволяют и то, и другое, и третье.

Кстати, той же логикой руководствуются архитекторы, пытаясь решить проблемы питания в условиях субурбанизации. Вот, например, свиноводство. Предлагается собрать все свиноводческие фермы и поставить одна на другую. Получился проект под метафизическим названием Pig City. И пожалуйста, не нужно говорить, что вы читали страшную историю Оруэлла «Свиноферма». Никаких антиутопий, чистая экономика: 76 небоскребов по 622 метра каждый плюс густо озелененные балконы, куда свинки выходят погулять и поковыряться в древесных корнях. Обслуживание автоматическое. Скотобойни сосредоточены на первых этажах. Там же перерабатывающий отходы завод и хранилище для биогаза, за счет которого обеспечивается снабжение свиного города электроэнергией. Разработанный в 2000–2001 годах при участии правительства Нидерландов, этот проект вызвал массу критики. В ответ архитекторы посоветовали возмущенной публике есть поменьше мяса.

Еще один способ экономии места — уход под землю. Там все будет выглядеть примерно так же: многоуровневые пространства, разбитые на функциональные зоны. Таков проект подземного Питтсбурга, разработанный еще в прошлом веке американским архитектором Максом Абрамовичем.

При техногенном разнообразии все эти проекты страдают очевидной слабостью градостроительной концепции. Это не социум в полном смысле слова, а всего лишь упаковка для человеческой массы. В какой-то момент градостроительной истории это станет необходимо. Но только на время.

Будущее-2. Линейный город

Более перспективной выглядит идея линейного города. Когда Международная ассоциация производителей нефти и газа в 2003 году предложила девяти странам мира

разработать свой фантазийный проект города будущего, Россия выступила с весьма оригинальным, но при этом вполне реалистичным проектом.

«Мы вынуждены были создать концепцию, которая обеспечивала бы нужды страны в условиях огромной территории и малого количества населения, — говорит Михаил Шубенков, один из авторов проекта. — Город нужно превращать не в расплывающееся масляное пятно, а в вытянутую линейную структуру, которая обеспечивается современными видами транспорта. Этим решаются проблемы доступности и контроля над большими территориями». Представьте себе Москву, которая в современном своем градостроительном состоянии больше всего напоминает улитку — свернутую спираль с линейно-кольцевой структурой. Представили? А теперь мысленно возьмите ее за «хвост» и разверните.

«Москва, — говорит Михаил Шубенков, — это такая карта размером 60 на 40 километров, она занимает площадь около 2 тысяч квадратных километров. Если развернуть ее, как змею, вдоль транспортного русла, то уже сегодня она растянется до Новосибирска — на 2 тысячи километров. Только не в квадратах, а линейно». Такое транспортное русло уже существует — это Транссиб. Как полагают архитекторы, никаких градостроительных революций для реализации этого проекта не требуется. На постепенное «раскручивание» Москвы при нынешних темпах застройки уйдет лет 25.

Будущее-3. Вперед, в деревню

Однако, заглядывая в будущее, мы до сих пор ограничивались перспективой ближайших 50 лет. А что же дальше? Дальше, как ни странно, тишина.

В начале 80-х годов в США группа молодых архитекторов выдвинула принципиально новую градостроительную концепцию, получившую название «Новый урбанизм». Поначалу их считали маргиналами. Сейчас мировое архитектурное сообщество склонно относиться к ним как к носителям нового откровения.

А между тем идея проста: спруты гигантских городов должны исчезнуть. Герой нового города — все тот же пешеход. Все социально важные объекты находятся буквально «в пяти минутах ходьбы», то есть максимум на расстоянии 450 метров от жилья. А сверхскоростные транспортные артерии позволят без проблем перенестись в любую точку земного шара — в такой же крошечный городок, где живет приятель или любимая женщина. Но внутри этого городка вершиной транспортных технологий будет велосипед.

«Надо рассчитывать на небольшие образования, где нет места автомобилям, все ездят на велосипедах и всячески оберегают все вокруг, — говорит Алексей Крашенинников. — Это не город-спутник, не спальный резервуар. Не ресурсы и коммуникации, не информация и инфраструктура комфорта, а стремление к максимальной творческой реализации будет собирать людей вместе.

Постиндустриальная эпоха — время глобальной конкуренции. А значит, там, где интересные люди, интересная жизнь, интересные задачи решаются, там и будут концентрироваться силы и средства. Большие города со временем потеряют функции производств и станут катализатором этого процесса».

Время, которое специалисты отводят на процесс суперурбанизации, — 50, максимум 100 лет. После этого маятник расселения должен качнуться в противоположную сторону: истерия мегаполисов пройдет, и человечество переберется в такие места, которые городами можно будет назвать с большой натяжкой.

Прототипами такого поселения можно считать современные университетские кампусы, суфийские коммуны, индийский Ауровиль и т. п. Точно такие же модели, считает Крашенинников, можно построить и для аграрного, образовательного, медицинского и любого другого комплекса.

Фактически нам предстоит осуществить то, о чем мы в глубине души всегда мечтали — вернуться к племенному существованию, но на уровне таких технологий, которые снимут все проблемы индустриальной и даже постиндустриальной эпох. «Правда, — уточняет Алексей Крашенинников, — чтобы такие структурные процессы стали реальностью, нужны совершенно новые формы социального взаимодействия людей, не менее важные для

прогресса, чем технические разработки. Сейчас можно технически решить вопрос свехуплотнения городской среды в течение ближайших 50 лет. И после этого перейти к автономным поселениям. Но возможно, нам придется прорываться к этой мечте и 200, и 300 лет».

Вот так. А пока запоминайте, как выглядят небоскребы. Возможно, ваши внуки уже не будут знать, что это такое.

Фото: RAPHO/EYEDEA PRESSE/EAST NEWS; из личного архива З.Харитоновой; Кирилл Лагутко для «РР»; MVRDV; SOA Architects; Floris Leeuwenberg/The Cover Story/Corbis/PRG

Как будем жить?

Через 50 лет

- 80% населения Земли будет жить в субурбанизированных и свехуплотненных пространствах городов;
- 20% — в автономных поселениях, рассчитанных на 500 человек.

Через 100 лет

- 20% остается в городах для поддержания жизнедеятельности инфраструктуры;
- 80% живет в автономных поселениях, и все, что мы называем настоящей жизнью, происходит там.

Основные требования к жилью будущего

- **Экологичность.** Безвредность для природы и человека
- **Технологичность.** Возможность утилизации, быстрота строительства, новые свойства материалов
- **Энергоэкономичность.** Открытость коммуникациям
- **Биодизайн.** Повторение природных форм в дизайне, использование живых материалов
- **Стимулирование социальной активности** наличие развитых общественных зон
- **Трансформируемость**
- **Многофункциональность**
- **Автономность.** Использование энергии солнца, воды, ветра
- **Соразмерность жильцу.** Эргономичность

доктор архитектуры, профессор, академик Российской академии архитектуры и строительных наук, заведующий кафедрой градостроительства МАРХИ, заслуженный архитектор Р

О том, что современные города переживают кризис, написано довольно много. Чаще всего в кризисах городов обвиняют транспорт. В последние годы сюда добавился и так называемый экологический фактор. Популярным, особенно на Западе, становится изучение социологии города. Однако пути решения собственно градостроительных проблем обсуждаются гораздо реже. Среди городского руководства распространено мнение, что все можно решить путем совершенствования существующих городских структур, то есть на «местном» уровне. С некоторыми городами, вероятно, так и придется поступить. Однако новое строительство со всей очевидностью должно стремиться к более серьезным переменам.

Анализ показывает, что «звездчатые» города и агломерации теряют свои позиции. Территориальный и экологический ресурсы в них практически исчерпаны. На наших глазах они уничтожают природу и становятся непреодолимым препятствием для транспорта. Долгое время градостроители уповали на города-спутники. Но и они не спасли положение. Есть страны, особенно в Европе, где пятна городов начинают срастаться, образуя огромные мегалополисы. Мегалополисы множатся. Если «положить» все города мира компактно на карту, они покроют Индийский субконтинент. Ясно, что раз города и крупные агломерации теряют свои очертания, то нет смысла их бессистемно увеличивать, даже за счет спутников. Но ничего не предпринимается: то финансовый кризис мешает, то вдруг появляется надежда на то, что прирост населения пойдет на убыль и расширение не потребуется, и т. д.

Обратимся к истории. Люди издревле селились вдоль водных или сухопутных путей сообщения. Это были реки Тигр, Евфрат, Нил, Хуанхэ, Меконг, Дунай, Рейн, Луара, Волга, Миссисипи. Были караванные пути, Великий Шелковый путь, римские дороги, окружавшие Средиземноморье, путь из «варяг в греки», дороги, ведущие в Святую землю... Коммуникации повсеместно притягивали людей. Создавались города, замки и крепости. Они нанизывались на пути, как бусы на нить. Транзит был выгоден всем. Одни богатели за счет перекупки товара, другие жили придорожной торговлей, третьих кормила река, четвертые вносили пошлину за проезд. Кто-то грабил, кто-то охранял. Еще сравнительно недавно стали разрастаться поселения у Трансамериканской, Трансавстралийской и особенно Транссибирской железных магистралей.

В России большинство городов ориентированы на бесконечные пути сообщения. Кто жил на любой русской реке — знает, что значит пристань для городка. Кто жил на железнодорожной трассе — помнит, сколь велика роль вокзала и всего, что с ним связано. Вокзал и пристань — это работа, это еда и товары, это информация, это связь с внешним миром. Пушкин в патриотическом стихотворении «Клеветникам России» так описывает российскую «географию»: «...от Перми до Тавриды. От финских хладных скал до пламенной Колхиды. От потрясенного Кремля до стен недвижимого Китая». По этим направлениям и развивались русские пути-дороги. Вспомним, как во время Второй мировой войны с севера, по мурманской трассе, шли ленд-лизские товары. По Волге, в центр, шли нефть и пшеница. Об огромной роли Севморпути и особенно Транссиба в этот период и говорить нечего.

Жизнь на трассе

Россия имеет значительный пространственный ресурс. Многие считают, что именно за счет этого ресурса и надо развивать агломерационные «пятна». Уверен, это тупик. Где же выход? Поскольку в России сформировался целый ряд протяженных транспортных коридоров (в основном железнодорожных), то, вероятно, можно вдоль них и селиться. К сожалению, до сих пор передвижение по этим коридорам шло медленно, неорганизованно и некомфортно. Надо строить не только автомобильные, но и современные скоростные удобные «поездные» трассы, как это делают во Франции, Германии, Китае. Эти трассы должны проходить по избранным направлениям, переориентируя на себя расползающиеся агломерации. Подобный процесс напоминает прокладку осушительного канала сквозь

болотистую местность. Трасса скоростного Сапсана (от Нижнего Новгорода до Хельсинки, через Москву и Петербург) и есть такой «осушительный канал». На нем и могут располагаться новые поселения. Вспомним, еще 100 лет назад мощный поток переселенцев был притянут к Транссибирской железнодорожной магистрали. Хотя скорости передвижения были невелики, жизнь на трассе казалась им более привлекательной, чем в деревнях и старых городах.

Удобно ли современным жителям селиться вблизи трасс? Можно предположить, что да. Можно вспомнить Нью-Йоркский регион, где вдоль Лонг-Айлендского пролива идут скоростные поезда. Вся трасса Нью-Йорк — Нью-Хейвен — Бостон, длиной 400 километров (наш аналог Москва — Нижний Новгород), фактически демонстрирует собой линейную систему расселения. Богатые деловые люди живут на берегу моря в небольших уютных городках. Для поездки в Нью-Йорк они редко пользуются автомобилями. На них доезжают только до станций, где садятся на электропоезда и попадают, например, на вокзал Гранд-Централ в центре Манхэттена, расположенный на 42-й улице. Далее пешком (или на местном метро) расходятся по самым престижным офисам страны. В электричках они сидят в комфортабельных креслах, читают газеты, работают, могут заказать завтрак. Не сравнить с ездой на машине по многокилометровым пробкам.

Возникает вопрос: почему мы преимущественно говорим о поездах, а не об автомобилях или самолетах? Действительно, в 1960-х годах в Европе казалось, что побеждает автомобиль. Даже сейчас грузовые перевозки, благодаря маневренности, активно обслуживаются автотранспортом. При этом пассажирские поезда стали интенсивно увеличивать скорость движения, которая достигла в настоящее время 300 км/час. При таких скоростях Европа переходит на пассажирское поездное передвижение. Что касается авиации, то у нее много недостатков: сложности при посадке и оформлении багажа, удаленность аэропортов, шумовое загрязнение окружающей среды и т. д.

Можно возразить, что редкие остановки на скоростных трассах создадут сложности их достижения. Но транспортный коридор — это не «однопутка», к которым мы привыкли. Это плотный пучок коммуникаций, включающий скоростной канал для пассажирского сообщения, отдельный канал для грузоперевозок, автомобильное шоссе, трубопроводы, транспортеры и т. д. К тому же совершенно необязательно задействовать один пассажирский канал движения. Можно иметь для дальних расстояний скоростной канал с редкими остановками, еще один средний и один неспешный, для небольших расстояний с частыми остановками (как в нью-йоркском метро). Вблизи подобных многоканальных путей сообщения и могут появиться новые города.

Что же может заставить людей покинуть привычные места в большом городе и начать селиться вдоль трасс? Известно, что плотная городская жизнь сформировалась не только благодаря транспорту. Многих людей в плотном городе привлекают его «энергетика», богатый выбор мест приложения труда, близость очагов культуры, образования, информации, а также зоны полового, возрастного и профессионального общения. Там же формируется особый стиль жизни. В городах хотят жить те, кто стремится иметь активные социальные контакты, а это в основном молодежь. Могут ли линейные системы обеспечить что-то подобное?

Смогут, если удобство и скорость достижения перечисленных благ на трассе будут не хуже, если не лучше, чем в современном городе. И если получится привыкнуть к подобному, не совсем для нас обычному, стилю жизни. Я наблюдал, как в Швейцарии дети из небольшого городка Мендризидо и окрестных поселений на электричке ездили в школу, а взрослые отправлялись на работу, учебу или за развлечениями в Лугано или даже в заграничный Милан. Это казалось им вполне естественным. Жизнь на природе они никогда не променяют на миллионный автоград. Для поездок они редко используют автомобиль, если можно легко, быстро и удобно добраться куда бы то ни было на поезде.

Кроме транспортного и социального аспектов в пользу линейных систем расселения действует и экономический фактор. В городах земельные ресурсы исчерпаны, а вдоль трасс (особенно в России) сосредоточены огромные пространства, которых хватит на столетия. В этой зоне застройщики любого комплекса не будут зависеть от необходимости уничтожения ранее существовавших построек, и им не придется использовать дорогие городские земли.

Возникает еще один законный вопрос: зачем прогнозировать рост агломераций или строительство новых городов, если в России не ожидается прироста населения? Даже мигранты не спасают положение. Но жилищные стандарты в России очень низки. Жилой

фонд в ужасном состоянии. Даже «хрущевская» норма (9 метров на человека) соблюдается далеко не всегда. Для достижения хотя бы минимального европейского уровня жизни (30 кв. метров на человека) придется строить новое жилье. К сожалению, в реставрированных исторических городах всех поселить не удастся. Будет дешевле создавать новые города, чем реанимировать «убитую» застройку в «советских» моногородах и рабочих поселках.

В мире меняются не только скорости и удобства передвижения. Меняется система достижения поездов. Вокзалы перестают быть скопищем отъезжающих людей и становятся полноценными общественными центрами, соединенными с пересадочными узлами. Исчезают залы ожидания, существенно ускоряется продажа билетов, упрощается процедура посадки и т. д. При этом в городах вокзалы расположены в стратегически значимых местах и активно включены в систему общественного транспорта. Пример — новый вокзал в Киото. Таким образом, хорошо организованные линейные системы расселения могут резко сократить потребность людей в автомобилях и стимулировать переход на интенсивное использование общественных видов транспорта, а также дать им природу.

Конечно, селиться вблизи трасс при малых скоростях было нерационально, но уже при 300 км/час, удобной организации остановок и повышении стандартов проживания в новых городах «линейный» способ жизни может стать вполне приемлемым. Поэтому теоретически в России можно было бы постепенно переходить на линейные системы расселения, собирать города вдоль скоростных трасс и восстанавливать природу на покинутых людьми пространствах.

Аналогии

Итак, предлагается сосредотачивать людей в новых городах вдоль русел расселения. В этом случае мы имеем два основных элемента: транспортное русло и город. Чтобы лучше понять непростой принцип их взаимодействия, приведем ряд аналогий.

Первая аналогия — геометрическая. Как ни странно, все коммуникации могут быть в конечном итоге только линейными. Все поселения всегда связаны с дорогой. Город, даже если он «пятнообразный», состоит из капилляров-дорог, к которым примыкают здания. Так комнаты соединяются между собой посредством коридора, а сурки, организуя свои убежища, роют туннели с отходящими от них норами. Все градостроительные системы всегда состоят из коммуникаций с примыкающими к ним объектами. Это не зависит от нашей воли. Это проявление некоего всеобщего закона архитектурно-пространственной геометрии.

Можно построить также некую зоологическую аналогию. Город — это взаимосвязанный набор сооружений. Обычно они располагаются вблизи центра, образуя некое округлое «пятно застройки». Почему округлое? Потому что желательна быстрая взаимодоступность районов и центра. То же «скопище» домов можно расположить и в линию. Природа активно пользуется этим принципом. Она создала не только «компактного» ежа, но и «линейного» ужа. Для одних функций хорош еж, для других — уж. Это просто два разных способа компоновки. В градостроительстве пока использована в полной мере только компоновка «ежа». Не пора ли задействовать «ужа»?

Еще одна аналогия — ботаническая. Русло с транспортным коридором в центре можно сравнить со стволом дерева, по которому непрерывным потоком идут живительные соки. В то же время города — это некие плоды, то есть места, в которых эти соки накапливаются. Города, подобно плодам, накапливают культурные ресурсы, необходимые для продолжения рода человеческого. Представляется, что система «ствол» (русло) — «плод» (город) более совершенна, чем дисперсная структура расползающихся «мхов и лишайников» современных городов.

Возможна еще и философская аналогия. Город — это место рождения и воспитания человека. Это место, где он формируется, где находятся его близкие и друзья. Кроме того, это место, где накапливается городская культура, которая делает данный город неповторимым. Это его родина. Русло есть противовес городу. Это место, где идет активная и непредсказуемая жизнь, где человек противопоставлен окружающему миру. Это место борьбы и перемен, побед и поражений. Это место работы, экспериментов, развлечений и активного отдыха. Нетрудно заметить наличие в этом рассуждении некоего дуализма, двух противоположных, но дополняющих друг друга начал. Русло и город

можно трактовать как средоточие мужского и женского начала, как Инь и Ян в китайской философии.

Аналогии помогают понять, что ориентация на линейные системы расселения неслучайна. Она имеет глубокие культурно-исторические, философские и социально-экономические основы.

Русло и город

Итак, повторим, в концепции линейной системы расселения выделяются два основных элемента — русло и город. Рассмотрим их более подробно.

Москва.

Удобренья ржи Москвы — навозом

В основе русла расселения — транспортный коридор. По нему движутся непрерывные потоки людей, грузов, воды, энергии и полезных ископаемых. Каналами их движения являются дороги, трубопроводы, различного вида транспортеры и рельсовые системы. Легкая доступность делает эти «русельные» территории особенно удобными для освоения. Это зона общей шириной приблизительно 10—15 километров. На прилегающей к транспортному коридору территории могут быть построены тысячи объектов. Среди них — жилые поселения, заводы, образовательные центры, места отдыха и, конечно, города. Русло также пересекает зоны природных парков, заповедников, рекреационных и развлекательных центров с гостиницами, домами отдыха и санаториями. Наконец, вдоль русла и вблизи него могут находиться территории интенсивного землепользования: пахоты, фермы, пастбища, рыбные и лесные хозяйства. То есть русло

— это гигантские линейные территории, активно освоенные человеком. Поскольку, по нашим предположениям, многие территории будут терять население, притянутое на русло, на покинутых местах будет возрождаться первозданная природа.

Теперь о городах. Пропаганда линейных систем расселения не предполагает, что новые города должны иметь вид магистрали с прилегающими к ней жилыми домами на манер Тверской или Невского. Это полноценные города, расположенные в транспортной близости от той или иной остановки на трассе. Они даже не всегда могут отличаться от существующих городов своей планировочной структурой. Дело в другом.

Тысячелетиями человек старался снабдить сооружения, им создаваемые, не только защитой от вражеских нападений и климатических капризов, но и теплом, светом, энергией, водой, а также эффективной системой удаления отходов. В этом люди особенно преуспели в последнее столетие. Однако результат подобной деятельности оказался неожиданным. Сотни удобных сервисных механизмов стали потреблять огромное количество энергии. Ее производство и городские выбросы отравляют окружающую среду. Теперь надо не только людям помогать, но спасти саму природу, из которой они черпают блага. А это меняет всю философию строительной деятельности. Линейные системы расселения указывают нам возможный выход из этой ситуации.

При строительстве новых городов мы должны создать систему, централизованно управляющую всеми процессами, в них происходящими. Новые города должны не только

централизованно получать блага, но и контролировать весь цикл своего потребления, включая характер отходов, выходящих в атмосферу или почву. Заметим, что в Нью-Йорке, например, 50 % веса продуктов и упаковок от них выбрасывается на помойку. Не только производство и энергетика, но вся деятельность человека, включая градостроительство, должна стремиться стать безотходной. Вечно растущие города не могут служить для нас образцом. Многофункциональные инженерные системы, обслуживающие новые города, смогут контролировать только плотную, законченную структуру.

Кстати, о плотности. Города тысячелетиями развивались постепенным, стихийным приращиванием территории. Даже если город строился сразу, по единой схеме, он все равно рос. Теперь ситуация, вероятно, должна измениться. Город должен перестать быть «содружеством» отдельно стоящих зданий. Это единое плотное сооружение, в котором контролируются все технологические процессы, в нем происходящие. Естественно, города могут быть как низкоэтажными, так и многоэтажными. Форма города может быть любой. Но еще раз повторим: он должен быть плотным, отказаться от спонтанного роста и обрести новое качество — централизованное управление всеми инженерными процессами. В соответствии с этими принципами города уже строятся. Например, экогород Масдар в Эмиратах. Строятся небоскребы, новейшие заводы, гигантские гостиницы, торговые молы и даже круизные лайнеры. Перефразируя Ле Корбюзье, который в начале прошлого века объявил, что «дом — это машина для жилья», мы в начале этого века говорим: «Город должен стать машиной для жилья». А машины, насыщенные техникой, как известно, не растут. Конечно, российские города к этому не готовы. Однако новым поселениям ничего, кроме затрат, не мешает стать таковыми.

Естественно, существующие исторические города останутся на своих местах. При этом их надо освободить от подчас уродливых «наростов» 1930–60-х годов. Для новых же городов придется искать подходящие территории, расположенные в легкой транспортной доступности от остановок на скоростных трассах. Но, самое главное, эти города должны по всем параметрам превосходить бесконечные барачные и пятиэтажные поселения, бессистемно построенные за последние семьдесят лет. Если мы разместим вдоль русел расселения цепочки стотысячных городов, обладающих новыми экологическими стандартами проживания, близостью нетронутой природы и вместе с тем плотностью социальных контактов, свойственных центрам старых городов, мы получим принципиально новую, современную систему расселения. Только подобная, четко структурированная система сможет привлечь «в свои ряды» активное население, «осушив» расплзающиеся агломерации.

Москва

Москва — столица огромного государства. Население ее стремительно растет. Хотим мы того или нет, но рост будет продолжаться. Уже сейчас город задыхается в автомобильных пробках. Что произойдет с транспортом, если рядом застроить территорию, большую, чем современная Москва?

В России многие годы держалась советская норма: 20 машин на 1000 жителей. Повсеместно строились огромные кварталы, не рассчитанные ни на внутреннее движение автомашин, ни на стоянки. Тогда общественный транспорт, такси и вылетные магистрали вполне справлялись с движением. Но после 1990-х отсутствие стратегического мышления дорого обошлось москвичам. Число машин возросло, достигнув цифры 400 машин на 1000 жителей (2012 год) и стремительно продолжает расти. При этом стала резко падать скорость их передвижения. Улицы и проезды забиты машинами. Надо срочно уплотнять сетку улиц и создавать стоянки на огромных московских территориях.

Если к городу с юга еще прибавится гигантская жилая территория, в старую часть Москвы направится огромный поток машин, и город придется активно реструктурировать. Неизбежно появятся новые надземные автотрассы, монорельсовые пути, зоны скоростного общественного транспорта. Кроме того, потребуются пробить подземные туннели, откопать подземные стоянки, связать все это с метро, наладить лифты и эскалаторы для выхода на поверхность (и все это в «живом» городе). Ясно, что это приведет к фантастическим затратам. Городу Бостону, например, туннельная реконструкция транспортной системы обошлось в 20 миллиардов долларов (до кризиса 2008 года). А Бостон гораздо меньше Москвы, и сетка улиц у него плотнее. На строительство туннелей потребуются не только космические суммы. Вдобавок это еще и опасно! Во всех новейших супертуннелях, оборудованных разнообразными «дублерами безопасности», происходили страшные

аварии. К сожалению, в Москве даже в существующих границах строительства новых супертуннелей не избежать.

Но и строительство туннелей не спасет положение. Потребуется замена всех автодвигателей на более экономичные и экологичные. Но даже если появится чистый двигатель и вместо выхлопов польется (как обещают) вода, то теплая влажность, смешанная с асфальтовой и шинной пылью, окутает не только город, но и огромные туннели. При морозе ситуация будет еще хуже. Можно перейти на маленькие «электросмарты», но 800 машин на 1000 жителей все равно забьют улицы, кварталы и туннели.

Естественно, что проблемы столицы всегда волновали власть. Было несколько конкурсов. В 1920-е годы на первом конкурсе, посвященном расширению Москвы, было предложено два принципиально разных пути развития города: «линейный» путь на Ленинград (Петербург), предложенный Ладовским, и кольцевой, «пятнообразный» путь, который своими границами далеко уходил за пределы современной кольцевой дороги, предложенный Шестаковым. И хотя предложение Ладовского до сих пор популярно во всем мире, Москва неизменно развивается «по Шестакову». Кольцевой вариант был подтвержден и в знаменитом Генплане 1935 года. Так было дешевле и привычнее. Недавнее неожиданное увеличение Москвы в полтора раза можно рассматривать как желание постепенно окружить город «шестаковскими дольками» до полного круга. Кроме «круглых» и «линейных» систем, периодически появлялись предложения разуплотнить Москву при помощи небольших удобных городов-спутников. Но и эта деятельность успеха не имела, поскольку все ее вылетные магистрали крайне перегружены. А без связи со столицей спутники жить не могли.

Решая проблему роста Москвы, видимо, следует обратить внимание на линейные системы расселения. Москва и Петербург всегда тянулись друг к другу. «Путешествие из Петербурга в Москву». Николаевская железная дорога. В начале двадцатого века появляются фантастические идеи связать эти два города линейной системой, состоящей из городов-садов. После революции появилась великая «парабола Ладовского», демонстрирующая «энергетический» выброс Москвы в сторону Ленинграда. Были на эту тему диссертации в 1970-х и разработки Платонова в 1990-х. Наконец появился «Сапсан» и соединил два города скоростной трассой. Эта трасса может использоваться для дальнейшего развития Москвы и Петербурга.

Наметим пять остановок: Клин, Тверь, Вышний Волочек, Окуловка, Чудово. Расстояние между ними — примерно 100 километров. Если скорость поезда достигнет 300 км/час, то на движение между остановками мы потратим около 20 минут. Если к каждой остановке будут привязаны 4—5 небольших плотных городов по 80—100 тысяч населения, то на этом русле можно разместить, не считая существующих поселений, более двух миллионов человек. А путь от Москвы до Петербурга займет немногим более двух часов. Вспомним, что сейчас по Москве на автомобиле из конца в конец можно потратить более трех часов.

Есть и другие преимущества. Трасса обладает огромным земельным ресурсом. Сейчас Москва в пределах кольцевой дороги занимает около 800 кв. километров, забитых застройкой и дорогами. По последним данным, на юге к городу прибавится еще около 1000 кв. километров. В то же время, всего лишь десятикилометровая зона вдоль трассы Москва — Петербург — это не менее 5000 кв. километров, а застроено на ней не более 4 %. Вдоль подобного транспортного русла могут появляться заводы, зоны сельского хозяйства, университеты, места развлечений и т. д. Таким образом, уйдя на русло, экономика может обрести новое дыхание.

Кроме того, исходя из высоких скоростей передвижения по трассе, где-то в районе Бологого выгодно построить современный аэродром, который обслуживал бы как Москву, так и Петербург. Достижение его из обоих городов займет около часа. Возможно, это окажется более выгодным, чем бесконечно развивать Домодедово и Пулково, увеличивая шумовые зоны.

Можно надеяться, что этот транспортный коридор притянет к себе население, а это, в свою очередь, прекратит дисперсное расползание подмосковной застройки по природным территориям. Возможно, люди из столичной агломерации предпочтут переселиться «на

трассу» в экологически чистые поселения, вместо того чтобы задыхаться в агломерационных пробках или промышленных городах, построенных по стандартам полувековой давности. Естественно, что для этого при Петербургском и Московском вокзалах для лучшей связи с городским транспортом придется создать современные пересадочные узлы. Наконец, в будущем линейную систему расселения можно будет направить по пути «Сапсана» и на Нижний Новгород.

Сибстрим

Новгород, Москва, Петербург — не единственные возможные в России русла расселения. Таких русел может быть много. Наиболее мощное из них — Великая Транссибирская магистраль, которая уже сейчас представляет собой гигантскую линейную систему расселения. Она связывает акватории Атлантического и Тихого океанов. Появление этой железной дороги было величайшим событием в истории страны. В середине XIX века курьеру требовалось 40 дней, чтобы из Петербурга добраться до Владивостока. После строительства дороги путь к Тихому океану занимал около десяти дней. Построив новую трассу, мы сможем достигнуть скорости (уже действующего) «шанхайского» экспресса 440 км/час, и на этот путь мы потратим всего часов двадцать.

Строительство подобного масштаба потребует огромных затрат. Но вот что интересно. Проектирование Транссиба осуществлялось в дни правления Александра III, строительство началось в 1891 году. Через десять лет, уже при Николае II, первый поезд прибыл во Владивосток. К 1916 году был построен участок дороги через Хабаровск, и строительство было завершено. Итак, первый поезд пришел во Владивосток в 1901 году. Да, Байкал он пересекал на пароме. Да, он шел через китайский Харбин. Но как можно было за десять лет, в не очень богатой стране, с не самым мудрым руководством, проложить путь длиной в 8000 километров с несчетным количеством мостов через Волгу, Каму, Иртыш, Обь, Енисей, Лену? При этом строители пользовались телегой, тачкой, лопатой, киркой и мотыгой! Разве сейчас, имея опыт возведения гигантских стальных газовых и нефтяных трасс, нам будет трудно формировать подобные транспортные системы? Конечно, нет. Была бы воля.

Предполагается, что при новых скоростях появится не просто транспортный коридор. Постепенно на базе Транссиба и Байкало-Амурской магистрали из ожерелья городов, к ним примыкающих, сформируется некий мегалополис, то есть единое линейное городское образование. Возможно, он никогда не будет столь плотным, как бостонско-

Отличная дорога без мостов, прослужившая 15 лет без починки, но не без требований ежегодно извѣстных сумм на починку.

вашигтонский на северо-востоке США. Но активные контакты между городами, заводами, технополисами, университетами, обучающими центрами, заповедниками, а также местами отдыха и развлечений постепенно создадут некую совершенно новую, интегрированную среду обитания. Этой уникальной градостроительной среде нами было дано условное название «Сибстрим».

Сибстрим может пройти вблизи Петербурга, Вологды, Вятки, Екатеринбурга, Омска, Новосибирска, Томска, Красноярска, Иркутска, Улан-Удэ, Читы, Сковородино, Белогорска, Хабаровска и далее до Владивостока. С ответвлением от Тайшета через Братск, Усть-Кут, Тынду, Комсомольск-на-Амуре до Совгавани. Далее этот путь может быть продлен через Берингов пролив до Уэлена на Аляске и на юг, в стремительно развивающиеся азиатские регионы. Не говоря уже о том, что транспортный коридор можно продолжить по Европе до Гамбурга или Гавра. Таким образом вся эта система станет основой скоростного транзита из Европы к странам акватории Тихого океана. Кроме дохода от транзита людей, грузов, электроэнергии и углеводородов могут быть получены значительные прибыли от

продажи земельных ресурсов вдоль Сибстрима, стоимость которых, вероятно, возрастет многократно.

Следует учесть, что с намечающимся в нашей стране новым этапом ледокольного освоения Севморпути такие поселения, как Мурманск, Архангельск, Нарьян-Мар, Салехард, Тикси, Певек, вновь приобретут большое значение. В этой связи предлагается от этих полярных городов провести на юг трассы, пересекающиеся с Сибстримом. Это Мурманск — Петербург — Москва — Ростов — Новороссийск; Архангельск — Вологда — Астрахань; Нарьян-Мар — Пермь — Оренбург; Салехард — Тюмень — Омск; Дудинка — Енисейск — Красноярск; Тикси — Якутск — Сковородино; Певек — Магадан — Хабаровск — Владивосток.

Эти поперечные северо-южные русла смогут стать также транзитными, если они будут продлены через Турцию, Ирак, Афганистан и Китай до портов бассейна Индийского океана. Создание подобной транспортно-расселенческой инфраструктуры приведет к появлению мощнейшего коммуникационного «скелета» России, который активно повлияет на равномерное распределение населения и ресурсов по всей территории страны.

В будущем при увеличении скорости движения до 500 км/час, пользуясь Сибстримом, станет реальным из Вологды, например, за два часа достичь Приуралья. Кроме того, вологодцам будет доступен не только Петербург с его университетами, театрами, музеями и памятниками архитектуры. С такой же легкостью они смогут посещать и великие русские озера — Онежское и Ладожское, а также дачи, рестораны и развлекательные комплексы, отстоящие от города на сотни километров. В Москве, как мы знаем, сегодня за эти два часа можно с трудом выехать из центра в ближнее Подмосковье.

Новая парадигма

Человечеству на протяжении его истории не раз приходилось кардинально менять те или иные привычные стереотипы мышления. За последние 50 лет научно-техническая революция во многом изменила нашу жизнь. Изменилось представление о способах правления, о структуре земли и космоса, о способах передвижения и т. д. Изменилась система получения и распространения информации. Появились новые способы добывания энергии. Люди перестали уничтожать природу. Только города и агломерации остались прежними. Если в Европе это естественно, то в России ситуация иная.

В отличие от стран Европы Россия имеет гигантскую территорию. Даже Евросоюз несравним по размеру с нашей страной. Там, проехав 100 километров, вы попадете в другое государство. В России можно ехать и ехать — и через несколько тысяч километров не достичь предела. Таким образом, российские и европейские системы расселения не могут быть идентичными. Градостроительные термины, понятия, определения — все требует существенной корректировки. Российская специфика касается не только расселения, но и очень существенных экономических, культурных, социальных и психологических отличий. Если раньше, при преимущественном развитии городов в западной части России, европейские принципы расселения могли служить нам примером, то теперь надо искать новые, типично российские пути решения этих проблем.

Настала пора разработать принципиально иную, типично российскую градостроительную доктрину, включающую как новые системы расселения, так и новую идеологию построения городов. Естественно, для того чтобы это осуществить, придется потратить большие деньги. Но переход на новое всегда требует затрат, а инновации, как правило, окупаются с лихвой. Пора поступить, как пушкинский Гвидон: вышибить дно «бочки», в которой с трудом развивается наше «пятнообразное» градостроительство, — и «выйти вон» на просторы линейных систем расселения.

Десять стадий «взроslения» территориального брендинга

Денис Визгалов

Не будем говорить банальности о том, какой популярной в последние годы стала у нас в стране тема создания брендов территорий. Желание превращать регионы и города в бренды растет с двух сторон – со стороны спроса (консультанты, специалисты и пр.) и со стороны предложения (в основном это пока региональные и городские администрации). Правда, спрос и предложение пока фатально не находят друг друга. Нет, есть, конечно, отдельные проекты большие и маленькие, но оценивать успешность половины из них еще рано, а половины – уже не надо...

Проблема в том, что в понятие «бренд» все вкладывают разный смысл. Представления о том, что это такое со стороны профессиональных сообществ и местных элит очень напоминает динамику превращения ребенка в личность.

Я бы выделил десять стадий такого «взроslения».

1. Восторг первой погремушки: «бренд»!

Даже произнесение слова «бренд» само по себе способно вызвать мощный эффект. Оно похоже на мощный мажорный аккорд, полный самоуверенности и превосходства. Что уж говорить про силу желания обладать такой штукой, как бренд или даже брендом стать. Желанием этим обуреваемы и региональные элиты. Когда желание сильно, то цель оправдывает любые средства, главное – побыстрее. В общественном дискурсе по региональной/городской тематике до сих пор преобладали скучные вещи – ЖКХ, агломерации, кластеры и прочие занудства и химеры. А тут – бренд! Какой хороший повод отвлечься, вспомнить обо всем уникальном, что есть у нас!

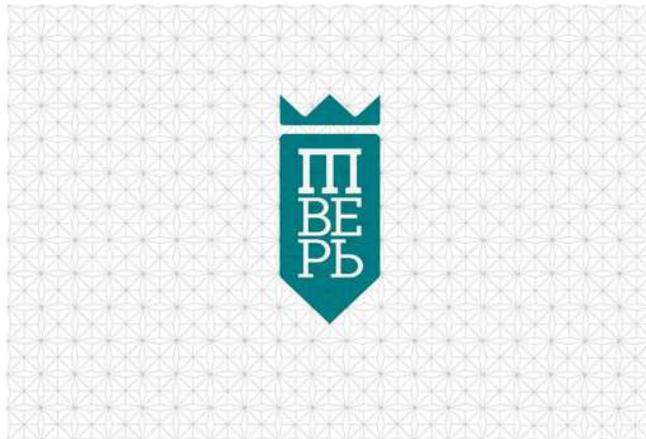
Во многих регионах и городах пошли конкурсы на скорейшую разработку бренда территории. Встречались даже формулировки конкурсного задания на «разработку городского имиджа» (хотя, если чуть-чуть задуматься, ничего более нелепого представить нельзя). Техническое задание – не проблема. Его, как правило, охотно делает вам тот, кто готов сделать бренд, а таких готовых – вдруг – оказалось тоже много! Вот и славно.

2. Праздник букваря

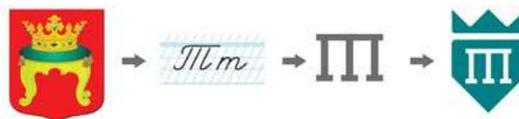
После проведения конкурса впервые наступает время задать вопрос, все-таки, что же такое бренд места? Понятно, что это что-то, что должно представлять, символизировать собою территорию. И тут само собой напрашивается первое, простейшее решение. У каждого места есть одно непреложное свойство – его имя. А в имени всегда есть первая буква. А легкая стилизация этой буквы делает из титула знак и символ.

По-своему это оригинальный и верный ход: любой житель города, будь то профессор или слесарь, глядя на букву, понимает, что речь на картинке идет про его город. Стилизовать тоже можно по-разному и красиво. Но вот беда – букв в алфавите много, и каждый город, к сожалению, начинается на какую-нибудь из них. Уникальность пропадает. Получается, что гордиться своей первой буквой в названии – это все равно, что гордиться тем, что родился в понедельник.

Алфавитную моду в российском брендинге запустила великолепная пермская красная «П» - проект и в самом деле мощный и смелый (как и всё первое в любой сфере). Но увлечение титульными буквами сегодня получает размах почти всенародного движения. И, боюсь, если оно не увянет скоро, то через несколько лет вся карта нашей родины будет усеяна густой алфавитной сетью местных символов. А то, что становится чем-то среди, *рядовым*, в принципе не может быть брендом.

3. Урок рисования

Следующим этапом приходит осмысление, что кроме первой буквы в названии у места есть масса других интересных особенностей, которые тоже можно изобразить! Здесь поле для фантазии пошире и средств изображения побольше.

Например, в случае с Нижним Новгородом можно стилизовать стрелку Оки и Волги, которая сыграла ключевую роль в истории города. Или в случае с Дагестаном можно намекнуть на то, что Дагестан – он солнечный и веселый...

Очевидный прогресс по сравнению с предыдущим «возрастом».

4. 3D – игры

Логичный венец изобразительного искусства в брендинге территорий – перевод всей этой работы в 3D-пространство. Показательный пример - «бренд» австралийского Мельбурна. Стереоскопическая «М» так же многогранна и объемна, как сам город Мельбурн. А разные цвета этой буквы символизируют разные сферы его жизнедеятельности: желтая – здравоохранение, синяя – образование, красная – транспорт, и так далее.

Понятно, почему с первых шагов нашего «дителя» крен его интересов идет в сторону *визуализации* символов места.

Во-первых, потому что в букву или картинку можно ткнуть пальцем и сказать: «вот он, бренд, его видно, мы его понимаем». Это видно, значит это легче понять.

А во-вторых, спрос на рисование брендов такого рода мгновенно находит готовое, высококвалифицированное предложение – армию графических дизайнеров, которым не надо ломать голову насчет смыслов мест. Они знают свое ремесло лучше всех: есть многолетние школы, кафедры, традиции, корифеи, быстро развивающиеся технологии. Но визуальные символы, айдентика, все эти логотипы и брендбуки, – всё это только надводная, видимая часть айсберга под названием «бренд места». Это часть, которая не может подменить целое. Это, пожалуй, правильно называть фирменным стилем или дизайном бренда, но никак не самим брендом.

Визуальные элементы очень важны и полезны в том случае, если они *подкрепляют* собой концепцию бренда, смысл идеи места, вбирают в себя ценности бренда и, благодаря наглядности, помогают их ретранслировать. Так конфетный фантик усиливает (или ослабляет) привлекательность самой конфеты, но не заменяет ее саму.

Со словом «айдентика» - отдельный разговор. Интересно, чья светлая отечественная голова первой решила перевести таким способом на русский английское *identity*? Это все равно, что перевести, например, *competition* как *компетенция*. Или перевести с русского *конкуренция* как *concurrention*. Попутешествуйте, ради интереса, по словарям, посмотрите, сколько разных смыслов и подсмыслов у слова *identity*! Сколько у англоязычных лингвистов и культурологов споров вокруг значения этого слова. А у нас теперь «айдентика» прочно входит в лексикон. И тем, кто пользуется этим словом, кажется, что слово-то простецкое. Так же в свое время *public relations* стали *пиаром* – понятием, которое сегодня живет уже совсем другим, усеченным смыслом в отличие от оригинала. Давайте если уж не изобретать, то хотя бы копировать научимся.

Наверное, *identity* лучше всего переводить как *идентичность*. Этот вариант не много добавляет ясности, но лучшего русский язык предложить пока не может, так же, как со словами «бренд», «имидж», «маркетинг», «экономика», которыми мы пользуемся без оглядки.

Просто надо *заниматься* этими словами, разбирать и уточнять их смыслы. В случае с идентичностью такая работа проведена.

5. Моя семья и другие звери

Устав от примитивизма нарисованных (*созданных*) образов внимание впервые переключается на живые (*рожденные*) образы. А живые фигуры и персонажи – это уже не просто буквы и чёрточки. Это уже *Характеры*, обладающие неимоверно богатой палитрой чувств, талантов, недостатков, судеб... Какой простор для выбора концепций брендов! Шекспир, Шерлок Холмс, Гауди, Андерсен, Карлсон, Штирлиц – это всё не просто имена, это бескрайние миры, которые можно гениально проецировать в городские пространства и культурную жизнь мест.

Хрестоматийные в российском брендинге Мышка и Дед Мороз – тоже из этого «возраста».

Правда, некоторые олицетворённые миры довольно ограничены по возможностям разлёта фантазии. Например, Колобок. На месте большого и знаменитого регионального центра я бы не ставил на фантастический по своей содержательной глубине внутренней мир Колобка... designed.nu

Сказочный (тинейджерский) возраст брендинга переживают многие российские города. В сентябрьском выпуске журнала «Русский репортер» (№36 (214), 15-22 сентябрь 2011, стр. 60-61) приведена любопытная карта под названием «Родина Кикиморы. Вымышленные существа становятся региональными брендами». Там приведено порядка 30-40 примеров по всей стране. Там попадают и Соловей-разбойник, и Жар-птица, и Буратино, и Чебурашка. Оказывается, уже прописаны в трех разных местах знаменитые три богатыря. Обрели своё пристанище Курочка Ряба и Змей Горыныч.

Гений места – это хороший ход в позиционировании места. Впервые в своём развитии по «возрастам» брендинг из сферы изобразительного искусства перемещается в плоскость *гуманитарных технологий* – мифотворчество, социальные коммуникации, игры, анекдоты, памятные, знаковые места в городском пространстве, тематические праздники и тому подобное.

На этом же этапе впервые приходится задуматься, кому адресован этот игровой брендинг? Кто его *потребитель*? Местные дети, приезжие туристы, рестораторы, отельеры?

6. Первое свидание

Задорная вседозволенность в игре со сказочными и не сказочными героями вдруг открывает родной город с совершенно другой стороны. До сих пор, на предыдущих стадиях взросления, он рассматривался как продукт «классического» маркетинга, такой же, как колбаса и зубная паста.

До сих пор в *маркетинге места* всё внимание поглощал *маркетинг*. Теперь же внимание переключается на *место*.

Оказывается, у города (даже у самого маленького и на первый взгляд безнадежного) есть свое пространство, своя культурная среда, свой микроклимат, мифы, свои коды поведения, привычки и часто необъяснимая логика развития. И потом, «что ни город, то нор», - все места еще и уникальны, и каждый требует своего, особого обращения с ним. Сколько раз ловил себя на мысли, что приезжая «дружить» с новым городом, весь багаж знаний, опыта, представлений оказывается почти бесполезным. Надо «с нуля» вникать в местную жизнь и ее никем не писанные законы.

Оказывается, место - это такой продукт маркетинга, число и качество потребительских свойств которого не сопоставимы с потребительскими свойствами зубной пасты. И даже стиральной машины. Перед тем, как его *продавать*, надо постараться его *понять*, почувствовать, а это не всегда получается.

«Первое свидание» - это первое свидание с Местом, и, прежде всего, с его жителями. Назревает открытие: главная целевая аудитория брендинга места - это жители, резиденты со всеми своими недостатками, со всей своей социальной апатией, цинизмом, сонмом предрассудков и равнодушием к бренди́стским играм. И пока не развернуть весь этот брендинг к НИМ лицом, и пока не оторвать их от дичающего теле-ящика и заставить посмотреть в окно, пока не увлечь их собственным городом, не будет толку. (Да, задача неслыханная в маркетинге товаров и услуг).

И еще одно ключевое открытие «первого свидания»: сильный бренд города всегда замешан на *любви* к городу. Настоящий брендинг движим («на входе») только энергетикой людей, любящих свой город, и «на выходе» бренд должен генерировать любовь к городу со стороны целевых аудиторий. Ясное дело, проявления этой любви могут быть разными: начиная от «что-то в этом городе есть» и до «что-то меня сюда тянет, но не могу понять что...». А у некоторых даже - увидеть этот город и умереть...

Любовь иррациональна.

Любовь как функция бренда отображается в визуальных элементах брендов тех городов, которые доросли до этого шестого, «юношеского» возраста в брендинге. Город можно любить, а значит с ним можно разговаривать, здороваться, прощаться, ссориться, мириться, как со своим знакомым, другом, любимым человеком.

Конечно, эпидемию красных сердечек, охватившую территориальный маркетинг и брендинг по всему миру, начиная с 70-х годов прошлого века, нельзя объяснить достижением местными сообществами «шестого возраста». Настоящей можно считать только первую комплексную кампанию в «любви́нной сфере» - проект I LOVE NY. Остальное - спонтанное копирование гениальной идеи, вдохновленное Нью-Йорком.

Здесь заканчивается детство. Здесь приходит понимание, что суть бренда не в названии, не в картинке и даже не в гении места, а в чем-то другом, более глубоком и трудноуловимом. В чем-то таком, что трудно поймать и пощупать, тем более нарисовать.

Самые главные параметры бренда места располагаются не в рациональной, а в *эмоциональной* плоскости. Бренд - это особое *чувство места*. А брендинг - работа очень тонкой настройки, призванная вызывать такое чувство.

Начиная с этого этапа, все эти игрища с рисованием визуальных элементов бренда перемещаются на периферийные роли. Нет, эта работа не упраздняется совсем, но она получает свое скромное место наряду со многими другими видами работ, составляющими процесс брендинга. На передний план выходит работа с *невизуальными* символами - нарративами, мифами, впечатлениями, порождаемыми историческими сюжетами, музыкой, звуками, запахами. Графические дизайнеры нервно курят...

7. Сумасшедшие поступки

Что часто бывает после первого свидания? Правильно. Поступки, которые другим, невлюбленным, людям кажутся сумасшедшими. Это происходит, когда, кажется, что можешь свернуть горы, можешь всё! В брендинге мест такое состояние охватывает местный креативный класс, который достигая «седьмого возраста», понимает, что продвинуть город можно только по-настоящему дерзкими, сумасшедшими проектами. На

это их вдохновляют интимные отношения со своим городом. «Мы любим свой город, и это главное! Нам все равно, что его считают радиоактивной мусоркой или тёмным медвежьим углом. Мы знаем, что наш город лучший в мире!» Зашкаливающий градус местного патриотизма приводит к обретению невероятной наглости в позиционировании и продвижении места. Все тёмные пятна имиджа территории более не скрываются, не затушевываются, а наоборот, помещаются в центр маркетинговой стратегии. Местное сообщество находит в себе мудрость и, опять же, хорошую наглость смеяться и шутить над тем, что думают об их городе за его пределами. Появляются «Я брошу всё и уеду в Урюпинск!», «Тамбовский волк – надёжный товарищ». Канский кинофестиваль в Канске. В брендинге Рязани берутся за основу грибы с глазами. А по Перми вовсю разгуливают красные человечки. (И это в Перми – городе, который не далее, как 20 лет назад был одним из самых тяжело-индустриальных и закрытых городов в мире).

Наглость ошеломляет и... заставляет думать о городе лучше. Клин вышибается клином.

В представлении большинства россиян Магадан – это обледенелый край света. Но кто из них знает, что именно благодаря оторванности от внешнего мира, от «материка», в Магадане процветает культ взаимовыручки, душевной теплоты, дружбы, что магаданская диаспора – самая сильная и дружная из всех региональных диаспор, рассыпанных по миру. Слово «Колыма» для местных – это что-то очень теплое, родное и Своё. И «солнечный Магадан» для местных – это не издёвка, а так оно и есть! И что магаданец, возвращающийся в свой город из стрессовой Москвы, испытывает праздник души.

Еще один пример. В конце 90-х годов, когда муниципальные бюджеты были совсем пусты, а задолженность по зарплате зашкаливала, тогдашний мэр города Кунгура Н. Каданцев приобрел для города на бюджетные деньги... воздушный шар (!). Он рассказывал, как ждал, что после такого решения разъяренная толпа сметет его вместе со зданием администрации за этот шар. Однако сегодня, спустя десять лет, Кунгур позиционирует себя как «Небесный город», пытаясь отобразить в городской среде такие ценности, как прозрачность, воздух, небо, высота, честность, легкость, праздничность. Каждый год в городе проводится Небесная ярмарка – соревнования воздухоплателей со всего мира. В эти дни над городом можно встретить до 20-30 аэростатов одновременно. А начиналось всё с сумасшедшего поступка.

КУНГУР

МАГАДАН

ТАМБОВ

ГЕЙТСХЕД

Чем-то похожая история произошла в свое время в британском Гейтсхеде (*Gateshead*). Шахтерский город на северо-востоке Англии к концу 80-х гг. прошлого века начал умирать. Шахты стали не рентабельны. Безработица до 70%. Тогда мэром города был избран человек, который среди местных считался городским сумасшедшим. Он поставил памятник, который назвали «Ангел Севера» (*The Angel of the North*). Спустя месяц все журналисты Великобритании знали, что в Гейтсхеде установлен самый уродливый памятник в мире. Спустя год Гейтсхед вошел в десятку самых узнаваемых городов страны. А с конца 90-х город начал принимать туристов, мечтающих увидеть это чудовище воочию, и даже паломников (некоторые протестантские общины обратили внимание на то, что Ангел Севера - самый большой памятник ангелу в мире).

8. Как получить и как потратить первую зарплату?

Этот вопрос возникает рано или поздно в тех местах, где проект по брендингу уже «запущен». Каковы экономические и социальные эффекты от появления бренда? Как вся эта бурная деятельность влияет на местный бюджет, занятость, рынок жилья, уровень преступности и социальный климат? Как максимизировать положительные эффекты и как минимизировать отрицательные? Получив ответы на эти здравые вопросы, план совершения сумасшедших поступков подвергается коррекции. Нет, основная идея остается нетронутой, но шаги по ее реализации становятся более расчетливыми, осмысленными. На этом этапе появляется важнейшая в брендинге вещь: технология оценки результативности и эффективности формирования бренда места. Разумеется, методика эта не может быть универсальной. Ведь цели и задачи брендинга каждая территория выбирает самостоятельно (кому туристы, кому инвесторы, кому талантливую молодежь удержать, а кому просто федеральные деньги на юбилей города выбить), значит, индикаторы их достижения тоже будут разными.

Вырастание местных элит и экспертных сообществ до этого «возраста» - большая редкость, даже в Европе. Связку «бренд – экономика» мало кто видит и просчитывает. И еще реже измеряется эффект от проделанной работы. Отчасти потому, что не умеют, а отчасти потому, что еще рано оценивать – большинству брендинговых кампаний не больше 2-3 лет.

9. Кризис среднего возраста

Вместе с озарением о гуманитарной природе и непредсказуемой логике брендинга места приходит и первое разочарование: выращивание бренда места – это *не быстро*. Удачный 2-х месячный проект по формированию территориального бренда, увенчанный гениальной концепцией, еще ничего не значит. И даже наличие красочного брендбука не приближает к цели. Бренд города нельзя построить, как дом. Его можно только вырастить, как дерево, – из года в год поливая, удобряя, подрезая, охраняя. На такую работу не подрядишь внешних консультантов – дорого, да и не смогут они посвящать по несколько лет одному городу. Значит, это могут делать только сами жители. А чтобы местные вовлеклись в выращивание бренда, надо, чтобы они из *населения* превратились в

сообщество, а на это в российских условиях может понадобиться несколько миллионов лет.

Раз это так трудно, раз нельзя создать бренд за 2-3 месяца, просто потратив n-ую сумму, значит и нечего им заниматься. Брендинг – заумь, раз мы не понимаем, что это такое. И не надо вообще произносить это слово. (В этом возрасте слово «бренд» уже больше напоминает «бред» и скорее смешит, чем восхищает). Давайте лучше о простых вещах: просто построим хорошую гостиницу в городе, тогда и поедут туристы. Дайте людям приличное жильё и работу, и тогда они перестанут бежать из вашего города. Почините трубы, поставьте туалеты. И нечего разбазаривать деньги на эфемерный брендинг места, от безделья выдуманный безработными маркетологами. «Надо, господа, ДЕЛО делать!». Жажда – всё, имидж – ничто!

До этого «предпоследнего» возраста доживают далеко не все местные сообщества, увлеченные своим позиционированием и продвижением. И слава Богу! Не надо стареть. Надо оставаться вечно молодым. Истинный возраст, как известно, определяется не годами, а состоянием души. Кризис среднего возраста наступает, если по каким-то причинам, иссякает творческая энергия местного креативного класса; если одна тема города кажется исчерпанной, а поддерживать в ней жизнь или мягко перейти к другой не позволяет отсутствие новых идей и утрата интереса к сумасшедшим поступкам.

Кризис среднего возраста сегодня явно переживают Рим и Париж – города, которые занимаются возделыванием своего бренда уже очень давно. Что-то у них получается, что-то нет. Таллинн и Рига, начав примерно в 2000-2002 гг., прошли весь путь намного быстрее многих европейских столиц, но быстро выдохлись и в кризис жанра погрузились раньше.

С тревогой наблюдаю сейчас за мышкинцами – не «устанут» ли, не иссякнут ли их идеи, гениальные в своей простоте и движущиеся от мышки к валенкам и далее? Не постигнет ли их кризис среднего возраста?

10. Во многой мудрости много печали

А умножающий знание, как известно, умножает скорбь...

В последнее время мне довелось побывать на нескольких международных конференциях, посвященных брендингу мест (впечатления от одной из них можно посмотреть, например, здесь: http://www.urbanecomomics.ru/news/?mat_id=174). Впечатление двойственное. С одной стороны, за последние 10 лет разработана масса разветвленных концепций брендинга мест. За каждой из них стоят мощные академические школы (как минимум, англо-саксонская, немецкая и голландская). Пишутся статьи, диссертации, таблицы, графики и сложнейшие схемы. Но при этом приводится очень мало примеров конкретных территорий, где эти сложные теории и модели успешно применены. Города и регионы, у которых есть средства и пассионарный креативный класс, с одной стороны, и академические специалисты, у которых есть знания, с другой стороны, никак не найдут друг друга. А может быть, и не ищут? Одни знают, к чему надо стремиться, но не знают как. А другие интуитивно догадываются, как можно двигаться к цели, пытаются что-то делать, но чаще всего неэффективно и с ошибками, удлинняя путь к цели.

Великий Саймон Анхольт в своей последней гениальной книжке, изначально сам того не желая, случайно доказал самому себе, что наличие городов-брендов не означает возможность брендинга. И что территориальный брендинг – это (пока ещё) химера, бесплодные упражнения для ума. Это последнее заключение видимо так расстроило великого автора, что он отошел от академического плейсбрендинга и ушел «в монастырь» – в зарабатывание денег лекциями и рейтингами «брендов» стран и регионов.

Наверное, дело в том, что теория брендинга мест невозможна. Любая теория – это постулат правил, закономерностей и предложение способов ими пользоваться. Но в брендинге мест нет правил. Здесь, наоборот, одни исключения из правил. Формирование бренда территории не терпит стандартов. И каждый новый проект требует новых технологий брендинга. А использование уже известных и успешных инструментов – это уже повтор, что немислимо в брендинге.

Может быть, брендинг мест – это первая в мире сетевая наука (наука ли?), где ни у кого не может быть монополии на знание. И каждое новое открытие, даже самое нелепое, не отменяет, а дополняет все предыдущие.

Последний, десятый «возраст» - это сухое теоретизирование, которое не несет никакого нового знания городам и регионам, мечтающим о брендах. И любой призыв «делать по науке» скорее всего не принесет результатов в конкретном месте.

Все города/регионы, увлекшиеся маркетингом и брендингом, находятся на одной из десяти стадий «взросления». При этом не обязательно «проходить» все возраста от более простых к сложным, а потом к скучным. Территория может оказаться на 5-й стадии, миновав предыдущие четыре. Вот только обратный ход - возврат к «детским» возрастам из «взрослых» - вряд ли возможен.

Распределение по «возрастам» касается и российских, и зарубежных мест (США только не берём, поскольку там особое отношение к маркетингу и брендингу, выросшее из городского бустеризма XIX-XX веков, подробнее об этом – в книге «Брендинг города», http://www.urbanecomomics.ru/shop.php?action=detail&back_url=%2Fshop.php%3F&prod_id=249).

Перечисленные в этой статье десять стадий освоения брендинга не делятся на плохие и хорошие. Просто каждый город, каждый регион волен выбрать то, что ему по вкусу.

В брендинге территорий очень много иррационального, необъяснимого, не поддающегося анализу. Возникновение территориального бренда происходит там, где его не ждут. А там, где его ждут изо всех сил – там не возникает... Бренд места - это эффект, лишь иногда возникающий при совпадении (полном отражении) идентичности места и имиджа места. Совпадения можно достичь целенаправленными и скоординированными усилиями, и тогда, может быть, возникнет бренд.

Что касается моего понимания территориального бренда, то это отдельный разговор, но подробная концепция изложена в «Брендинге города». Скажу только, что из всех «возрастов» мне более всего по душе 6-й и 7-й, но только в том случае, если видны пути перехода от них к 8-му. Так ведь и у человека 6-й – 8-й жизненные этапы – это расцвет, апогей развития личности. Возраст, когда возможности примерно совпадают с желаниями. Уж очень хочется, чтобы в российском маркетинге мест было поменьше *маркетинга* и побольше *мест*.

Мигранты в российских городах

[Ольга Вендина](#)

Космополитизм, присущий ранее лишь немногим крупнейшим городам мира, становится нормой жизни, индикатором успешности и развитости города, его включенности в мировые процессы. О значимости и культурной продуктивности города судят по разнообразию этнической структуры его населения, свободе и легкости этнического самовыражения, частоте и активности культурных репрезентаций, широте спектра возможностей для реализации разных типов поведения и образов жизни.

Обратной стороной стремительного роста разнообразия стало усиление тенденций к культурному и социальному размежеванию ради сохранения привычной картины мира. Разнообразие, не освоенное и не трансформированное в социальный капитал, провоцирует периодические конфликты — социальные по сути, но межэтнические по форме.

На протяжении многих лет социологические опросы фиксируют высокий и устойчивый уровень ксенофобии в нашей стране: идею «Россия для русских» стабильно поддерживает более половины россиян[1]. Особенно негативно воспринимаются представители народов Кавказа (большинство россиян не видят разницы между коренными народами России — выходцами с Северного Кавказа и негражданами — представителями стран Южного Кавказа), Средней Азии и китайцы[2]. Не чувствуя личной потребности в культурном диалоге и испытывая дискомфорт от постоянных контактов с носителями иных поведенческих установок, россияне воспринимают рост этнокультурного разнообразия как внешнее насилие и угрозу. Ксенофобия и страхи отражаются и на политической жизни страны, многие политики не брезгают использовать их как инструмент мобилизации электоральной поддержки. Не избежали этого искуса даже первые лица государства. Владимир Путин в программной предвыборной статье, посвященной национальному вопросу, также использовал этот ресурс, констатируя, что «люди шокированы агрессивным давлением на свои традиции, привычный жизненный уклад и всерьез опасаются угрозы утратить национально-государственную идентичность»[3]. Особенно остро проблемы межэтнических отношений воспринимаются в крупных городах, ставших основными местами концентрации мигрантов.

Мониторинг общественного мнения, проводимый центром Юрия Левады, с завидной регулярностью показывает, что «наплыв мигрантов», особенно «кавказцев» и «выходцев из южных республик», занимает третье место в рейтинге основных проблем москвичей и петербуржцев[4]. При этом плохая экология, нехватка и низкое качество жилья, производ милиции, снижение уровня школьного образования и медицинского обслуживания, преступность и бандитизм отодвигаются респондентами в конец списка.

Сравнение рейтинга проблем, беспокоящих москвичей, петербуржцев и россиян*

Москвичи: июль 2011	%	Петербуржцы: июль 2011	%	Россияне: 2011	%
Высокие цены на товары первой необходимости / лекарства	42	Рост коммунальных платежей / подорожание проезда в транспорте	47	Рост цен	73
Уличные пробки	40	Высокие цены на товары первой необходимости / лекарства	40	Бедность, обнищание большинства населения	52
Рост коммунальных платежей / подорожание проезда в транспорте	37	Много «кавказцев», выходцев из южных республик	33	Рост безработицы	41
Много «кавказцев», выходцев из южных республик	37	Грязь, мусор на улицах	33	Кризис в экономике, плохое состояние промышленности и сельского хозяйства	32
Низкие заработки / маленькие пенсии	20	Низкие заработки / маленькие пенсии	30	Коррупция, взяточничество	27
Нехватка жилья	20	Рост наркомании и алкоголизма	26	Резкое расслоение на богатых и бедных, несправедливое распределение доходов	27
Резкое расслоение на богатых и бедных, несправедливое распределение доходов	18	Уличные пробки	25	Кризис морали, культуры, нравственности	26
Шум и вредные выбросы автомобилей	18	Плохая работа системы коммунального хозяйства	25	Рост наркомании и алкоголизма	25
Много бомжей, нищих	17	Плохие дорожные покрытия	19	Ухудшение состояния окружающей среды	25
Рост наркомании и алкоголизма	17	Нехватка жилья	16	Недоступность многих видов медицинского обслуживания	24
Коррупция чиновников в местных органах власти	16	Нехватка поликлиник, плохое медицинское обслуживание	14	Рост числа уголовных преступлений	21
Рост безработицы	16	Коррупция чиновников в местных органах власти	14	Рост платности, недоступность образования	18
Парковка автомобилей в неположенных местах	13	Рост безработицы	13	Засилье, произвол чиновников	14
Неустроенность детского и подросткового досуга	12	Парковка автомобилей в неположенных местах	13	Наплыв приезжих, мигрантов	12
Нехватка поликлиник, плохое медицинское обслуживание	11	Резкое расслоение на богатых и бедных, несправедливое распределение доходов	11	Угроза взрывов и других террористических актов в том месте, где Вы живете	12

* Источник: Пресс-выпуски мониторинга общественного мнения Левада-центра, 2011.

Столь же остро переживают проблему и мигранты. В случае Москвы почти треть этнических мигрантов не принимают нового и чуждого для них порядка, высокого темпа городской жизни с ее насыщенностью событиями, бесконечными соблазнами, показной раскованностью и гламурностью, индивидуализмом и анонимностью, равнодушием и неучастием в жизни соседей. Другая треть критически оценивает состояние «цивилизации», в которую им предстоит интегрироваться [5]. У них свои взгляды и другой опыт социализации, они видят свою миссию в продвижении собственных представлений ради будущего своих детей и улучшения общей ситуации.

Аргументы, часто выдвигаемые представителями принимающего сообщества, типа «устанавливайте свои порядки у себя дома», не работают. Во-первых, лидерами, организующими социальную жизнь вокруг идей этнокультурного возрождения, становятся хорошо интегрированные в городской социум представители этнических элит, часто это

второе поколение мигрантов, для которых Москва и является «своим домом». И, во-вторых, поддержку они находят среди тех, кто чувствует себя «дома», но не нашел своего места в жизни, как это было в случае беспорядков в Париже.

От городских властей в данной ситуации требуется выверенная политика, чего далеко не всегда удается достичь. Главное противоречие состоит в том, что этническая культура (хорошая) отделяется от ее носителей (плохих). Первая поддерживается, а вторые рассматриваются как неизбежное зло, с которым приходится мириться. Однако ни дискриминация в отношении мигрантов, ни укрепление этнокультурных институтов не позволяют достичь «гармонии» в межэтнических отношениях. Чтобы хотя бы в общих чертах определить, какая, собственно, политика нужна городам, приходится переосмысливать исходные понятия и подходы. Проще всего это сделать на примере Москвы.

Миграционная история Москвы

Все крупнейшие города мира — мощные миграционные магниты, а большинство их жителей — мигранты в первом или втором поколении. Москва не исключение. На протяжении последнего столетия численность ее населения каждые десять лет возрастала примерно на миллион человек, и основной вклад в этот прирост вносила миграция.

В первое десятилетие XX века город вырос с примерно 1,0 млн человек (1897) до 1,6 млн (1912). Результатом двух российских революций (1917) и Гражданской войны стало двукратное сокращение численности населения Москвы: с 2,04 млн человек в начале 1917 года до 1,03 млн — в начале 1920-го. Окончание Гражданской войны и стягивание продовольствия в города вновь сделали Москву миграционно привлекательной. За период между переписями 1920 и 1923 годов численность населения столицы выросла на полмиллиона человек. Вклад миграции в этот рост составил 77 %. По статистическим оценкам того времени, доля московских уроженцев в населении города не превышала 20 %^[6].

Миграции начала 1920-х годов привели к сдвигам в этническом составе населения. Если до революции русские составляли 95,3 % населения Москвы, то по переписи 1923 года — 87,23 %. Изменения коснулись не только русских, в разы сократилось число французов и немцев, одновременно в разы выросло число евреев. Свидетель того времени Н. В. Тимофеев-Ресовский пишет в своих воспоминаниях: «Петроград голодал и пустел. Москва тоже голодала, но не пустела, а, наоборот, пухла, наполнялась беженцами самого разнообразного сорта. Москвой завладел так называемый жаргон беженцев»^[7]. По состоянию на 1929 год в Москве уже проживало 2,35 млн человек.

Тридцатые годы дают еще более динамичную картину. В сводном томе Итогов всесоюзной переписи населения 1959 года приведены следующие данные: миграционный прирост населения Москвы в 1930 году — 512,9 тыс. человек, в 1931 — 734,4 тыс., в 1932 — 705,5 тыс. Это фантастические цифры, особенно, если вспомнить об остроте жилищной проблемы и скученности населения. В 1931 году, на пленуме ЦК ВКП(б), была поставлена задача ограничения роста крупнейших городов, прежде всего Москвы. В декабре 1932 года было принят закон «Об установлении единой паспортной системы по

Союзу ССР и обязательной прописки паспортов», который требовал «обязательной

Татаринь-старьевщикъ.

прописки» в органах милиции не позднее 24 часов по прибытии на новое место жительства, также регистрировалось и выбытие. Фактически, этот акт был нацелен на регулирование миграции. Однако люди адаптировались к введенным ограничениям, научились их обходить, и спустя два года миграционный поток восстановился до уровня примерно 100 тыс. человек в год.

Война вновь резко изменила ситуацию. Перед началом войны московское население насчитывало 4,2 млн человек, а к январю 1942 года — 2,0 млн. За годы войны было мобилизовано свыше 850 тыс., включая призванных в армию, народное ополчение, войска ПВО, истребительные и коммунистические батальоны, партизанские отряды. В эвакуацию отправилось порядка 2,2 млн [8]. Постепенное восстановление численности населения началось со второй половины 1942 года. При этом, как пишет Василий Гроссман: «Обыватели чувствовали себя в Москве просторно и говорили — хорошо бы, правительство запретило обратный въезд в столицу всем эвакуированным в 1941 году» [9]. Правительство и препятствовало возвратным миграциям, требовалось разрешение на въезд, подтверждение наличия жилья и пр. Тем не менее к 1945 году число жителей города увеличилось на 1,08 млн человек, разумеется, не только за счет прежних москвичей. К началу 1950 года численность населения Москвы превысила довоенную, составив 4,85 млн, и вплотную подошла к прогнозируемому пределу в 5 млн человек, установленному Генпланом Москвы 1935 года и подтвержденному Генпланом 1959 года. Однако в августе 1960 года в результате административно-территориальных преобразований в состав Москвы было включено сразу пять городов (Бабушкин, Люблино, Кунцево, Перово и Тушино) и более 150 рабочих поселков, сел и деревень. Площадь города выросла в 2,5 раза, а население — на 1,14 млн человек, в одночасье достигнув 6,2 млн!

Все 60-е годы Москва продолжала стабильно расти, причем ежегодный миграционный прирост примерно вдвое превышал естественный. В конце 1960-х годов произошли изменения и в тогдашней миграционной политике. В соответствии с господствующей идеологией Москва как столица рабоче-крестьянского государства должна была сохранять представительный рабочий класс. Но, увы, социально-экономические процессы не подчинялись руководящим установкам «партии и правительства». Развитие столицы как административного, торгово-транспортного и научно-образовательного центра меняло приоритеты москвичей в выборе профессий. Все большее число людей стремилось к получению высшего образования. «Белые», а не «синие воротнички» стали определять лицо Москвы. Промышленные и строительные предприятия города, коммунальное хозяйство остро нуждались в рабочих. В городе наблюдался дефицит работников низкой квалификации. Решение было найдено не в реструктуризации московской экономики, а в пополнении убывающего «рабочего класса». Одновременно в силе оставалась и политика ограничения роста города. Объединение принципов пополнения и ограничения породило лимит прописки. По сути? были установлены квоты на завоз рабочей силы.

Лимит обеспечивал Москве 60—80 тыс. лимитчиков ежегодно. Остальные каналы миграционного переселения в Москву были заблокированы. Обход, впрочем, был быстро найден. Фиктивный брак стал одним из наиболее употребительных инструментов получения московской прописки и «закрепления» в столице. В целом брачно-семейная миграция давала ежегодную прибавку в 32—37 тыс. человек, еще около 5 тыс. добавляли семейные переезды и обмены.

Согласно переписи населения 1979 года численность населения Москвы достигла 8,13 млн. человек. Основными регионами — поставщиками мигрантов по-прежнему были Россия (72 %), затем следовала Украина, а третье место занимали Средняя Азия и Казахстан, откуда уже в 1970-х годах началось возвратное движение русского населения. Заметно стал меняться и этнический состав населения Москвы, на фоне роста доли русских, украинцев, татар, белорусов, народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана шло снижение удельного веса евреев, народов Прибалтики, поляков и др.

Тенденции 1970-х годов сохранялись без изменений вплоть до середины 1980-х. За 1970—1985 годы в Москву было привлечено свыше 700 тыс. иногородних рабочих, но этого было недостаточно, чтобы удовлетворить потребности промышленности, транспорта и строительства. Отработав контракт и получив жилье, лимитчики увольнялись, находя себе новое место приложения труда в сфере услуг. Город привлекал все новых и новых мигрантов. Заметное истощение демографических ресурсов страны привело к тому, что на московских предприятиях появились рабочие из Вьетнама и Северной Кореи.

В годы перестройки в Москве впервые со времен войны появились беженцы и вынужденные переселенцы — преимущественно из чернобыльской зоны, Спитака и Нагорного Карабаха. В 1989 году было принято решение о выводе советских войск из Афганистана. Вместе с армией из страны уходили и афганские сторонники Наджибуллы, опасавшиеся расправ со стороны талибов. Порядка 50 тыс. афганских беженцев оказались в Москве^[10].

Одновременно с этими событиями происходили и значительные перемены во внутренней жизни города. На волне перестройки в Москве смягчился паспортный режим, в столицу двинулись предприимчивые люди со всей страны, пытавшиеся наладить свой первый бизнес. Перепись 1989 года зафиксировала численность населения Москвы на уровне 8,97 млн человек.

Последовавший затем короткий период бегства населения из города (начало 1990-х) быстро сменился восстановлением притока в прежних объемах. Высокие темпы экономического роста и спрос на рабочие руки вкупе с более высоким уровнем оплаты труда обеспечили рост числа приезжих. По переписи 2002 года в Москве проживало уже 10,3 млн человек, а 2010 года — 11,2 млн. Прогнозная цифра на 2020 год составляет 14 млн.

Новая миграционная волна оказалась по своему составу значительно менее комплементарной к сложившейся структуре населения Москвы. Зримое и быстрое увеличение численности выходцев с Кавказа и из Средней Азии запустило механизмы мигрантофобии, превратившейся в этнофобии, которые затем перекинулись и на соответствующие этнические группы постоянного населения Москвы.

Усложнение структуры миграционных потоков и трудности оценки масштабов миграции породили многочисленные мифы. Размеры миграции, значительные по сравнению с советским периодом, систематически и сильно преувеличиваются. На масштаб преувеличений влияют страхи, а не реальная численность отдельных этнических групп. Особенно сильны страхи в наиболее этнически гомогенных «русских» районах Москвы. Наибольшее преувеличение характерно при оценке численности чеченцев (70 раз), выходцев из Средней Азии (59 раз) и китайцев (53 раза). Численность азербайджанцев преувеличивается в 14,5 раза, а армян — в 9 раз. Жители города уверены в устойчивости и долговременности современной миграционной ситуации и предсказывают дальнейший рост доли «нерусских» в полтора-два раза^[11].

Однако первые данные переписи 2010 года преподнесли сюрприз. Они показали значительный рост численности и доли русских в Москве. Думаю, что подобные перемены невозможно объяснить только низким качеством проведения переписи или неполнотой учета мигрантов. Скорее сработал другой механизм. Город — это феномен социальный, а не племенной, и горожане мыслят себя, прежде всего, в социальных категориях, а уже затем — в этнических. Поэтому, демонстрируя свою лояльность государству и городу, в котором живут, и подчеркивая связь собственной судьбы с Россией и свой выбор в пользу Москвы и доминирующей культуры, мигранты идентифицируют себя как русских.

Таблица 2 Наиболее представительные этнические группы в населении Москвы

Этнические группы	Данные переписей (%)									
	1912	1926	1939	1959	1970	1979	1989	1994	2002	2010
Русские	95,3	87,5	87,4	89,5	89,3	90,2	89,7	90,5	84,82	91,65
Украинцы	0,2	0,8	2,2	2,3	2,6	2,6	2,8	2,4	2,45	1,42
Татары	0,6	0,8	1,4	1,5	1,5	1,6	1,8	1,9	1,6	1,32
Евреи	0,4	6,5	6,0	4,1	3,5	2,8	2,0	1,5	0,76	0,49
Белорусы		0,2	0,6	0,7	0,7	0,7	0,8	0,7	0,56	0,36
Армяне	0,2	0,3	0,3	0,3	0,3	0,4	0,5	0,7	1,19	0,98

Азербайджанцы					0,07	0,1	0,2	0,3	0,92	0,53
Грузины			0,05	0,1	0,13	0,15	0,2	0,2	0,5	0,36
Народы Северного Кавказа						0,05	0,05	0,07	0,55	
Народы Поволжья								0,3	0,48	
Не указавшие национальности									4,2	5,81

Источник: Москва в цифрах: с начала века до наших дней. Статистический сборник. М.: Мосгорстат, 1997. Итоги Всероссийской переписи населения 2002. М.: Росстат, 2004.

Быть в меньшинстве не значит быть «меньшинством»

В разговорах о межэтнических отношениях в городах привычно исходить из оппозиции «большинство — меньшинства», но всегда ли этот подход работает, и всегда ли он будет работать? Даже и сегодня можно назвать целый ряд городов, где на роль большинства могут претендовать две или более этнических групп. Например, Йоханнесбург — столица ЮАР, город с населением порядка 7 млн человек, из которых на долю черных африканцев приходится 73 %, белых — 16 %, африканеров — 6 %. Однако, столь очевидное преобладание черного населения создает лишь визуальный эффект большинства. В действительности город разделен между представителями четырех групп, говорящих на разных языках и имеющих отчетливо очерченные районы проживания. Согласно Южно-Африканской национальной переписи 2001 года в столице ЮАР на языках нгуни говорят 36 % населения, языках сото — 26 %, английском — 19 % и языке африканеров — 8 %. Обособленность этих четырех этнических миров не позволяет говорить ни о большинстве, ни о меньшинствах. Хотя, конечно, в Йоханнесбурге проживают представители других народов, выходцы из азиатских стран, Австралии или Америки, которые могут рассматриваться как меньшинства. Более близкий нам пример — Татарстан, где доли русских и татар в городском населении практически равны. В столице республики — Казани доля татар увеличивалась на протяжении всего XX века. Если в 1897 году татары составляли 22 % жителей города, то в 1970-м — уже 36 %, в 1989-м — 40,5 %, а по переписи 2002 года — 47,5 % (доля русских — 48,8 %).

Не лучше обстоит дело и с определением этнических меньшинств. С формальной точки зрения, все просто: есть запись в паспорте, обязательность которой отменена в 1996 году, или самоназвание, фиксируемое переписью. Достаточно подсчитать проценты, и вопрос закрыт, ясно — кто большинство, а кто — меньшинства. Но с социологической точки зрения все далеко не так просто.

Можем ли мы относить к меньшинству человека, родившегося и выросшего в Москве, сделавшего здесь карьеру, создавшего семью, считающего русский язык родным и при этом сохраняющего свою этническую самоидентификацию как дань памяти предкам? Исследования Центра изучения межнациональных отношений (ЦИМО) Института социологии РАН позволили выявить соотношение мигрантов и московских уроженцев среди представителей разных этносов^[12]. Оказалось, что доля «коренных» москвичей выше всего среди украинцев (78 %). Русские — на втором месте (60 %), татары — на третьем (45 %). Среди всех этнических групп доля старожильского населения, проживающего в городе 20 и более лет, очень внушительна. Среди татар — 45 %, армян — 50 %, грузин — 44 %. Эти люди давно обжились в Москве. Азербайджанское сообщество в Москве сложилось относительно недавно, но половина его членов приходится на группу «старожилов», которых трудно рассматривать как меньшинство.

К близким выводам подводят и данные переписи 2002 года, отражающие отношение представителей разных этнических групп к русскому языку. Восприятие языка как родного или его знание на уровне свободного владения означает и глубокое погружение в культуру. Русский язык в качестве родного воспринимают 88 % евреев, 72 % белорусов, 71 % представителей народов Поволжья, 62 % татар, 61 % украинцев, 51 % армян, 45 %

грузин, 42 % выходцев из республик Северного Кавказа, 37 % азербайджанцев, 70 % корейцев, традиционно живущих в России, и даже по 3 % китайцев и вьетнамцев. Конечно, знание языка не означает тотального растворения в культуре принимающего сообщества, но это верный индикатор высокой степени интегрированности человека в социум, особенно на уровне повседневной жизни.

Тасуя горожан по формальному признаку, мы сами конструируем «меньшинства», а затем пугаемся их росту. Классик российской этнологии Юрий Арутюнян не устает подчеркивать, что этнические группы принципиально важно рассматривать с учетом их включенности в городскую жизнь. Они, как любые сообщества, не монолитны, а глубоко дифференцированы по социальным, статусным, имущественным и даже этническим признакам, выраженность которых зависит от стремления человека к воспроизводству этнической особи[13].

И все-таки понятие «этническое меньшинство» бесполезно, хотя бы потому, что меньшинства являются субъектом защиты со стороны международного права. Поэтому, не отрицая роли факторов дискриминации и изоляции в формировании этнических меньшинств (например, москвичи вполне успешно загоняют узбеков и таджиков в эту нишу), мне хотелось бы обратить внимание на необходимость разорвать жесткую связь между представлением об этнической группе и этническом меньшинстве. Человек может считать себя представителем этнической группы, но это не означает его принадлежности к этническому меньшинству.

В условиях крупнейших городов этнические меньшинства — это не столько этнические, сколько социальные группы, они вовлечены во множество разнообразных социальных взаимодействий, выдвигая свой «этнический интерес» на первый план. Борьба за утверждение особого статуса группы, представляемой в качестве дискриминированной, является борьбой за обретение дополнительных ресурсов или контроль над их распределением. Как ни странно это звучит, но для «этнического меньшинства» как социальной группы в многомиллионном городе этничность и культурная отличительность — второстепенные признаки, лишь определяющие их специфику, а главными становятся «меньшинское» мировоззрение и поведение, мотивированное дискурсом об экзистенциальных угрозах. Самоутверждение, самовозвеличивание и самообожание[14] — это характерные признаки этноцентричного мировоззрения, порождающего «меньшинское» поведение. В этом смысле «этническое меньшинство» выделяется не по отношению к «большинству», а по отношению к остальным членам собственной этнической группы, которые не разделяют или в малой степени разделяют подобное мировоззрение. Русские, несмотря на свое доминирующее положение, не являются исключением. Интернет и печатные СМИ полны рассуждений, в которых принадлежность к русским является бесспорным обоснованием права на привилегии и безусловной детерминантой, объясняющей их действия: «русский, и этим все сказано».

Дiasпоры — реальные и вымышленные

Сегодня этот термин употребляется неоправданно широко, став жаргонным и отождествляющимся с представлением либо об этнической группе, либо об этнической преступности. Известный российский политолог Ростислав Туrowsкий пишет: «Обычно о диаспоре говорят применительно к народам, происходящим из зарубежных государств. В России расширили это понятие. Мы, например, говорим о чеченской диаспоре, хотя Чечня — это часть России. Если использовать это допущение, можно говорить обо всех народах, проживающих в Москве, кроме русских, как о диаспорах»[15].

Использовать такое допущение можно, поскольку важна не формальная сторона вопроса, а самоощущения людей, их вера в то, что они «чужаки» и никогда не будут приняты местным социумом. Но стоит уточнить: диаспора[16] — это структурированное сообщество, важнейшими признаками которого являются, во-первых, наличие миссии и скрепляющей группу идентичности, способность к ее устойчивому воспроизводству; во-вторых, развитая система социальных и экономических связей, включая обмены информацией, капиталом, авторитетом, идеями, кадрами и прочее; в-третьих, сохранение отношений с «родиной» — лоббирование интересов «своей» нации и поддержка реализуемых «дома» проектов.

Во второй половине XX века диаспоры стали исчезать, однако процессы экономической глобализации и резкая интенсификация миграций воскресили их: диаспоральная идентичность в условиях доминирования сетевых отношений, присущих глобализации, показала способность успешно конкурировать с национально-гражданской.

Сетевой принцип организации диаспоры делает невозможным ее отождествление с этническим меньшинством или землячеством, нередко оказывающимися в социальной или даже социально-пространственной изоляции. Диаспора предполагает ячеистую структуру с множеством иерархически независимых центров включения (культурных, экономических или общественных). Конечно, отдельные этнические сообщества (территориальные общины) могут входить в диаспору, но диаспора будет содействовать росту социальной и пространственной мобильности членов оукленной группы и в конечном итоге — ее разрушению. В целом «диаспора» и «мобильность» — это две стороны одной медали.

Как всякий сложный социальный организм, диаспоры имеют свои позитивные и негативные проявления. Они вносят огромный вклад в накопление капитала культурного разнообразия, без эффективной политической и финансовой поддержки диаспор многие социальные и культурные проекты не были бы никогда реализованы. В то же время создаваемые диаспорой сети используются не только в благих целях. Реализация гуманитарных и политических целей, провозглашаемых диаспорой, требует чрезвычайно высоких затрат, часто не приносящих никаких дивидендов. Поэтому диаспора всячески поддерживает этнический бизнес (жертвователи значительных средств на благотворительность часто находятся в тени или даже криминальной бизнес-среде) и стремится выстраивать отношения с теми представителями своего народа, которые достигли высокого социального положения и могут лоббировать интересы диаспоры.

И все же диаспора — это не «Коза ностра» и не «Аль-Каида». Основная цель диаспоры — не обогащение и не борьба с политическими режимами, а сохранение и развитие своего народа, повышение его мировой значимости и в конечном итоге — служение исторической родине. Эта своеобразная патриотическая миссия позволяет интегрировать всех членов диаспоры — независимо от их происхождения, материального положения и межгрупповых противоречий.

Диаспору нельзя смешивать и с институтами гражданского общества. НГО, НКО, гражданские ассоциации и союзы действуют от лица группы, но в интересах всех, диаспора действует только в своих интересах, которые могут совпадать или расходиться с интересами общества в целом. Главным критерием оценки социальных и политических событий, с точки зрения диаспоры, служит то, как они отразятся на жизни ее народа или на жизни исторической родины. Диаспора скорее использует институты гражданского общества в своих целях, периодически оказывая им поддержку.

Диаспора не монолитна и не нуждается во властной иерархии или корпоративной дисциплине. Главное — осознание людьми своей причастности и участие, которое может быть разовым, эпизодическим или активным и систематическим.

Наличие или отсутствие диаспор это реальность, с которой необходимо считаться. Более того, последние десятилетия заставляют предполагать, что диаспора, наряду с национальными государствами, станет одной из ключевых форм организации общества [17]. Диаспора заинтересована в интеграции с принимающим сообществом, поскольку это дает дополнительные возможности саморазвития, в том числе и за счет коррумпирования власти, но не в ассимиляции. Это предопределяет непростые отношения между диаспорой и властными структурами в городах, которые требуют постоянного согласования различающихся интересов, в том числе и в сфере этнокультурной политики.

Классические диаспоры (еврейская, итальянская, греческая, армянская, китайская, русская и пр.) функционировали и продолжают функционировать во многих городах мира на описанных принципах. В развитых странах отношение к ним кардинально изменилось. Если в начале XX века диаспоры и там воспринимались негативно, ассоциируясь с мафией и этническими проблемами, то в начале XXI века они вызывают неподдельный интерес и симпатии общества как маркеры культурного разнообразия.

Наличие диаспор в городе свидетельствует о его культурной и экономической продуктивности и жизнеспособности. В российских городах, несмотря на широкое использование и даже демонизацию термина «диаспора», их практически нет, за исключением представительств старых мировых диаспор — китайской, еврейской, армянской и остатков греческой и испанской. Подтверждением этому служит развитость системы еврейских и армянских благотворительных организаций, ориентированных непосредственно на помощь людям, и практическое их отсутствие у других этнических групп. Большинство российских этнических благотворительных фондов являются целевыми и служат для реализации какого-либо конкретного проекта — строительства мечети, поддержания школы и пр.

В Москве ближе всех к оформлению диаспоры стоят чеченцы, консолидированные в результате войны, сохраняющие надежду на обретение собственной государственности и верящие в свою особую миссию на Кавказе. Однако сложившимся сегодня в разных городах страны и за рубежом чеченским общинам еще нужно продемонстрировать свою способность противостоять процессам интеграции, преодолев разногласия между приверженцами и противниками идеи независимой Ичкерии. Мобилизованное на определенном историческом этапе чеченское сообщество может оказаться не слишком устойчивым.

Наиболее многочисленными украинская и татарская общины не являются диаспорами в принципе и могут в них превратиться только в результате каких-то невероятных насильственных действий в отношении украинцев или татар. Украинцы и татары — такие же коренные жители российских городов и такие же государствообразующие народы, как и русские. Рост интереса к этническим и религиозным традициям или раскол СССР вовсе не превращают украинцев или татар в диаспоры. Живя в российских городах, они ощущали и ощущают себя частью местного социума, а не народами, оторванными от основной территории проживания — диаспорами Украины или Татарстана.

Этнические группы в российских городах — вымышленные диаспоры. Несмотря на то что в крупных городах действуют десятки и даже сотни национальных общин, землячеств и культурных ассоциаций, они слабо взаимодействуют и могут даже не знать друг о друге. В этнической среде сильны внутренние противоречия. «Старожилы» нередко неприязненно относятся к вновь приехавшим. Этническая интеллигенция стыдится и дистанцируется от своих «необразованных» сородичей. Одновременно среди этнических мигрантов довольно сильно выражено стремление к интеграции в принимающее сообщество, их поведение не слишком выделяется на общем фоне. Люди сохраняют хорошие, чаще всего дружеские или родственные отношения со своими соотечественниками и одновременно налаживают новые контакты в новом месте жизни.

Сложившаяся ситуация не означает, что вымышленные диаспоры не могут трансформироваться в реальные. Во-первых, если следовать терминологии Джона Армстронга, наряду с этническими диаспорами существуют «диаспоры гастарбайтеров»^[18] со своими отношениями, рекрутинговыми компаниями, сетями поддержки, культурными центрами, местами решения проблем, оказания медицинских услуг, обучения детей, авторитетами и связями. Второе поколение, дети сегодняшних трудовых мигрантов, частично будут ассимилированы, а частично, по мере обретения средств для саморазвития и компенсации пережитого унижения и комплексов, вполне могут вдохнуть жизнь в диаспору — по формуле, согласно которой «внуки стремятся вспомнить то, что их деды стремились забыть».

Во-вторых, этничность постепенно привязывается к социальным институтам, к системе школьного образования. В Москве, как и во многих других российских городах, созданы школы с этнокультурным компонентом, которые позиционируются как бикультурные, русско-этнические. Предполагается, что учеба в таких школах позволяет детям лучше узнавать другую культуру, сравнивать и критически осмысливать ценности каждой из культур и в итоге формировать свою собственную культурную идентичность. Главная проблема таких школ — нерешенность ключевого вопроса, касающегося иерархии системы ценностей. «Двойные» школы довольно быстро утрачивают свой смешанный характер, дрейфуя в сторону этнической составляющей. Они воспринимаются как завоевание этнических меньшинств, как выделенное социальное пространство. Поэтому крайне тяжело, несмотря на все декларации, добиться, чтобы ученики признали приоритет общих интересов над интересами своей этнической группы. Тем более что общие интересы в значительной степени воспринимаются и неверно трактуются как интересы русского большинства. В таких школах учатся дети второго, а то и третьего поколения представителей этнических групп, живущих в Москве. Это значит, что школы работают, прежде всего, на воспроизводство этнических барьеров и этноцентричного мировоззрения, обслуживают интересы не этнических групп, а этнических меньшинств в их составе.

Советское наследие

«Репрессирован по национальному признаку» — такова формулировка сотен тысяч приговоров сталинского времени. Почему же легенды об этнической толерантности, царившей в советские годы, живы до сих пор? Ответ, видимо, состоит в том, что наряду с откровенной дискриминацией в СССР практиковалась политика интеграции, наиболее

эффективная среди молодого поколения, переселявшегося в города в ходе индустриализации и урбанизации. Даже в самых элитных советских домах была существенная доля коммунальных квартир, где жили рядовые работники. Дети поступали в школу по месту жительства, что лишало выбора, но создавало атмосферу активных межсоциальных и межкультурных контактов. Требование «обеспечивать успеваемость», в том числе и «трудных подростков», вынуждало учителей «подтягивать» учеников-мигрантов до уровня московских старожилов. К тому же активно действовали многочисленные школьные кружки и дворцы пионеров, объединявшие детей по интересам и вовлекавшие их в социальную жизнь. Из детской дружбы выростала дружба народов. Наконец, массовые молодежные организации обеспечивали преемственность и связь поколений — от октябрёнка до коммуниста и работали на интеграцию.

Конечно, советская политика интеграции была партийной и авторитарной, но в советских условиях она работала достаточно эффективно. Крах Советского Союза обнаружил главный порок советской модели, эффект толерантности и гражданской интеграции возникал благодаря идеологическому принуждению, которое крайне слабо трансформировалось в универсальные ценности гражданского общества и культуру участия. Ныне российским городам предстоит соединить принципы гражданской интеграции и культуру гражданственности.

В условиях глобализации мы не можем вернуться к ситуации принуждения к «монокультурности», хотя многим проповедникам особой российской цивилизации это кажется привлекательным. Культурное разнообразие превратилось сегодня не в досадное следствие миграций, а в реальный капитал, без которого немыслимо дальнейшее успешное развитие городов. Несколько утрируя, можно сказать, что сегодня оно опирается не на оседлый и добропорядочный средний класс, как это было на протяжении всего послевоенного времени, а на миграцию, как это было в эпоху бурной урбанизации. Экономика и информационная революция всех нас вынуждают становиться в той или иной мере «мигрантами», разница между «мобильностью» и «миграцией» все больше стирается.

Большее значение для освоения культурного разнообразия обретают задачи модернизации национально-гражданской и городской идентичностей, позволяющие освободиться от пут этнокультурного фундаментализма. Хотя мы не привыкли применять это понятие к себе, связывая фундаментализм с религиозным, прежде всего исламским, фанатизмом, его можно наблюдать в самых разных сферах жизни. Суть фундаментализма состоит в догматическом отстаивании своего видения мира и способа жизни, в отрицании позитивности изменений других и отказе меняться самим под предлогом защиты традиций и устранения угрозы развитию общества.

Чтобы не быть голословной, упрекая население российских городов в тяге к фундаментализму, приведу короткую цитату из вполне научного труда, посвященного этническим проблемам Москвы. «Мигранты, если они ориентированы на долгосрочное пребывание в столице, должны приспособиться к условиям жизни русского города ... отказавшись от многих этнических и культурных атрибутов, дабы не выделяться среди жителей Москвы и не вызывать недоумения и недовольства»^[19]. Почему? Ведь этнокультурное разнообразие приносит обществу не только культурные, но и политические дивиденды. Проблемы этнических меньшинств и диаспор, социального неравенства, порождаемого этнической принадлежностью, выведенные в публичное поле, дают мощный толчок обсуждению как шовинистических, так и либеральных точек зрения. Чем больше дискуссий, тем больше новых идей, позволяющих сделать этнокультурную политику менее «топорной» и более нюансированной, что в конечном итоге ведет к улучшению социального климата в городах и формированию гражданского общества. В этом направлении и должна была бы работать этнокультурная политика, акцентирующая одновременно идеи культурного плюрализма и интегрирующие ценности. Подчеркну, что плюрализм означает не только то, что всего много, но и то, что все — вместе.

К сожалению, современная российская миграционная политика и практика поддержания этнокультурного разнообразия не предполагают плюрализма и далеки от публичных дебатов, наследуя советской управленческой традиции. Мы по-прежнему не в состоянии адекватно отвечать на вызовы все более усложняющегося общества; по-прежнему сильно желание остаться в рамках упрощенных управленческих схем, понятных и четких нормативов; как и раньше, чрезвычайно низкой остается восприимчивость к новым

культурным практикам. Поэтому сохраняется высокий риск того, что принимаемые управленческие решения могут дать результаты, обратные запланированным.

* * *

[1] Левада-центр. Как Вы относитесь к идее «Россия для русских».<http://www.levada.ru/archive/mezhetnicheskie-otnosheniya/kak-vy-otnosite...>

[2] См., например: Левада-центр. Россияне об отношениях с людьми других национальностей. <http://www.levada.ru/16-12-2011/rossiyane-ob-otnosheniyakh-s-lyudmi-drugikh-natsionalnostei>. ВЦИОМ. Россияне о межнациональных браках. Пресс-выпуск № 1569. 27.08.2010. <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=13774>. ВЦИОМ. Этнические симпатии и антипатии россиян. Пресс-выпуск № 1498. 20.05.2010.<http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=13774>

[3] Путин В. В. Россия: национальный вопрос. Независимая газета, 23 января 2012 г.http://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html

[4] Пресс-выпуски мониторинга общественного мнения Левада-центра. 2008—2010.<http://levada.ru/press/2010021703.html>

[5] Мнение москвичей о миграционной ситуации и деятельности Правительства Москвы и органов исполнительной власти всех уровней по ее оперативному регулированию. М.: ООО НИЦ «Инженер», 2006. С. 13—14, 33.

[6] Итоги десятилетия советской власти в цифрах. 1917—1927. М.: Изд-во ЦСУ СССР, 1928.

[7] Тимофеев-Ресовский Н. В. Воспоминания. М.: ВАГРИУС, сер. «Мой 20 век», 2008. С. 124.

[8] Матвеев О. К. Численность населения Москвы в годы Великой Отечественной войны. (По материалам ЦГАОРСС г. Москвы) // Отечественная история. № 3, 1992. С. 155—161.

[9] Гроссман В. За правое дело. М.: ТЕРРА — Книжный клуб, 2005. Книга первая. С. 194.

[10] Иванова Т. Д. Афганцы в Москве: интеграционный потенциал // Иммигранты в Москве. М.: Три Квадрата, 2009. С. 209—236.

[11] Алексеев М. Восприятие масштабов миграции в России: этнорегиональные измерения и психология цифр // Вестник общественного мнения. № 4(84), июль-август 2006. С. 44—55.

[12] Дробижева Л. М., Арутюнян Ю. В., Кузнецов И. М. Выходцы из Закавказья в Москве. Демоскоп Weekly. № 271—272, 1—21 января 2007 г.

[13] Арутюнян Ю. В. О потенциале межэтнической интеграции в московском мегаполисе // Социологические исследования. 2005. № 1. С. 26—40.

[14] Эта триада взята из трудов В. С. Соловьева, он пишет: «Национальное самосознание есть великое дело; но когда самосознание народа переходит в самодовольство, а самодовольство доходит до самообожания, тогда естественный конец для него есть самоуничтожение: басня о Нарциссе поучительна не для отдельных только лиц, но и для целых народов». Соловьев В. О народности и народных делах России / Национальный вопрос в России. М.: АСТ. Хранитель, 2007. С. 34.

[15] Туровский Р. Принесенные ветром // Политический журнал. 12 сентября 2005 г. № 80.

[16] Детальный разбор представлений о диаспоре, эволюции теоретических представлений и форм существования диаспоры дан в монографии В. А. Тишкова «Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии». М.: Наука, 2003.

[17] Cohen R. Diasporas and the nation-state: from victims to challenge // International Affairs. 1996. Vol. 72. No. 3. July, P. 507—520.

[18] Джон Армстронг обратил внимание на существенные различия во взаимодействии с мультиэтническим городским сообществом (политией) «пролетарской диаспоры» и «мобилизованной диаспоры». Возникновение первой в значительной мере является маргинальным продуктом экономической модернизации, а возникновение второй — долгим и сложным историческим процессом. (Armstrong Jh. Mobilized and Proletarian Diaspora's // American Political Science Review. 1976. Vol. 70. № 2. P. 393—408.)

[19] Остапенко Л. В., Субботина И. А. Старожилы и мигранты: вместе или рядом? М.: Российский университет дружбы народов, 2007. С. 351.

Музыкальное сопровождение семинара

ГЕКТОР БЕРЛИОЗ

(1803-1869)

Гектор Берлиоз родился 11 декабря 1803 года в Ла-Кот-Сент-Андре на юго-востоке Франции в семье врача. Отец обучил его игре на гитаре и флейте. В двенадцать лет у Гектора появился серьезный интерес к музыке. Он самостоятельно изучал книги по гармонии и теории музыки из домашней библиотеки. По воле отца в 1821 году он поступает на медицинский факультет и переезжает в Париж. Увлеченный сочинением музыки, Берлиоз в первое время самостоятельно, а затем под руководством профессоров Жероно и Лесюэра изучает теорию композиции. В 1826 году он поступает в парижскую консерваторию.

Годом позже Берлиоз влюбляется в 27-летнюю английскую актрису Гарриет Смитсон, которая посетила Париж во время гастролей. Молодой композитор решает добиться успеха в творчестве, чтобы покорить её. В это время он сочиняет песни, кантаты, увертюры, начинает писать статьи в газеты, и постепенно входит в культурные круги Парижа. Он знакомится с выдающимися деятелями того времени: Шопеном, Листом, Гюго, Бальзаком. Несмотря на успехи, Берлиоз постоянно испытывает материальную нужду. В 1830 году он получает государственную стипендию для поездки в Италию. Там он пишет симфонические произведения, яркие, образные, энергичные по звучанию. 5 декабря 1830 года состоялась премьера «Фантастической симфонии», одного из самых знаменитых его сочинений. В 1832 году, раньше срока, Берлиоз вернулся в Париж. Здесь проходит успешный концерт его музыки, на котором была исполнена «Фантастическая симфония». Год спустя он женится на Гарриет Смитсон. Чтобы прокормить семью ему приходится очень много работать. В 1834 году он заканчивает работу над симфонией «Гарольд в Италии».

После неудачи с оперой «Бенвенуто Челлини», в 1839 году Берлиоз завершает свою третью программную симфонию «Ромео и Юлия» для оркестра, солистов и хора. А год спустя была впервые исполнена его Четвертая симфония. С 1843 года он гастролирует в качестве дирижера по всей Европе. Помимо своих сочинений, он исполняет произведения современных авторов, чего раньше никто не делал. За это время он приобрел множество горячих поклонников своего творчества. Лишь в Париже к нему по-прежнему не испытывали интереса ни критики, ни слушатели, ни музыканты. В конце 1846 года он ставит «Осуждение Фауста», и в результате влезает в долги. Непонимание публики было вызвано разрывом с традициями, новизной и неординарностью сочинения, которое, по сути, является одним из самых зрелых в списке произведений Берлиоза.

После революции 1848 года, Берлиоз стал реже сочинять, хотя в качестве дирижера активно гастролировал. В 1854 году он написал кантату «Детство Христа». Последние его оперы «Троянцы» и «Беатриче и Бенедикт» не желали принимать театры. Вскоре умирает его жена, ослабевают связи с друзьями. Измученный болезнями Берлиоз умирает в 8 марта 1869 года. Он вошел в историю, как создатель программной симфонической музыки. Спустя десять лет после смерти его провозгласили главой французской музыкальной школы.

РОДИОН КОНСТАНТИНОВИЧ ЩЕДРИН

Родион Константинович ЩЕДРИН. Народный артист СССР, лауреат Ленинской и Государственной премий СССР, Государственной премии России.

Родился 16 декабря 1932 года в Москве. Отец – Щедрин Константин Михайлович, музыкант-теоретик, педагог, музыкальный деятель. Мать – Щедрина Конкордия Ивановна (урожд. Иванова), не музыкант по роду занятий. Супруга – Плисецкая Майя Михайловна, прима-балерина Большого театра России, Народная артистка СССР, лауреат Ленинской премии.

Щедрин – один из самых крупных и известных композиторов второй половины XX века. Владея острым современным музыкальным языком, он смог создать произведения, доступные и широким кругам слушателей. Намеренная антиавангардная установка на слушателя пронизывает творчество Щедрина на протяжении всей жизни: «большая музыка должна иметь большую аудиторию». При этом он шире, чем кто-либо из композиторов его поколения, развил в своем творчестве русскую тематику: его оперы и балеты написаны почти исключительно на сюжеты крупнейших русских писателей – [Н. Гоголя](#), [А. Чехова](#), [Л. Толстого](#), В. Набокова, Н. Лескова, он автор хоровой русской литургии «Запечатленный ангел», концертов для оркестра «Озорные частушки», «Звоны», «Хороводы», «Четыре русские песни» и т.д.

На Родиона Щедрина как будущего музыканта и русского композитора решающее влияние оказала семья. Его дед был православным священником в Алексине Тульской губернии, и тропинку к церкви, где он отправлял службу, прихожане окрестили «щедринкой». Отец композитора, К.М.Щедрин, родился в селе Воротцы Тульской губернии, детство провел в Алексине. Был одарен редкостными музыкальными способностями – «магнитофонной» памятью (запоминал музыку с одного раза), абсолютным слухом. Его способности заметила приезжавшая в город актриса В.Н.Пашенная, которая за свой счет отправила мальчика в Москву, где он окончил Московскую консерваторию.

Музыкой Р.Щедрин был окружен с самого детства: слышал игру отца на скрипке, инструментальное трио в составе отца и его братьев. В 1941 году был отдан в Центральную музыкальную школу-десятилетку при Московской консерватории. Реально же заниматься по фортепиано начал частно - у М.Л. Гехтман. Но началась Вторая мировая война, и все школы в Москве были закрыты.

Когда появилась возможность вернуться в Москву, Родиона снова отдали в Центральную музыкальную школу (1943). Но у мальчика уже сложились свои представления о жизни - его интересовали не гаммы в музыкальной школе, а настоящие, серьезные дела. Он дважды убежал на фронт, и второй раз добрался из Москвы до Кронштадта. После этого родители не нашли ничего лучшего, как определить сына в Нахимовское морское училище в Ленинграде – и отослали туда его документы.

Тем временем произошло событие, в конечном счете приведшее к появлению композитора Родиона Щедрина. В конце 1944 - начале 1945 годов в СССР открылось новое учебное заведение – Московское хоровое училище (мальчиков). Его создатель и первый директор, известнейший хормейстер А.Свешников пригласил туда отца Р.Щедрина преподавать историю музыки и музыкально-теоретические предметы, а тот, в свою очередь, попросил зачислить на учебу и своего сына. У Родиона был абсолютный слух, достаточно приемлемый голос, и он был определен, наконец, по музыкальной специальности (декабрь 1944 года).

В Хоровом училище для мальчика, уже кое-что повидавшего, открылась такая сфера, о которой он не подозревал. Позднее Р.Щедрин вспоминал: «Пение в хоре захватило меня, затронуло какие-то глубинные внутренние струны... И первые мои композиторские опыты (как и опыты моих товарищей) были связаны с хором». /Родион Щедрин. Беседа с Л.Григорьевым и Я.Платеком. //Музыкальная жизнь 1975 №2 с.6/. В хоровом классе была

пропета вся история этого искусства: от мастеров «строгого стиля» ХУ1 века - Жоскена де Пре, Палестрины, Орландо Лассо до русской духовной музыки – Чеснокова, Гречанинова, Кастаньского, Рахманинова.

Сочинение музыки в Училище специально не преподавалось, однако высокая суммарная музыкальная подготовка позволяла ученикам делать опыты и в музыкальной композиции. Для поощрения их творчества Свешников давал возможность тут же и исполнять свои сочинения. В 1947 году в Хоровом училище был проведен конкурс композиторских работ. Жюри, возглавляемое А.Хачатуряном, присудило первую премию Р.Щедрина, и это стало его первым заметным успехом в этой области.

Ученикам Хорового училища предоставлялась возможность встречаться с крупнейшими музыкантами: Д.Шостаковичем, А.Хачатуряном, Г.Гинзбургом, С.Рихтером, И.Козловским, Э.Гилельсом, Я.Флиером. «В училище нашем царило захлебное увлечение музыкой, в том числе фортепианной», - вспоминал Щедрин. Его учителем по фортепиано был известный педагог Г.Динор, задававший ученикам произведения намеренно завышенной сложности. В результате при окончании Училища у Родиона была программа, достойная концертирующего пианиста (фуги Баха, виртуозные пьесы Шопена и Листа, «Рапсодия на тему Паганини» Рахманинова), но не сделанная должным образом. Педагог же, думая о поступлении своего ученика в Московскую консерваторию, решил показать его профессору Я.Флиеру. От исполнения программы тот в восторг не пришел, но одобрил композиторские сочинения Щедрина и согласился взять его в свои ученики.

В 1950 году Щедрин поступил в Московскую консерваторию одновременно на два факультета - фортепианный, в класс Я.Флиера, и теоретико-композиторский, в класс профессора Ю.Шапорина по сочинению.

Занятия с Яковом Владимировичем Флиером, где царил «пир музыки», так увлекали Щедрина, что он подумывал расстаться с композиторской специальностью - но педагог-пианист этого не посоветовал. В фортепианном классе растущий музыкант не только приобрел первоклассное искусство пианиста, но и значительно продвинулся в своих общих музыкальных вкусах и знаниях. И Щедрин так доверял своему учителю, что ему первому демонстрировал свои новые опусы - и в студенческие, и в позднейшие годы. По словам композитора, рояль Флиера вынес «удары» всех его крупных сочинений. Профессиональным пианистом Щедрин остается всю жизнь, с успехом выступая на концертной эстраде с исполнением своих технически нелегких произведений.

В композиторском классе Юрия Александровича Шапорина притягательной была, прежде всего, его человеческая личность - эрудита в русской литературе и поэзии, рассказчика и остролова, человека, общавшегося с А. Блоком, А.Н.Толстым, Горьким, К.Фединым, А.Бенуа, К.Петровым-Водкиным. Он не навязывал ученикам какого-то одного-единственного пути, считая, что в музыке могут и должны быть какие угодно противоположности.

Интенсивно развивалась в Московской консерватории и такая фундаментальная область интересов Щедрина, как русский фольклор. Принципиально чуждый этнографическому подходу, Щедрин сумел в течение всего творческого пути в высшей степени оригинально использовать фольклорные элементы, органично сплавив их с новейшими композиторскими находками в музыкальном мире. И в таком синтезе - у него нет равных в его поколении. Обязательный для студентов-композиторов предмет «Народное творчество» требовал участия в фольклорных экспедициях, с самостоятельными записями народных песен на магнитофон. Р.Щедрин совершил поездку в районы Вологодской области, которые оказались чрезвычайно богатыми частушками (руководительница экспедиции записала их свыше тысячи). Ведь частушка не только веселила и развивала способности к мгновенной импровизации, но была хлестким фельетоном, народной газетой - всем тем, что жило в народе, не укладываясь в официальные способы выражения мнений. Любовь к частушке Щедрин пронес через всю жизнь: свой Первый концерт для оркестра 1963 года он назвал «Озорные частушки», а в 1999 году представил его вариант - «Частушки», концерт для фортепиано соло.

Глубоко близкой Щедрину оказалась вся звуковая среда фольклора, которая была им воспринята и через поездки в Алексин, город над Окой, и через различные выезды «в глубинку», слушание крестьянского пения и игры на свирелях. «Для меня народное искусство - это пастуший клич, одноголосные переборы гармониста, вдохновенные импровизации деревенских плакальщиц, терпкие мужские песни...» /Родион Щедрин. Беседа с Л.Григорьевым и Я.Платеком. //Музыкальная жизнь 1975 №2 с.54/.

Первый концерт для фортепиано, созданный Щедриным в студенческую пору (1954), явился в свою очередь, произведением, создавшим Щедрина. В нем высветилась все, что было личностью автора в молодые годы и что проросло потом в дальнейшем творчестве, в том числе моторика ритма и терпко заостренные «руссизмы». В консерватории же он показался слишком «формалистичным». Но кто-то из профессоров порекомендовал Союзу композиторов включить концерт в программу очередного пленума. Автор с блеском его исполнил и вскоре получил письмо, что его, студента 1У курса, приняли в члены Союза композиторов (даже без заявления).

Окончил Московскую консерваторию Щедрин в 1955 году, с отличием, по двум специальностям – композиции и фортепиано. Далее, до 1959 года, он прошел аспирантуру, по композиции у Ю.Шапорина.

1958 год в жизни Щедрина был очерчен как самый романтический и поистине судьбоносный: он женился на балерине Майе Михайловне Плисецкой, тогда уже приобретшей известность. История их знакомства была такова. Композитор бывал в доме Лили Брик, в прошлом музы Маяковского, и ее мужа, писателя и литературоведа В.Катаняна, к пьесе которого «Они знали Маяковского» он писал музыку. Однажды хозяева дома в виде курьеза дали ему прослушать запись на пленке, где Плисецкая пела (!) музыку балета Прокофьева «Золушка». Композитор был изумлен: труднейшие мелодии воспроизводились совершенно точно и в соответствующих тональностях. Родион и Майя впервые встретились лично, когда в том же доме принимали Ж.Филипа, и Щедрин играл много своей музыки, увлекшей собравшихся. Ему, редкому тогда обладателю собственного авто (приобретенного на гонорар к фильму «Высота»), выпала галантная обязанность развезти почетных гостей по домам. Плисецкая, прощаясь, попросила его записать нотами с пластинки тему из фильма «Огни рампы» для балетного номера (номер потом не пошел). Окончательно их свел балет «Конек-Горбунок», который в 1958 году решил поставить Большой театр. Здесь 25-летний Щедрин впервые увидел Плисецкую на репетиции, где та, со своей стороны, обрушила на него «ураган фрейдистских мотивов». Хотя Плисецкая уже завоевывала заметную артистическую известность, она была под большим подозрением в КГБ, и автомашинка слежки постоянно следовала за новой знакомой Щедрина. Но никакая сила уже не властна была их разлучить. После райского лета в Сортавале (Доме творчества композиторов) на Ладожском озере их свадебным путешествием стала поездка на машине Родиона из Москвы в Сочи через Тулу, Харьков, Ростов-на-Дону и др. города. Из-за незарегистрированного брака им отказали во всех гостиницах, и приютом служила лишь машина. Брак Плисецкой и Щедрина был зарегистрирован в Москве 2 октября 1958 года. Детей в этом браке не было – такова была великая жертва великой балерины. Но уникальный «брак по искусству» сохранился на всю жизнь. Все балеты Щедрина связаны с танцем Плисецкой – и это целая балетная культура.

При окончании аспирантуры в 1959 году Щедрин имел в своем творческом активе балет «Конек-Горбунок» (1955), фортепианные сочинения, хоры, Первую симфонию (1958). И это – не только вехи его биографии. «Конек-Горбунок», в котором Плисецкая танцевала Царь-Девичу, стал постоянным спектаклем для детей и поныне идет в Музыкальном театре им. Станиславского и Немировича-Данченко. В 1999 году для постановки в Большом театре автором была сделана новая версия балета, превратившая его в ослепительную русскую феерию (художник – Б. Мессерер). «Юмореска», заражающая чисто щедринской «лукавинкой», спустя почти полвека стала излюбленным концертным «бисом» (также и в переложениях для различных инструментов). Благодаря таким песням в свое время стал даже складываться имидж Щедрина – как воплоителя в музыке кипучей жизненной энергии, юмора, шутки. В таком тоне звучала и ставшая широко известной песня Щедрина из музыки к кинофильму «Высота» (1957) – «Веселый марш монтажников-высотников», прочно внедрившаяся в массовый слух. Эти представления о композиторе неожиданно разрушила Первая симфония, с ее прорывом в суровую военную трагедию, что вызвало большое неудовольствие критиков («хватит с нас и одного Шостаковича»).

Наступили бурные 1960-е годы отечественных «шестидесятников». Родион Щедрин за данное десятилетие создал самое исполняемое свое сочинение – балет «Кармен-сюиту», впервые обратился к опере («Не только любовь»), начал серию произведений в жанре, которому он придал новый смысл, – концерты для оркестра («Озорные частушки» и «Звоны»), сочинил две крупные оратории («Поэтория» и «Ленин в сердце народном») и самое масштабное свое произведение для фортепиано соло – 24 прелюдии и фуги,

осуществил смелый стилистический синтез во Втором концерте для фортепиано. При этом особо тщательно работал над полифонией, техникой серий, комбинациями множества музыкальных тем. Параллельно он выступал как пианист, преподавал в Московской консерватории.

Опера «Не только любовь» (1961, 2-я ред. 1971) написана по мотивам рассказов С.Антонова, с включением в либретто текстов частушек; посвящена М.Плисецкой. «Пишу колхозного «Евгения Онегина»» - говорил автор и сравнивал главную героиню даже с Кармен. Предназначая оперу для Большого театра, он стремился уйти от принятых тогда на этой сцене монументальных массовок со знаменами в камерную сферу, с переживаниями обыкновенных людей. Но хотя премьерный спектакль оформлял художник А.Тышлер, а дирижировал Е.Светланов, переломить обычаи театра все же не удалось. Однако синхронно постановки «Не только любовь» прошли в Перми и Новосибирске. Адекватность же замысла и воплощения первой оперы Щедрина была достигнута много позже - в камерных, студийных, студенческих реализациях. Важной вехой стало появление ее на новой театральной сцене - Московского камерного музыкального театра режиссера Б.Покровского, в качестве первого спектакля этого театра (1972). В творчестве Щедрина наступает яркая полоса юмора и сатиры, свойственных ему от природы: в 1963 году из под его пера выходят упомянутые «Озорные частушки» (Первый концерт для оркестра) и «Бюрократида» («курортная кантата»). В «Озорных частушках» автор симфоническими средствами воспроизвел частушечную манеру поочередного вступления нового участника на фоне непрерывного гармошечного наигрыша. И это была новая музыкальная форма со сложным комбинированием не двух-трех тем, а около семидесяти. Пришедшиеся не по вкусу академическим оркестровым музыкантам, «Частушки» вызвали горячий восторг у широкой публики, особенно на периферии. Из зарубежных музыкантов их играл американский дирижер и композитор Л.Бернстайн. Кантата «Бюрократида», написанная на текст «Памятки отдыхающему», полная свежего остроумия, была сатирой на нечто большее, чем ограничительный порядок в пансионате. Одновременно она была энциклопедией современной композиции - вбирала приемы, остающиеся новыми и по сей день.

Центром полифонической работы композитора стал огромный цикл для фортепиано - 24 прелюдии и фуги (1963-64 - 1 том, 1964-70 - 2 том). Сугубо академический жанр, установленный в свое время И.С.Бахом, продолженный Д.Шостаковичем, Щедрин насытил современной виртуозностью и изощренной техникой письма. Он сам стал и первым его исполнителем.

И так же, как раньше, свою юмористическую линию композитор перечеркнул сугубо трагической Второй симфонией (1965), с отзвуками войны (гул самолетов, скрежет гусениц танков, стоны раненых), с эпиграфом из А.Твардовского «В тот день, когда окончилась война». При этом опять ввел новую симфоническую форму: 25 прелюдий (авторский подзаголовок).

В 1966 году Щедрин пошел на эксперимент, по смелости превзошедший все окружающее в советской музыке. Владя современной додекафонной техникой, он решил во Втором концерте для фортепиано (1966) соединить ее с диаметральной противоположностью - музыкой джазовой импровизации. В Союзе композиторов не поддерживалось ни то, ни другое, а соединение вместе давало столь кричащий контраст, что о нем заспорили и самые левые коллеги. Жизнь же доказала правоту автора: Второй концерт стал классикой, изучаемой в истории музыки. Сама же примененная там техника полистилистики (и коллажа) стала затем веяньем времени - для множества отечественных авторов. Прибегал к ней в дальнейшем и Щедрин.

В 1964-69 годах Щедрин преподавал композицию в Московской консерватории. Среди его учеников - О.Галахов (со временем - Председатель СК Москвы), Б.Гецелев, болгарин Г.Минчев. Учитель умел безошибочно «ставить диагноз» сочинениям учеников, учил среди прочего умело выстраивать драматургию целого. Примечательно, что важной способностью он считал скорость сочинения. Щедрин прекратил работу в консерватории, войдя в конфликт с партийными деятелями теоретико-композиторского факультета.

Балет «Кармен-сюита» (1967) внешне возник как результат экстренной помощи композитора своей супруге, когда она зажглась неодолимым желанием воплотить образ Кармен в хореографии кубинского балетмейстера А.Алонсо. За 20 дней Щедрин создал свою знаменитую транскрипцию номеров из оперы Ж.Бизе «Кармен», использовав не симфонический оркестр, а струнные и 47 ударных инструментов, достигнув свежей

современной звуковой окраски. Плисецкая станцевала балет около 350 раз. «Кармен-сюита» и ныне царит во всем мире, исполняясь на сцене, в концерте или по радио едва ли не каждый день.

Давняя дружба Родиона Щедрина с поэтом А.Вознесенским, в 60-годы кумиром советской молодежи, родство их художественного мироощущения, привело к появлению «Поэтории» – Концерта для поэта, смешанного хора и симфонического оркестра на его тексты (1968). Сам поэт выступал здесь в качестве чтеца. Новаторским, с богатыми аллитерациями, стихам Вознесенского («Я – Гойя,...Я – Горе. Я – голос...») отвечали новаторски трактованные оркестр и хор у Щедрина, по приемам близкие самым левым польским находкам. Но Щедрин углубил стилистику и концепцию произведения своими личными музыкальными приемами, особенно введением как бы народного плача, в расчете на известную исполнительницу песен Л.Зыкину. Обсуждение в СК выявило самые противоречивые мнения о произведении.

В противоречивой ситуации он находился и как общественный деятель. В 1968 году он (как К.Симонов и А.Твардовский) отказался подписать письмо в поддержку вступления войск стран Варшавского договора в Чехословакию. Радиостанция «Голос Америки» начала регулярно вещать об этом, называя их имена. Щедрин вынужден был пойти на компромисс – в виде оратории «Ленин в сердце народном» (1969), подобно тому, как Шостакович в свое время написал «Песнь о лесах». Но в отличие от Шостаковича Щедрин никогда не вступал в члены КПСС. Избегая помпезного тона, Щедрин использовал в своей оратории бытовую прозу – рассказ латышского стрелка, работницы завода, кроме того, – слова современной сказительницы М.Крюковой. А по музыкальному языку продолжил «Поэторию». Талантливая оратория к 100-летию В.И.Ленина настолько выправила официальное положение беспартийного автора, что за нее и оперу «Не только любовь» ему присудили Государственную премию СССР (1972). За рубежом она имела большой успех в Париже, Лондоне, Берлине.

Творчество Щедрина 70-80-х годов было отмечено присущей ему постоянной художественной изобретательностью, но не содержало тех резких стилистических поворотов в зависимости от меняющейся моды, которые стали уделом многих композиторов на Западе и в СССР (скачки от авангарда к «новой простоте» и к попыткам синтеза крайностей). Элементы и авангардной изысканности, и народной простоты всегда сосуществовали в его музыке, синтез их он делал постоянно. Еще в 60-годы он сформулировал тезис о своем пути: «В искусстве надо идти своим собственным путем. Он может быть и коротким, и длинным, и широким, и узким, но он должен быть своим» /Советская музыка 1963 №6 с.12/ В соответствии с собственной композиторской индивидуальностью, Щедрин твердо стоял в центре, пока еще невидимо возвышаясь над бурлящими потоками противоположных течений.

В 1973 году Щедрин избирается на важный руководящий пост – Председателя Союза композиторов Российской Федерации, на который был благословлен Д.Шостаковичем, его основателем и первым председателем. В этом качестве он проработал до 1990 года, добровольно его покинув, после чего был оставлен в роли почетного Председателя СК России. То, что во главе огромной российской композиторской организации столько лет стоял серьезный композитор, новаторской направленности, сыграло чрезвычайно прогрессивную роль. Велика была и его личная помощь – композиторам, музыковедам, дирижерам и мн. др. «Долгое время Щедрин возглавлял Союз композиторов России, и мало кто знает, скольким молодым талантам отверженным, гонимым властью, помог этот человек», – говорит о нем Владимир Спиваков /Родион Щедрин. Автопортрет. Буклет музыкального фестиваля к 70-летию композитора. М.,2002/.

Композитор пишет десятки литературных работ, обнаруживая яркое чувство слова. Он создает либретто для своих сценических произведений: опер «Мертвые души» (потом и «Лолита»), балетов «Чайка» (совместно с В.Левенталем), «Дама с собачкой». Публикует десятки статей – о Я.Флиере, Ю.Шапорине, О.Мессiane, Л.Бернштейне, А.Свешникове, К.Элиасберге, А.Бородине, А.Веберне, И.Стравинском, предисловие к роману В.Орлова «Альтист Данилов».

Продолжается его сотрудничество с М.Плисецкой: ей посвящаются балеты «Анна Каренина», «Чайка» и «Дама с собачкой». В «Анне Карениной», по Л.Толстому (1971), была отобрана только любовная интрига и дан подзаголовок «Лирические сцены» – подобно П.Чайковскому в его опере «Евгений Онегин». Мысль о Чайковском сказалась и в музыкальной стилистике балета, вплоть до аппликаций его сочинений, написанных в то

самое время, когда Толстой работал над этим романом. В балете «Чайка» по А.Чехову (1979) Щедрин предстал и как композитор, и как либреттист (соавтор), а Плисецкая и танцевала главную героиню, Нину Заречную, и воплотила символическую Чайку, и впервые стала единоличным балетмейстером спектакля. Композитор средствами оркестра создал остро-экспрессивный «крик чайки», который провел через весь балет, придав ему повышенную трагичность. В нем хорошо угадывались «подстрелянные» судьбы героев, а сценическая драма проецировала «крик» во времени. Новаторской стала музыкальная форма балета – цикл из 24 Прелюдий с добавлением трех Интерлюдий и одной Постлюдии. Когда одна английская киногруппа готовила телепередачу о развитии музыкального искусства, она сняла «Чайку» для части «Музыка будущего».

Значительной вехой в музыкально-театральном творчестве Щедрина стала опера «Мертвые души» по Н.Гоголю (1976, пост. 1977), на либретто самого композитора. Автор ввел в оперу такое новшество, как замену скрипок оркестра камерным (вторым) хором, а главное - деление сцены на две параллельные сцены, расщелив оперу как бы на две автономно идущие оперы – «народную» и «профессиональную». Эта параллельная драматургия спектакля, впервые осуществленная в Большом театре, составляла ядро смысловой концепции произведения: противопоставление Руси народной и «мертвых душ» помещиков. В «народной опере» композитор использовал русские фольклорные тексты, народные тембры голосов, но не цитировал подлинные мелодии.

Символический смысл он придал фразам мужиков, особенно вопросу «доедет или не доедет?». При этом народные элементы насытил острейшими современными диссонансами и кластерами. «Профессиональную оперу» - гротескный мир гоголевских помещиков – Щедрин выдержал в стилистике, близкой работе с вокалом в операх Россини. Если музыка Руси народной шла в плавном протяжном пении *legato*, то в партиях пародируемых помещиков достаточно заметно использовалось подпрыгивающее *staccato*. Изоощренны и чрезвычайно трудны для пения их арии: виртуозные пассажи Чичикова, скороговорка Коробочки, размашистые скачки мелодии у Собакевича и т.д. Впечатляюще вокальные ансамбли – в семь, восемь, десять и двенадцать голосов. В облике двух опер-антиз предстали сущности более высокого порядка: контраст вечного, неизменного и суетного, бренного.

“Мертвые души” в постановке Большого театра в Москве 7 июня 1977 года явились шедевром театральности. Режиссером был Б.Покровский, художником сцены - В.Левенталь, хормейстером – В.Минин, участвовали певцы: А.Ворошило (Чичиков), Л.Авдеева (Коробочка), В.Пьявко (Ноздрев), А.Масленников (Селифан) и др. Дирижер Ю.Темирканов провел 42 репетиции, после чего перенес оперу в Кировский (Мариинский) театр в Ленинграде. Отечественное исполнение под управлением Темирканова, записанное фирмой “Мелодия”, было выпущено за рубежом фирмой BMG и удостоено премии критиков. « Он необыкновенно точно воплотил в музыке уникальную гоголевскую интонацию и в то же время сумел написать остро современное произведение. Это была музыка страны, в которой мы тогда жили : острая, угловатая и невероятно безысходная », - пишет А.Ворошило. /Родион Щедрин. Автопортрет. Буклет музыкального фестиваля. М., 2002/.

1981 год отмечен у Щедрина созданием мастерски отточенных хоровых и фортепийных сочинений : « Строфы « Евгения Онегина » » - шесть хоров на стихи А.Пушкина из его романа в стихах, « Казнь Пугачева » - поэма для хора а cappella на слова из «Истории Пугачева» А.Пушкина, «Тетрадь для юношества», 15 пьес для фортепиано. К хоровым опусам примыкает также «Концертино» 1982 года (без слов). Композитор по-прежнему погружен в русскую литературу и русскую тему. В частности, сквозь все произведения проходит идея русских колоколов: в конце «Строф «Онегина»», в эпизодах «Казни Пугачева», в №11 «Русские трезвоны» из «Тетради для юношества» и в финале «Концертино» - «Русские звоны».

Замыслы Щедрина 1983-84 годов выделились особой масштабностью и серьезностью, что было сопряжено также и с посвящениями святому для него имени - И.С.Баху к 300-летию со дня рождения (1985). В 1983-м в его честь он возвел музыкальный памятник в виде сверхдлительного произведения – на 2 часа 12 мин. – «Музыкальное приношение» для органа, трех флейт, трех фаготов и трех тромбонов. Это был новаторский замысел музыкальной медитации, когда люди должны были не только слушать музыку, но и осуществлять акт коллективного поклонения тому, кому оно было посвящено. В первой версии из-за сверхпротяженности произведение далеко выходило за пределы обычных

норм концертного восприятия. В этом убедился и сам автор, выступая в качестве органиста на премьере в Большом зале Московской консерватории (1983): публика стала в мало-помалу покидать зал. В других условиях оно воспринималось адекватно (например, на «Бах-марафоне» в Германии). Автор сделал компактную версию «Приношения» - на полтора часа, с записью на пластинке звучания произведения в Рижском Домском соборе (1987). По названию щедринское произведение намеренно ассоциировалось с баховским «Музыкальным приношением», которое тот сделал в 1747 году прусскому королю и композитору Фридриху II. У Щедрина почтение Баху было выражено во множестве аналогий с великим композитором и его эпохой: прямое цитирование двух органных прелюдий мастера, фактура типа прелюдий Баха, различные полифонические приемы, хитроумная «ракоходная форма», мотив-монограмма Баха – В-А-С-Н. В духе времен Баха «Приношение» пронизано символами – как ни одно другое сочинение Щедрина: в виде букв-нот зашифрованы имена Bach, Berg и Shchedrin, даже дата рождения и рост композитора, цитирована мелодия хорала Р.Але, использованная и Бахом, и Бергом, в определенном моменте партитуры указано – «поцеловать инструмент» (для фаготов и тромбонов). Идущие через все произведение соло органа создают воспоминательно- молитвенный настрой, а три трио духовых (3 x 3 – также сакральные числа) рисуют некие картины религиозного сюжета. Гигантская музыкальная фреска Щедрина не имеет себе равных среди известных музыкальных посвящений.

Другим сочинением Щедрина к 300-летию Баха стала «Эхо-соната» для скрипки соло (1984). Реальное эхо здесь выразилось в виде приема игры на скрипке, с отслоением от музыкальной «речи» скрипача его тихой звуковой «тени», а символическим эхо предстали краткие аппликации из известных произведений Баха – кристаллы гармоничной классики, отслоенные от остродиссонантной современной музыкальной звучности. Соната стала репертуарной у скрипачей разных стран: У.Хельшер, М.Венгеров, Д.Ситковецкий, С.Стадлер и др.

В 1984 году Щедрин написал «Автопортрет» для симфонического оркестра. Психологически он диаметрально противоположен сложившемуся имиджу Щедрина как носителя будоражающей энергии, мастера юмора и шутки. Это – самое мрачно-трагическое сочинение автора, так что его премьера на торжественном открытии II Московского международного музыкального фестиваля (1984) пришлась вразрез с обстановкой композиторского праздника. В названии пьесы Щедрин исходил из опыта живописи: «...Меня вдохновлял пример живописцев. Почти все они писали свои портреты: возможно, это отражало осознанную ими необходимость познать самого себя. Порой, т а к художник приходит к пониманию человека, жизни, времени.» / Яковлев М. Вместо рамки для портрета.//Музыка в СССР 1985 апр.-июнь, с.15/. В авторской аннотации он говорит про «имитацию тоскливых звуков одинокой балалайки..., бормотанье «во хмелю» фагота (словно напевающего старинное песнопение калик переходных), бесконечный, ровный и печальный ландшафт моей страны...». На происходящее вокруг Щедрин реагировал всеми струнами души. 1984-й же год - крайняя точка советского застоя, казавшегося непреодолимым. Спустя год генсек КПСС М.Горбачев выступил с идеей перестройки, под угрозой экономического и общего краха страны.

Созданный в 1985 году балет «Дама с собачкой» по одноименному рассказу А.Чехова был вдохновлен 60-летним юбилеем М.Плисецкой. Либретто было написано Р.Щедриным и В.Левенталем, М.Плисецкая являлась и балетмейстером-постановщиком, и исполнительницей главной роли – Анны Сергеевны, для партии которой костюмы создал знаменитый парижский кутюрье П.Карден. Чистая лирика сюжета была реализована как одноактный балет на 45-50 мин., состоящий из пяти развернутых танцевальных дуэтов - па-де-де. Захватывающей мелодичностью проникнут музыкальный строй балета, воплощающий переливы лирических чувств героев, прозрачен оркестр – только струнная группа с добавлением двух гобоев, двух валторн и челесты, стройна музыкальная форма целого. У Щедрина это – самое поэтически-лирическое балетное произведение.

Наступившая в 1985 году «горбачевская» перестройка, круто изменившая жизнь всей советской интеллигенции, в частности, открыла невиданные возможности контактов с зарубежными странами. В 1988 году состоялось нового типа мероприятие – советско-американский фестиваль «Делаем музыку вместе». Сначала американцы хотели провести фестиваль одного лишь Щедрина, но Министерство культуры СССР не дало на это согласия. Тогда был устроен международный форум с максимальным представительством от СССР. В штат Массачусетс прибыло около 300 человек, в том числе А.Шнитке, С.Губайдулина, А.Петров, Г.Канчели, Б.Тищенко, В.Лаурушас. В постановке «Мертвых

душ» Щедрина участвовали чернокожие певцы. Мировой резонанс фестиваля, и художественный, и политический, был громадный.

Волна перестройки повлекла людей, столь активных, как Щедрин, и к хождению во власть. Композитор стал и действенным политиком. В 1989 году от Союза композиторов он был избран в Верховный Совет СССР. Кроме того, имея собственную политическую программу, он вошел в известную Межрегиональную группу народных депутатов за перестройку в СССР, участниками которой состояли акад. А.Сахаров, будущий первый президент России Б.Ельцин, будущий мэр Москвы Г.Попов, философ Ю.Афанасьев. В частности, они требовали многопартийности и альтернативных выборов, что вовсе не устраивало партийную власть. По телевидению можно было наблюдать схватку направившегося к трибуне Щедрина и не дающего ему слова Горбачева. Щедрин участвовал в реабилитации на родине высланных из страны М.[Ростроповича](#) и Г.Вишневецкой.

С наступлением еще одной знаменательной даты - 1000-летия принятия христианства на Руси - Щедрин написал сочинения, показавшие все глубинное значение этой темы для него, внука священника и самого крещеного в детстве: «Стихира на тысячелетие крещения Руси» (1987) и «Запечатленный ангел» (1988).

Оркестровая «Стихира на тысячелетие крещения Руси» написана на основе древнего первоисточника, записанного крюками, - стихиры на праздник Владимирской иконы авторства царя Ивана Грозного, которую композитор изложил в своей интерпретации. Щедрин воссоздал мир древнерусского пения - его тихость, неспешность и умиротворенность, отражение в нем русского равнинного ландшафта, что сказалось на плавности мелодики, текущей без пауз, вариантности попевок. В партитуре указаны моменты подпевания голосами музыкантов их партиям. Композитор послал произведение для первого исполнения в США Ростроповичу, которому его и посвятил. Тот расценил такой поступок как гражданский подвиг и смог осуществить премьеру в Вашингтонском Кеннеди-Центре (1988). На родине был выпущен первый российский компакт-диск - с записью «Стихиры» Щедрина и стихиры Ивана Грозного.

Русская литургия «Запечатленный ангел», или хоровая музыка по Н.Лескову на канонические церковно-славянские тексты для смешанного хора а cappella со свирелью (флейтой) в 9 частях, была впервые исполнена в Москве, двумя хорами - Московским камерным и Академическим русским хором под управлением В.Минина. Сочинение продолжительностью в 60 мин. - хоровой шедевр, обладающий воздействием не только музыкальным, но также духовно-этическим, подобно службе для прихожан. Оно было отмечено и официально: в 1992 году за него была присуждена Государственная премия РФ - одна из первых в новой России.

Повесть Лескова «Запечатленный ангел» не служила программой музыки Щедрина, от нее были взяты отдельные элементы: название, текст для номера №1 («Ангел Господень»), образ свирелиста, сюжетный «круговорот очищения» - икона чистая, сожженная печатью и снова чистая. По желанию дирижера, могли делаться вставки текста из Лескова (такова запись на компакт-диск в США). И по отношению к литургии: композитор не ставил целью воспроизвести всю ее последовательность, а отобрал лишь ряд текстов (из Обихода, Минеи, Триоди), с перестановками и сокращениями. Стилистически в музыке использованы принципы русского знаменного распева - плавность пения, «равнинность» мелодии, беспрепятственность. По хоровым приемам - это энциклопедия русского хорового письма, включившая помимо мелодики знаменного типа также народную подголосочность, звучный аккордовый склад, краску басов-октавистов, соло мальчика-дисканта, эффект «храмового эха» и имитацию колокольного звона. «Запечатленный ангел» стал выдающимся хоровым произведением XX века и русской духовной музыки.

С конца 80-х годов Щедрин стал получать все больше творческих предложений из-за границы, отвечая на них созданием сочинений на излюбленную русскую тематику, тем самым широко распространяя ее в разных частях света: в Японии был поставлен его мюзикл «Нина и 12 месяцев» (1988) и исполнены «Хороводы» (Четвертый концерт для оркестра, 1989), к 100-летию Чикагского симфонического оркестра написана «Старинная музыка российских провинциальных цирков» (Третий концерт для оркестра, 1989), сочинены камерные пьесы для Финляндии и Парижа. По поводу «Музыки цирков» Щедрин указывал (в аннотации): «В этом произведении я намеренно стремлюсь к красочности, к музыкальной живописи, юмору, к эффектному, внешнему, развлекательному.... «Цирк» писался в годы перестройки, в годы надежд и веры в раскрепощение и переустройство

российского общества. Может быть, чувство надежды на добрые перемены и заряжало меня энергией и оптимизмом?...». (В качестве русского элемента он ввел песню «Очи черные», которую поют вместе с игрой оркестранты.) «Королем современного оркестра называют его профессионалы, имея ввиду максимальную звуковую выразительность при максимальной концентрации и экономии средств», - так отзывается о Щедрина М.Ростропович /Родион Щедрин. Автопортрет. Буклет музыкального фестиваля 2002 г./

Начало 90-х годов вместе с ломкой во всем общественном укладе страны – распаде СССР, образовании нового государства, Российской Федерации, - принесло существенные перемены и в жизни Щедрина. Ослабевшая экономика, серьезные материальные проблемы создавали столь явную угрозу творчеству, что композитор вынужден был выехать на жительство в Германию, в Мюнхен (1991-1992). За ним последовала и его супруга, М.Плисецкая. Оба сохранили российское гражданство. Стали укрепляться связи с западными издательствами и исполнителями. При этом композитор сохранил и укрепил важнейшие свойства своего стиля – демократическую широту и русскую направленность тематики. Но выбор музыкальных жанров стал иным: не возникли новые балеты (только сборная музыка), появилась одна опера – «Лолита», зато необычайно расцвели концерты для солистов с оркестром – для фортепиано, скрипки, альты, виолончели, трубы, как результат контактов с крупнейшими музыкантами мира. Подавляющая часть произведений оказалась связанной с русской темой, и повысилось значение лирического начала. В связи с юбилейными датами Щедрина прошли крупные фестивали в его честь - на родине и во многих странах мира. Он стал признанным классиком отечественной и мировой музыки.

Оперу «Лолита» по одноименному роману В.Набокова на либретто самого композитора (1994) из-за проблемы с авторскими правами нельзя было ставить на основных мировых языках, и тогда возникла идея постановки в Шведской королевской опере - на шведском. Премьера состоялась в Стокгольме 14 декабря 1994 года: дирижер – М.Ростропович, партия Лолиты – Л.Густафсон, Гумберта Гумберта - П.-А.Валгрэн, Куильти - Б.Хауган. Атмосфера скандальности, всегда сопутствовавшая этому сюжету Набокова, здесь выразилась в публичных демонстрациях за отмену спектакля и призывах к артистам отказаться от участия в нем. Но постановка имела большой успех, с отзывами в прессе всего мира.

Хотя именно опера обладает способностью снять натурализм любого сюжета, Щедрин и в либретто, и в музыке постарался углубить моральную сторону романа. В Прологе Гумберт уже сидит в тюремной камере, и через всю оперу проходит хор Судей, обвиняющих его, а в противовес хор Мальчиков в церкви поет просветляющую молитву. Для разрядки трагического напряжения драмы по контрасту проходят вставки оживленных дуэтов Рекламы. Высокий дух оперы царит в длительных, медленных любовных сценах двух главных героев, в возвышенном музыкальном звучании сцены «Грех Гумберта». Щедриным созданы яркие вокальные партии – юной Лолиты, с ее пением в высоком серебристом регистре, стареющего соблазнителя Куильти с его фальцетом или животным криком. Опера завершается Эпизодом-катарсисом, углубляющим набоковский финал. По словам сына писателя, Д.Набокова, «увидь это отец – он был бы счастлив».

Тревога и боль за тяготы России вызвали к жизни струнную музыку «Российские фотографии», посвященную оркестру «Виртуозы Москвы» под управлением В.Спивакова (1994). Это - картины русской жизни в разное время. 1 ч. – «Старинный город Алексин», в память о деде и детстве, 2 ч. – «Тараканы по Москве», когда напасть действительно имела место, хотя музыка не изобразительна, 3 ч. – «Сталин-коктейль», с изображением трелей барабанов, стонов жертв, эхо расстрелов, с цитатами кантаты о Сталине А.Александрова и «Марша энтузиастов» И.Дунаевского, 4 ч. – «Вечерний звон», с настроением запустения, смуты на сердце и подпеванием слов «Вечная память».

В центре периода 90-х стоят три значительных концерта - для виолончели, скрипки и альты, посвященные выдающимся современным музыкантам.

Концерт для виолончели, «Sotto voce concerto» (посвящен М.Ростроповичу, 1994) по концепции принадлежит к произведениям с вечной темой - жизни и смерти. Подзаголовок указывает на любимую Щедриным идею – драмы, услышанной сквозь стену, а также на особое *piuissimo* в исполнении Ростроповича. В музыке выписаны яркие трагические эпизоды, но дано новаторское преодоление земной трагедии: как выход во внечеловеческий мир, благодаря использованию блок-флейт с их звуком тростника, словно русской свирели.

Концерт для скрипки и струнного оркестра «Concerto cantabile» (посвящен М.Венгерову, 1997) – неоромантическое произведение, по стилистике не похожее на «раннего» и «среднего» Щедрина. Оно сравнимо лишь с лирикой его «Дамы с собачкой». «Под словом «cantabile» я подразумеваю в первую очередь тонус состояния души, отчасти – манеру звука. А также и переплетения, перекрещивания, слияние, согласие, спор, контрдвижение поющих линий солиста и оркестра» (из авторской аннотации). Как «мой дневник чувств» охарактеризовал композитор свой концерт в швейцарском кинофильме о нем Ж.Гашо. «Concerto dolce», концерт для альты в сопровождении струнного оркестра и арфы (1997) был подготовлен и игрой отца на этом инструменте, и написанным Щедриным предисловием к „Альтисту Данилову“ В.Орлова, и, конечно, уникальным мастерством Ю.Башмета, которому сделано посвящение. Хотя концерт называется „Dolce“, с этого характера он не начинается и на нем не заканчивается. Большой эпизод dolce расположен в центре формы и особенно значительный прибережен для репризы. В музыку инкрустированы чисто русские элементы, обозначенные «как балалайка» и «как бубенцы» – то и другое вошло в произведение для альты впервые. Характерно, что концерты Dolce и Cantabile Щедрин завершает энергичной волевой кодой.

Камерные произведения середины 90-х отмечены изобретениями Щедрина в характере музыкального звука: „Музыка издалека“ для двух блокфлейт и Вторая фортепианная соната (1996), „Балалайка“ для скрипки соло без смычка (1997), продолжающая идею „Русских наигрышей“ для виолончели соло (1990).

В 1997 году, к 65-летию композитора, состоялись фестивали его музыки в Финляндии, Франции, Германии, а в России торжества прошли в течение 19 дней в четырех городах: Москва, Петербург, Нижний Новгород, Самара.

На грани тысячелетий (1999) от Германии Щедрина поступило почетное предложение: написать оркестровую Прелюдию к Девятой симфонии Бетховена, знаковому сочинению для всей немецкой культуры. Баварский оркестр Радио к своему юбилею заказал сочинение, каким стало Symphonie concertante (Третья симфония) „Лица русских сказок“ (2000), с отражением образов „Дудки-самогудки“, „Сестрицы Аленушки да братца Иванушки“, „Царевны-лягушки“ и др. В 1999 году Щедрин создал один из самых впечатляющих своих концертов – Пятый концерт для фортепиано с оркестром (посвященный финскому пианисту О.Мустонену), начавший после премьеры в Лос-Анджелесе (1999) уверенный путь по эстрадам мира. Благодаря заказу Питтсбургского симфонического оркестра возникла „Лолита-серенада“, из музыки оперы (2001).

70-летие композитора в 2002 году было отмечено великолепным фестивалем в Москве и Петербурге, продемонстрировавшим жизненность его творчества за все годы и неиссякающий потенциал в создании новых произведений (в числе российских премьер – Parabola concertante, «Концертная притча» для виолончели, струнного оркестра и литавр, 2001). В Карнеги-холл прошла премьера симфонических этюдов для оркестра «Диалоги с Шостаковичем» (2002). В Линкольн-центре в Нью-Йорке состоялась мировая премьера оперы Щедрина для концертной сцены «Очарованный странник», по повести Н.Лескова (19 декабря 2002): оркестр Нью-Йоркской филармонии, хор, певцы – А.Ангер, Л.Паасикиви, Е.Акимов, дирижер Л.Маазель.

«Я русский человек, все мои корни здесь. Даже окажись я где-нибудь на Огненной земле – остался бы таковым», – говорит о себе Щедрин / Р.Щедрин. «Кто-то задумал перевоспитать русских...». Беседа с С.Бирюковым. //Труд 22.12.95/ С огромной изобретательностью он умел и умеет вводить русские элементы в свой музыкальный язык, воспроизводя стихиры, молитвы, частушки, пастушьи наигрыши, колокольные звоны, голошения плакальщиц, музыку цирков, треньканье балалайки, гусельные переборы, цыганскую песню, аппликации из Чайковского и т.д.. В то же время вся аура его сочинений – типично современная: острота диссонантных звуковых сопряжений, игра пространствами музыкальной эстрады, прием коллажа, предельно разнообразная артикуляция и новаторские способы исполнения на всех инструментах.

Музыка Щедрина заряжена той солнечной жизненной силой, которой во многом не додало людям искусство XX века. Поэтому так велик человеческий отклик во всем мире на его «музыкальное приношение». Всю жизнь идя своим путем, он занял устойчивую позицию в самом центре музыкальной культуры, а, по словам Р.У.Эмерсона, «герой тот, кто стоит неподвижно в центре».

Творческие заслуги Р.К.Щедрина были отмечены многочисленными почетными званиями и премиями: Государственная премия СССР (1972), Член-корреспондент Баварской

академии изящных искусств (1976), Почетный член Общества Ф.Листа (США, 1979), Народный артист СССР (1981), Почетный член Академии изящных искусств ГДР (1982), Ленинская премия (1984), Почетный член Международного Музыкального совета (1985), Член Берлинской Академии искусств (1989), Государственная премия России (1992), Премия им. Д.Д.Шостаковича (Россия, 1992), Премия Crystal Award Всемирного экономического форума (Давос, 1995), Почетный профессор Московской консерватории (1997), «Композитор года» Питтсбургского симфонического оркестра (2002), Орден «За заслуги перед Отечеством» III степени (2002).